

М. НИДЕРМАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

*Переезд с второго французского издания
и примечания*

Я. М. БОРОВСКОГО

1949

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА

PRÉCIS
DE PHONÉTIQUE HISTORIQUE
DU LATIN

par

MAX NIEDERMANN
*Professeur de l'Université
de Neuchâtel (Suisse)*

NOUVEAU TIRAGE

P A R I S

1945

О Т ПЕРЕВОДЧИКА

«Историческая фонетика латинского языка» М. Нидермана вторично появляется в свет в русском переводе. Потребность в новом издании этой книги, зарекомендовавшей себя как хорошее введение в историческую грамматику латинского языка, вызвана не только малой доступностью первого русского перевода¹, вышедшего почти сорок лет тому назад, но и тем, что во французском издании 1945 года, с которого сделан предлагаемый перевод, «Историческая фонетика» подверглась значительной переработке.

В своем первоначальном виде книга предназначалась для использования в школьном преподавании латинского языка. Целью автора было дать в руки преподавателя пособие, которое позволило бы ему внести уже в начальный курс латинского языка элементы исторического объяснения фактов и тем не только повысить образовательную ценность изучения языка самого по себе, но во многих случаях углубить филологическую интерпретацию читаемых текстов. Практика показала, однако, что наибольшее распространение как французский оригинал книги, так и многочисленные ее переводы на иностранные языки получили в высшей школе, и поэтому в новом издании автор отказался от того условия, которое поставил перед собой первоначально, — не допускать в изложении ничего, что было бы выше понимания учащихся средней школы.

Будучи, таким образом, рассчитана в своем нынешнем виде на потребности высшей школы, книга М. Нидермана и в наших условиях явится удовлетворительным пособием по латинской исторической фонетике. Трактовка охваты-

¹ Проф. М. Нидерман, Историческая фонетика латинского языка. Перевод с немецкого под редакцией и с предисловием профессора Московского университета А. Грушки. Москва, 1910.

ваемого книгой материала стоит на должной научной высоте и ориентирует читателя как в современном положении затрагиваемых в книге вопросов, так и в методике их исследования. Необходимо отметить, что именно фонетика составляет ту область языковых явлений, в изучении которой введенное М. Нидерманом ограничение рассматриваемого материала почти исключительно фактами одного языка оказывается наиболее уместным. Введя это ограничение из чисто дидактических соображений с целью сделать книгу доступной для лиц, не располагающих широкими знаниями в области индоевропейских языков, автор вместе с тем остается всецело на почве строго установленных научных данных. Его задача состоит в уяснении закономерностей, определивших возникновение фонологической системы латинского языка, фиксированной литературными памятниками классической эпохи, и в основном прослеживаемых при сопоставлении имеющихся в нашем распоряжении латинских языковых фактов. Не затрагивая сложных и все еще далеких от разрешения вопросов истории языка, автор излагает лишь те результаты научного исследования, которые должны быть учтены при разработке этих общих проблем. Положительную черту его метода составляет при этом тщательная филологическая проверка привлекаемого к рассмотрению материала эпиграфических и литературных памятников.

Однако на книге М. Нидермана, являющегося учеником А. Мейе, одного из виднейших представителей индоевропеистики, отразились основные пороки этого идеалистического направления западноевропейской лингвистики. Не давая развернутого анализа основных для исторической фонетики понятий фонемы и фонетического закона, автор в своем изложении исходит из присущей младограмматикам механистической их трактовки. Действительно, он определяет фонему как «слуховое впечатление, обусловленное изменениями, которые сообщают органы речи потоку воздуха, выталкиваемого легкими». В соответствии с этим определением, игнорирующим наиболее существенное в фонеме — ее семантическую сторону, излагаемая далее общая теория фонем сводится к чисто механическому описанию артикуляций, служащих для образования «звуков речи». Поэтому, когда в своих вводных

замечаниях о методе исторической фонетики (§ 2) автор противопоставляет фонетические законы законам физики и химии как лишенные того характера всеобщности, которым обладают последние, то не только смысл этого противопоставления остается нераскрытым, но и само оно оказывается чисто внешним, поскольку фонетические законы в представлении М. Нидермана целиком обусловлены физическими причинами: фонетические изменения, говорится здесь, затрагивают только фонетический образ вне всякой зависимости от внутреннего значения слова. Более реальный смысл получает при этом делаемое здесь же противопоставление фонетического закона действующей в развитии языка аналогии как фактору, зависящему от значений слов или от их грамматической связи. Однако и в этом пункте трактовка М. Нидермана не может быть принята безоговорочно: говоря о языковых значениях, он рассматривает эти значения исключительно в плане индивидуальной психологии говорящих субъектов, и, таким образом, в конечном итоге как фонетический закон, так и аналогия отрываются от основного фактора, которым в действительности обусловлены языковые изменения, — от социального функционирования языка как орудия человеческого общения.

Между тем, как это необходимо подчеркнуть, подлинное объяснение любых языковых изменений, в том числе и фонетических, достижимо лишь с учетом их семантической основы, коренящейся в свою очередь в социальной функции языка. Эта задача огромной сложности, и в ее разрешении та обработка языкового материала, которую дает историческая фонетика латинского языка на нынешнем уровне ее развития, может послужить лишь отправным пунктом для дальнейшего исследования.

Следует отметить и наличие в «Исторической фонетике» устаревших формулировок, связанных со схематическим представлением о развитии родственных языков как о прямолинейном процессе последовательной дифференциации, возводимом к общему для всех них исходному языковому единству. Таково, например, упоминание об общечитайской эпохе, в которую «латинский, оскский и умбрский языки составляли еще в основном один язык» (§ 94), и т. п.

Указывая здесь на эти недостатки книги М. Нидермана, которые необходимо иметь в виду при использовании ее как учебного пособия, мы сочли уместным сохранить в переводе текст «Исторической фонетики» без каких-либо изменений, если не считать исправления мелких корректурных и редакционных недосмотров французского оригинала. Все поправки и дополнения сколько-нибудь принципиального характера вынесены в подстрочные примечания. В примечаниях дан также перевод содержащихся в книге грамматических свидетельств античных авторов.

Я. Боровский

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ЗНАКОВ И СОКРАЩЕНИЙ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХ В КНИГЕ

Звездочка * перед словом указывает на то, что речь идет о форме, не засвидетельствованной и восстанавливаемой индуктивно. Знаки > и < означают соответственно: «перешло в» и «произошло из». Так, e>i означает, что древнее e изменилось в i, и наоборот, i<e — что i происходит из древнего e.

Если буква имеет после себя или перед собой черточку или стоит между двумя черточками, она означает соответственно начальную, конечную или серединную фонему; например, s- означает s начальное, -s — конечное, -s- — серединное. Таким же образом обозначается место, занимаемое в слове той или иной группой фонем, обозначающей несколькими буквами.

В фонетической транскрипции испанская тильда ~, помещенная над буквой, означает назализацию (носовое произношение) соответствующего гласного звука; например á означает носовой звук, соответствующий написанию aп в франц. plan; è, ò означают e, o открытые, как в франц. vert, mort; e, ò — закрытые, как в франц. nez, dos; y, w, ÿ означают неслоговые i, u, ii, например в франц. pied (руę), ouest (wést), lui (lwi); þ означает глухой интердентальный спирант, соответствующий написанию th в англ. thin; z означает звонкий зубной спирант, соответствующий русск. з.

CIL — Corpus inscriptionum latinarum consilio et auctoritate Academiae litterarum Borussicae editum; GL — Grammatici latini ex recensione H. Keilii; NA — Noctes atticae.

НАЧАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 1. Латинский язык вместе с языками оскским и умбрским, а также сабельскими диалектами нескольких небольших горных племен средней Италии образует итальянскую группу индоевропейской системы, другими главнейшими группами которой являются индо-иранская, греческая, славянская, балтийская, германская и кельтская. Первоначальная область распространения латинского языка, древний Лаций, была ограничена на севере рекой Тибром, на северо-востоке — нижним течением реки Аниена, на востоке — Апеннинской горной цепью, на юге — гористой

областью вольсков, наконец, на западе — морем, от Киркейского мыса до устья Тибра. В результате римских завоеваний латинский язык распространился последовательно на итальянском материке, на островах Сицилии, Сардинии, Корсике, на севере Африки, в Испании и Галлии и, начиная с христианской эры, проник также в Ретию и Даацию. Во всех этих странах, кроме африканского побережья, до сих пор говорят на языках, общую основу развития которых представляет латинский.

В то время как оский, умбрский и сабелльский языки известны нам только в очень слабой степени и лишь из эпиграфических текстов, для изучения латинского языка, помимо неисчислимого количества надписей из всех частей огромной римской державы, мы располагаем еще богатой и разнообразной литературой. Древнейшая латинская надпись — это надпись на золотой булавке-застежке, найденной в городе Пренесте (так называемой пренестинской фибуле); она относится приблизительно к 600 г. до н. э. Литература в собственном смысле слова начинается с поэтических произведений Ливия Андроника (попавшего в Рим в качестве военнопленного в 272 г. до н. э.), Невия (ум. в 201 г. до н. э.), Плавта (около 251—184) и Энния (239—169) и с прозаического труда Катона Старшего (234—149). Литературный язык, основанный на говоре Рима, сохранился, начиная с I в. до н. э., в почти неизмененной форме и, подвергнутый строгой регламентации грамматиков,держал этот характер искусственного единства вплоть до того момента, когда римская империя, подточенная распространением христианства, пала под написком варварских нашествий. Народный разговорный язык, который никогда не переставал эволюционировать и в силу этого все более и более удалялся от классического языка, одержал тогда верх, получив общее распространение и в среде образованного общества, которое до тех пор, пока существовала старая греко-латинская культура, постоянно старалось сообразовать свою речь с официальной нормой письменной латыни. Последняя, однако, нашла себе прибежище в монастырях, где и сохранялась на протяжении всего средневековья наряду с романскими языками, развившимися из народной или, как ее обычно называют, вульгарной латыни. Монастырские школы восприняли

наследие античных грамматиков, и католическая церковь избрала и сохраняет до наших дней латинский язык в качестве языка богослужений. Но потребность приспособить эту средневековую латынь к энциклопедическому характеру новой цивилизации, родившейся на развалинах древнего мира, и соседство народных говоров, которыми церковники, в своем собственном обиходе говорившие и писавшие по-латыни, вынуждены были пользоваться в общении с народом, были причиной многих изменений. Эти изменения свидетельствуют, что поздняя латынь оставалась живым языком. Возрождение, стремясь подражать классической древности, вернуло латинскому языку его первоначальную чистоту и правильность, но тем самым превратило его в мертвый язык, остановив его естественное развитие. Предпринимавшиеся в новое время попытки восстановить латинский язык в качестве вспомогательного международного языка окончились неудачей.

ПРЕДМЕТ ФОНЕТИКИ. ВОПРОСЫ МЕТОДА

§ 2. Фонетикой того или иного языка называется учение о фонемах, из которых состоит этот язык. Под фонемами разумеются все слуховые впечатления, обусловленные изменениями, которые сообщают органы речи потоку воздуха, выталкиваемому легкими¹. Эти фонемы, или звуки, могут

¹ Даваемое здесь определение фонемы (восходящее к французскому лингвисту Соссюру, который ввел этот термин) не учитывает наиболее важной с точки зрения лингвистики характеристики звуков речи — их способности в той или иной мере служить целям речевой коммуникации, то есть быть носителями определенных значений. Понятие фонемы как звука речи, рассматриваемого в этой его смыслоразличительной функции, было впервые дано русским лингвистом И. А. Бодуэн де Куртенэ и получило дальнейшее развитие в трудах академика Л. В. Щербы. Сущность этого понятия может быть уяснена при помощи следующего примера. В латинском языке, как и в русском, существовали звуки «твердое l» и «мягкое l»; например, латинские слова lac «молоко» и lis «тяжба» звучали приблизительно так же, как русские слова лак и лис, начинаясь первое с «твердого l», а второе — с «мягкого l». Однако различие этих двух звуков в латинском языке имело существенно иной характер по сравнению с русским языком. В русском языке можно указать целый ряд таких пар слов, в которых различие «твердого l» и «мягкого l» служит единственной опорой для смыслового различения: лак и ляг, лук и люк, лот и лед, полка и полька и т. д. (Во избежание недоразумения на-

изучаться с двух точек зрения: со стороны их физиологической и акустической характеристики и со стороны их исторического развития. Отсюда различие двух фонетик: **фонетики описательной, статической или синхронической**, которая описывает определенное состояние языка, анализируя факты, **относящиеся к одному и тому же времени**, и **фонетики исторической, эволюционной или диахронической**, которая рассматривает различные фазы развития языка во времени и анализирует **последовательные преобразования фонем**. Эти преобразования происходят **бессознательно**, то есть не зависят от сознательной воли говорящих субъектов. Они осуществляются **с полным постоянством**, то есть в данной области все одинаковые фонемы или группы фонем, оказывающиеся в одинаковых условиях, развиваются тождественным образом. **Исключения** из этого правила, составляющего один из основных принципов лингвистического метода, всегда лишь **кажущиеся**. Они объясняются теми нарушениями, которые вносят в нормальное действие фонетических законов факторы особого порядка. Наиболее важный из этих факторов, нарушающих закономерность, — **аналогия**. Если, например, ё во внутреннем открытом (то есть заканчивающемся своим гласным элементом) слоге представляется незатронутым изменениями в словах *appětō* «домогаюсь», *comědō* «поедаю», *subvěnīo* «прихожу на помощь», *remědium* «средство», тогда как оно перешло в ī в словах *contīneō* «содержжу, сдерживаю», *élīgō* «выбираю», *reprětō* «подавляю», *dīmīdius* «половин-

помним, что в системе русской графики, то есть письменного изображения звукового состава слов, такое написание, как ляг, означает звучание «л'ак», люк — «л'ук» и т. д.; здесь знаком л' изображено «мягкое l».) Это и дает основание говорить, что эти два звука в русском языке являются двумя самостоятельными фонемами. В латинском же языке различие между «твердым l» и «мягким l» всецело обусловлено качеством соседних звуков (например, в приведенных словах *lac* и *lis* положением перед a в первом случае и перед i — во втором) и поэтому никогда не могло иметь смыслоразличительной функции: слово, звучащее как русское ляг, в латинском языке невозможно. Это обстоятельство мы и выражаем, когда говорим, что латинские «твердое l» и «мягкое l» были не двумя самостоятельными фонемами, а двумя различными оттенками или вариантами одной и той же фонемы. Таким образом, русские слова лак и лис отличаются одно от другого всеми тремя фонемами, входящими в состав каждого из них, а латинские *lac* и *lis* — только двумя. (*Прим. пер.*)

ный», то следует остерегаться приписывать это различие в трактовке ё какой-либо прихоти языка. В действительности, переход ё в й осуществился во всех приведенных словах, но аналогия восстановила первоначальное ё в *appētō*, *comēdō*, *subvēnīō*, *remēdium* в целях этимологической ясности, иначе говоря, чтобы заставить отчетливее выступить их близость к *þētō*, *þdō*, *vēnīō*, *mēdeor*. Точно так же, если **isdem* перешло в *īdem*, но *eījsdem* не дало **eījūdem*, то, очевидно, во втором случае стремление сделать более тесной этимологическую связь задержало фонетическую эволюцию.

Заслуживает, однако, внимания, что *īdem* и *contēneō* не подверглись действию аналогии, хотя их связь с *īs* и *tēneō* была едва ли менее тесной, чем связь между **eījūdem* и *eījs*, **comēdō* и *þdō*. Итак, **аналогия не действует с той слепой неизбежностью, как фонетические законы**. Это, конечно, зависит от того, что она обусловлена психологическими причинами, гораздо более сложными, чем физические причины, обуславливающие фонетические изменения. В самом деле, **аналогия проявляется всегда как функция значения или грамматической связи, а фонетические изменения, наоборот, затрагивают только акустический образ вне всякой зависимости от внутреннего значения слова**.

Другие ограничения постоянства фонетических законов возникли в результате заимствований. Так, *s* в интервокальном положении, подвергшееся озвончению, а затем перешедшее в *г* около середины IV в. до н. э. (см. § 47), сохраняется в словах *asinus* «осел», *gaesum* «дротик», *rosa* «роза», *Mūsa* «Муза», потому что эти слова не принадлежат к собственно латинскому словарю, а были заимствованы из различных иностранных языков после указанной даты. Так как их не было еще в латинском языке в то время, к которому относится явление ротацизма, то они ускользнули от его действия.

Это показывает, что **фонетические законы не обладают тем характером всеобщности, который присущ законам природы**. Соотношение между условием (например, расстоянием от тела до центра земли) и его следствием (весом тела), выражаемое физическим законом тяготения, реализуется с абсолютной всеобщностью в любое время и в любом месте. Лингвистический же закон ротацизма (см. § 47),

наоборот, имеет силу только для латинского и умбрского языков, но не для оскского, греческого или санскритского и касается только интервокальных s в словах, принадлежащих латинскому словарю приблизительно до 350 г. до н. э. Отсюда следует, что лингвистические законы в отличие от законов природы не допускают никакого предвидения фактов. Можно заранее утверждать, что при взаимодействии хлора с водородом всегда получится соляная кислота. Но тот факт, что в определенный момент каждое латинское интервокальное s перешло в g, не дает оснований для вывода, что в каждом новом слоге, содержащем интервокальное s, последнее должно будет измениться таким же образом.

Наконец, то или иное фонетическое явление, в действительности совершенно закономерное, может показаться нам исключением, потому что **оно замаскировано дальнейшим изменением**. Нет, например, никакого реального противоречия между rērīt̄ (перфект от pellō «толкаю» < *pel-nō и familiā «семейство, дом» (ср. оскское famelo), хотя подвергшийся изменению гласный среднего слога перед палатализованным l в одном из этих слов получил тембр i, а в другом — ī. Действительно, rērīt̄ восходит к *rērīlai (см. § 23); следовательно, l здесь было сначала велярным, тогда как familiā, ранее *famēlia, имело палатальное l с самого начала. Это различие и объясняет несходные результаты перехода.

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ФОНЕМ

§ 3. Речь производится выдыхаемым потоком воздуха. Вытолкнутый из легких воздух проходит сначала через жесткий канал, называемый **дыхательным горлом** (trachea), а затем вступает в область **гортани** (larynx). Гортань образована из нескольких хрящей, между которыми протянуты две горизонтальные перепонки, так называемые **голосовые связки** (ligamenta vocalia или chordae vocales), образующие щель, называемую **голосовой щелью** (glottis vocalis). Встречая голосовую щель закрытой, струя выдыхаемого воздуха пролагает себе путь посредством ряда толчков, приводящих в колебание голосовые связки; если, наоборот, голосовая щель открыта, то воздух проходит свободно, не вызывая колебательных движений. В первом случае производимый звук будет **звонким**, во втором — **глухим**. Чтобы опреде-

лить, к какой из этих категорий принадлежит звук, достаточно при произнесении его зажать себе уши. Если в голове при этом будет слышаться гудение, то это звонкий звук; если же никакого гудения нет, то произносимый звук — глухой. Пройдя через гортань, воздух вступает в область глотки (*pharynx*), откуда выходит через рот или через нос, или обоими этими путями вместе, в зависимости от того, в каком положении находится **нёбная занавеска** (*velum palati*) — перепонка, разделяющая полость рта и носа, — то есть поднята ли она, опущена или поддерживается соответствующими мышцами в среднем положении. Рот при произнесении звуков играет двоякую роль. Иногда он служит только резонатором для образуемого в гортани звука, иногда же создает различные препятствия на пути прохождения выдыхаемого воздуха — смычки или сужения.

В соответствии с этим среди звуков речи имеются такие, при произнесении которых ротовая полость остается неизменной, и такие, произнесение которых требует замыкания и открывания рта. Первые звуки называются **гласными**, вторые — **согласными**. Однако необходимо сразу же подчеркнуть, что провести резкую грань между этими двумя категориями звуков невозможно. Так, звуки, обозначаемые через *i*, *ou*, *u*, являются гласными в французских словах *il lie*, *il loue*, *il tue*, но так как они произносятся с сильным поднятием языка или сужением отверстия между губами, то могут функционировать и как согласные: так, в случаях *nous lions*, *nous louons*, *nous tuons* от глагольной формы образуется в обычном французском произношении только один слог (*lyõ*, *lwõ*, *twõ*). С этой оговоркой мы можем сохранить ради удобства изложения традиционные термины «гласный» и «согласный».

§ 4. Исходя из нейтрального гласного звука **а**, при произнесении которого язык мягко лежит на нижней поверхности ротовой полости, находящейся в состоянии покоя, можно разделить гласные звуки на **передние** и **задние** в соответствии с тем, находится ли язык при их артикуляции в передней или задней части рта. За другое основание для классификации можно принять расстояние по вертикали между спинкой языка и нёбным сводом. По этому признаку мы различаем гласные **низкие** и **высокие**, чаще называемые

открытыми и закрытыми. Два гласных различного тембра и интенсивности, произносимые как один слог без перерыва выдохания, образуют дифтонг.

§ 5. Согласные по способу артикуляции, то есть по механизму образования препятствия, которое вызывает шум, характеризующий каждый из них, делятся на **смычные** и **щелевые**. Первые характеризуются полной смычкой, создаваемой на пути прохождения воздуха, вторые — лишь сужением этого пути. Смычные подразделяются на **смычные ротовые**, обычно называемые просто **смычными**, и **смычные носовые**, обычно называемые просто **носовыми**. Различие между теми и другими заключается в том, что при произнесении смычных ротовых нёбная занавеска поднята, так что вход в носовую полость закрыт и поток воздуха направляется в рот, тогда как смычные носовые образуются путем полного смыкания в ротовой полости с одновременным опусканием нёбной занавески, вследствие чего воздух выходит через нос. Смычные ротовые представляют собой мгновенные шумы (вследствие чего иногда называются взрывными); смычные носовые, а также щелевые, наоборот, могут быть протянуты в течение более или менее длительного времени. Поэтому первым дают также название **мгновенных**, вторым — **длительных**. Щелевые подразделяются на три категории, называемые соответственно **фрикативными**, **дрожащими** и **латеральными**, или **боковыми**. При произнесении фрикативных поток воздуха, проходя через узкую щель, производит шум трения, сходный со звуком дыхания; отсюда термин **спиранты**, которым некоторые лингвисты предпочитают обозначать фрикативные. Дрожащие характеризуются быстрым колебательным движением гибкого органа (язычка или оконечности языка), выводимого из своего положения выдохаемым воздухом и возвращающегося в прежнее положение. Латеральные образуются при преграждении доступа воздуху в средней части ротовой полости языком, прижатым к нёбу, вследствие чего поток воздуха устремляется по бокам.

Другая классификация согласных может быть установлена по **месту артикуляции**, то есть по тому месту в ротовой полости, где создается препятствие, порождающее

шум, характерный для тех или иных согласных. С этой стороны различают согласные **губные** (точнее **билиабиальные**), **губно-зубные**, **зубные** (точнее **язычно-зубные**) и **палатальные**, или **нёбные** (точнее **язычно-нёбные**), сообразно с тем, образуется ли смычка или сужение вследствие сближения губ между собой, нижней губы с верхними резцами, языка с верхними резцами или языка с нёбом. Место артикуляции смычных нёбных и щелевого латерального I не вполне постоянно, так как язык прикасается к нёбу то ближе кпереди, то несколько глубже, смотря по тембру следующего гласного. Таким образом, мы имеем **передненёбные**, или **препалатальные**, и **задненёбные**, или **постпалатальные**, согласные. Часто название палатальных оставляют только за препалатальными, а постпалатальным дают название **велярных** (от слова *velum*, см. § 3). Термин «гуттуральные» (гортанные), употреблявшийся как синоним для обозначения палатальных в широком смысле, в настоящее время оставлен как совершенно неподходящий.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛАТИНСКИХ ФОНЕМ

§ 6. Латинские гласные в соответствии с установленными выше принципами классификации могут быть представлены в следующей таблице, указывающей на различные положения языка:

Расстояние между языком и нёбом	Язык		
	продвинут вперед	удален влглубь	
	Минимальное → І		Ї
		І	Ї
		Є	Ӯ
		҃	Ӷ
	Максимальное →		Ӑ

П р и м е ч а н и е. Не включенный в таблицу гласный у не встречается ни в одном собственно латинском слове, а сохраняется только в греческих заимствованиях (см. § 7, прим. 4в).

Дифтонгов в классическом латинском языке было четыре, а именно, **еи** (очень редкий, см. § 32), **аи**, **ае**, **ое**.

§ 7. В нижеследующей таблице представлена классификация латинских согласных по способу и месту артикуляции:

Место артикуляции		Губные (билиаби- альные)	Губно- зубные	Зубные (язычно- зубные)	Палаталь- ные (язычно- небные)
Способ артикуляции					
Смычные	Ротовые	Звонкие b		d	g
		Глухие p		t	c, k, q,
	Носовые	Звонкие m		n	ŋ
		Глухие			
Щелевые (спиранты)	Фрикатив- ные	Звонкие			
		Глухие	f	s	
	Дрожащие	Звонкие			r
		Глухие			
Латераль- ные	Звонкие				l
	Глухие				

П р и м е ч а н и я: 1. Буквы с, к, q имели первоначально, по-видимому, следующие функции: с писалось перед i и e (*citra, censor*), к—перед a и согласными (*karūt, liktōr, sakros* «*sacer*»; *CIL*, I², 1), q—перед o и i (*qomes, quīga*) и в комбинации *qui*, обозначающей лабиализованный глухой велярный смычный (*quis*). Но уже очень рано употребление обобщилось, к исчезло, оставив следы только в нескольких сокращениях, например *K=Caeso* (личное имя), К или *KAL=calendae*, *KK=castra*, а q сохранилось лишь в словах типа *quis, qualis, quot, aqua, соquo*.

2. Как доказывают архаические написания типа *comfluent* (*CIL*, I², 584) и *im fronte* (*CIL*, I², 1420), лат. f первоначально было билиабиальным (см. § 88), но в дальнейшем перешло в губно-зубной спирант, который артикулировался, как и русск. ф, посредством соприкосновения верхних резцов с внутренней поверхностью нижней губы.

3. ѹ обозначает палатальный носовой, который в обычном латинском письме обозначается через n перед палатальными смычными (*angulus, anceps*) и через g перед зубным носовым n (*agnus, dignus*; см. § 25). Поэт Аккий (род. в 170 г. до н. э.) предложил писать g также и в первом случае — *aggulus, agceps* — в соответствии с греческой орфографией, но ему не удалось ввести это новшество.

4. В вышеприведенную таблицу не вошли:

а) h, которое уже в начале литературного периода было немым, как в современном французском языке (см. § 50).

б) ѡ и v, которые по крайней мере до I в. были полугласными, то есть неслоговыми формами i и u, соответствующими франц. i в слове *pierre* (произносится ryēr) и ou в слове *échoeuer* (произносится échwe). Употребление букв ѡ и v принадлежит новому времени; их введение связывается с литературной деятельностью гуманистов, в особенности французского философа и грамматика Пьера Рамэ (*Petrus Ramus*, 1515–1572).

в) Звуковой фрикативный зубной z, чуждый собственно латинским словам; см. Квинтилиан: «est ipsis statim sonis durior [Latina facundia], quando et jucundissimas ex Graecis litteras non habemus, vocalem alteram, alteram consonantem, quibus nullae apud eos dulcius spirant, quas mutuari solemus quotiens illorum nominibus utimur — quod cum contingit nescio quomodo velut hilarior protinus renidet oratio, ut in zephyris et zophoris: quae si nostris litteris scribantur, surdum quiddam et barbarum efficient»¹... (Instit. orat., XII, 10, 27).

г) Глухие смысловые придыхательные ch, th, ph, употребление которых первоначально было ограничено греческими заимствованиями, как, например, chorus «хор», māchīna «машина, хитрость», philtrum «приворотное зелье», gomphaea «палаш», thēsaurus «сокровище», cithara «четырехструнная цитра»; под влиянием этих заимствований придыхание распространялось с конца II в. до н. э. и на некоторое число слов латинского происхождения, как, например, pulcher «красивый» (произношение без придыхания pulcer было устаревшим уже во времена Цицерона, как об этом сообщает он сам, — Orator, 48, 160), sepulchrūm «могила» (произношение, которое еще не стало общепринятым в эпоху Цицерона и которое он лично отвергает, — см. указанное место), limpha «ключевая вода», sulphur «серебро» и т. д. (см. § 40).

5. Двойственность, наблюдаемая в французском, русском и других языках в названиях букв, означающих согласные, и заключающаяся в том, что f, l, m, n, r, s называются èf, èl, èm, èn, èr, ès, но b, c, d, g, k, p, q, t называются bē, cē, dē, gē, kā, pē, kū, tē, восходит к древности, с тем только отличием, что до второй половины IV в. буквы первой группы не имели в своих названиях вспомогательного гласного. Они были до этого времени «litterae per se nominativae, sive quae per se prolatae nomen suum ostendunt»² (Харисий, CL, I, 9, 4 и Присциан, CL, II, 8, 10), как a, e, i, o, u. По этой причине в терминологии римских грамматиков они противопоставлялись как sēmivōcālēs (полугласные) буквам b, c, d, g и т. д., которые назывались mūtae (немые): «quod per se sine adminiculo vocalium non possunt enuntiari»³ (Диомед, CL, I, 423, 24 и сл.). Отметим поучительное в этом отношении место из Плавта: «<Demipho> hodie ire ossepi in ludum litterarium: Lysimache, ternas scio jam. <Lysimachus> quid ternas? <Demipho> a, m, o (amo)» (Merc., 302 и сл.).

¹ «Латинская речь уже в звуковом отношении грубее [чем греческая], так как у нас нет тех приятнейших греческих букв — одной гласной и одной согласной, — которые звучат у них благозвучнее всех других и которые мы обычно заимствуем всякий раз, когда пользуемся греческими словами. В этих случаях наша речь сразу становится как-то оживленнее; таковы, например, слова zephyrus и zophorus: если написать их нашими буквами, то получится нечто глухое и варварское».

² «буквы сами себя именующие, то есть такие, которые, будучи произнесены, показывают свое название».

³ «потому что без помощи гласных не могут быть произнесены».

ЛАТИНСКОЕ УДАРЕНИЕ

§ 8. Под ударением мы понимаем выделение слога по отношению к другим слогам того же слова, вызванное или особой остротой тона, или интенсивностью (силой). В принципе повышение тона и интенсивность независимы друг от друга, но практически они почти всегда наблюдаются вместе. Поэтому, если мы говорим, что тот или иной язык обладает ударением силы (эксспираторным ударением), это обычно означает только, что повышение тона в нем выражено заметно менее отчетливо, чем изменение интенсивности. Равным образом, ударением высоты тона (тоническим) мы будем называть такое, где преобладает музыкальный элемент.

Латинское ударение от начала литературного периода до эпохи империи было в основном ударением высоты тона, или музыкальным. Действительно, в языках, имеющих сильно выраженное ударение интенсивности, например в современном русском или немецком, ритм стиха основан на ударении слов. Латинская же метрика, как и греческая, основана на противопоставлении долгих и кратких слогов; ударение в стихе, по крайней мере эпическом и лирическом, почти не играет роли, совпадая с сильным временем стопы лишь в виде исключения. К тому же термины, которыми пользуются латинские грамматики, описывая ударение своего языка, ясно свидетельствуют о музыкальном характере латинского ударения. Приведем, например, свидетельство Баррона, сообщаемое грамматиком Сергием: «*natura vero prosodiae in eo est, quod aut sursum aut deorsum; nam in vocis altitudine omnino spectatur adeo ut, si omnes syllabae pari fastigio vocis enuntientur, prosodia sit nulla*»¹ (*De accentibus, GL, IV, 525, 21* и сл.), а также свидетельство Цицерона: «*ipsa enim natura, quasi modularetur hominum orationem, in omni verbo posuit acutam vocem*»² (*Orationes, 18, 57*). И только приблизительно с V в. мы встречаем

¹ «Природа ударения заключается в том, что [тональность изменяется] или вверх или вниз; она проявляется вообще в высоте голоса, так что если бы все слоги произносились с одинаковым повышением голоса, то не было бы никакого ударения».

² «Природа, как бы стремясь к разнообразию человеческой речи, в каждом слове выделила острый тон».

определения, предполагающие ударение силы, например у грамматика Помпея: «illa syllaba plus sonat in toto verbo, quae accentum habet»¹ (*GL*, V, 126, 31 и сл.) и «inge tibi quasi vocem clamantis ad longe aliquem positum, ut puta inge tibi aliquem illo loco contra stare et clama ad ipsum; cum cooperis clamare, naturalis ratio exigit, ut unam syllabam plus dicas a reliquis illius verbi, et quam videris plus sonare a ceteris, ipsa habet accentum»² (127, 3 и сл.).

Мы должны, следовательно, допустить, что в определенный момент латинская акцентуация подверглась коренному изменению в том смысле, что ударение музыкальное преобразовалось в ударение силы. И действительно, в романских языках ударение повсюду оказывается силовым. Переходный период характеризуется множеством просодических ошибок у поздних поэтов, — ошибок, показывающих полное крушение прежней системы распределения гласных по количественному признаку. Это связано с тем, что если ритмы квантитативный и музыкальный могут существовать рядом независимо один от другого, то между ритмом квантитативным и ритмом интенсивности в конечном итоге всегда устанавливается компромисс. Поэтому, как только различие в высоте тона между ударным слогом и слогом безударным сладилось, заменившись различием в интенсивности, которое, существуя уже и ранее наряду с музыкальным элементом, оставалось первоначально на втором плане, ударяемые краткие стали превращаться в долгие, а безударные долгие — сокращаться. Это развитие, повидимому, началось раньше и протекало более быстро в народном произношении, чем в литературном языке. В языке народной массы начало этого изменения должно восходить к I в., как показывают случаи синкопы, засвидетельствованные помпейскими стенными надписями типа *extisscaut* (*CIL*, IV, 1391), *pedicaud* (*ibid.*,

¹ «Тот слог звучит сильнее в слове, который имеет ударение».

² «Представь себе голос человека, который кричит, обращаясь к кому-нибудь, находящемуся на далеком расстоянии. Например, представь себе, что кто-либо стоит там, против тебя, и закричи ему; когда начнешь кричать, то, естественно, ты произнесешь один слог сильнее остальных слов этого же слова, и тот слог, который, ты заметишь, звучит сильнее прочих, и имеет на себе ударение».

2048) вместо *exmūscāvit*, *pēdīcāvit* или *maldixit* (*ibid.*, 2445) вместо *maledīxit*. Трудно объяснить здесь исчезновение послеударного краткого иначе, чем интенсивностью ударного слога, так как если музыкальное ударение почти не оказывает заметного влияния на фонологическую систему, то интенсивность, напротив, оказывается одним из важнейших факторов изменений произношения, особенно изменений вокализма. Грамматики, как мы только что видели, начинают отмечать новый характер латинского ударения не ранее V в., но это лишь кажущееся противоречие; чтобы устраниТЬ его, достаточно допустить, что они изменили свою традиционную трактовку этого предмета только тогда, когда замена прежнего музыкального ударения ударением силы получила всеобщее распространение, — предположение, конечно, вполне допустимое.

§ 9. Но если во времена Плавта и Энния латинское ударение состояло главным образом в повышении голоса, то в истории долитературного языка должен был быть период, в течение которого начальный слог каждого слова, имеющего собственное ударение, носил ударение интенсивности. Именно эта начальная интенсивность¹ и обусловила изменение тембра, а иногда и полное исчезновение кратких гласных второго слога, как это наблюдается в словах *sustīneō* «поддерживаю», *cōnfīciō* «совершаю», *tīsō* «немедленно», *imbērbis* «безбородый», *rōtīnturium* «отрог горы» при сравнении с *tēpeō* «держу», *fāciō* «делаю», *lōsus* «место», *bārba* «борода», *mōnt-* (основа слова *mōns* «гора»), или же в *repulīt*, *rettulīt*, формах перфекта от *repellō* «отталкиваю», *referō* «приношу» из **rep(ē)pulīt*, **ret(ē)tulīt*, *quīndecim* «пятнадцать» из **quīnqū(ē)decim* (см. §§ 93 и 100).

¹ Говоря о начальной интенсивности, то есть о выделении в произношении начального слога, мы не предрешаем вопроса о фонетической природе этой интенсивности. Она не обязательно должна была заключаться в силовом ударении, лежащем на первом слоге, а могла сводиться, например, к замедленному темпу произношения этого слога. Необходимость этой оговорки вызвана тем обстоятельством, что характер изменений гласных в серединном слоге в латинском языке отличается от той редукции безударных гласных, которая наблюдается в языках, обладающих силовым ударением, например в русском. (*Прим. пер.*)

Усиление первого слога неизбежно влекло за собой сокращение следующих слогов, особенно второго; а так как более короткий гласный звук есть в то же время и более закрытый, то послеударные краткие при долитеатурной акцентуации видоизменялись в направлении к тому или другому из двух наиболее закрытых тембров — ī или ī. Однако внутренние закрытые слоги были более устойчивы по отношению к сокращению, чем слоги открытые; равным образом, и стремление гласного к более закрытому тембру в этом случае реализовалось лишь частично. Отсюда различие между формами настоящего времени *cōnfīcīō* и причастия *cōnfēctus*. Если краткий гласный в открытом послеударном слоге с самого начала имел тембр ī, то сокращение, вызванное начальной интенсивностью, приближало его к нулю, то есть к полному устраниению; ср. *aiceps* «птице-лов» из **av(i)caps* или *prūdēns* «предусмотрительный, разумный» из *rōv(i)dēns*. В случаях **rep(ē)ruīt*, *ret(ē)-tūlī* и им подобных исчезновению гласного во втором слоге несомненно предшествовало его качественное изменение, иначе говоря, этот гласный перешел сначала в ī, а затем под влиянием продолжающегося воздействия начальной интенсивности это вторичное ī, как и первоначальное ī в случаях **av(i)caps*, *rōv(i)dēns*, было поглощено.

§ 10. Музыкальное ударение в двусложных словах литературного латинского языка находилось на предпоследнем слоге. В словах, содержащих три и большее количество слогов, его место зависело от долготы предпоследнего слога. Если предпоследний слог был долгий по природе или по своему положению, то он и получал ударение; если же он был краткий, то ударение отодвигалось на третий от конца слог. Если не считать случаев типа *addīc*, *ēdīc*, о которых будет сказано ниже, то ни одно многосложное слово не имело ударения на конечном слоге; равным образом, ударение в историческую эпоху латинского языка никогда не отходило далее третьего слога от конца слова.

Примеры:

1. Двусложные слова:

lēgis, *ámās*, *quídām*, *ínter*, *áudāx*.

2. Многосложные слова:

а) предпоследний слог долгий:

fidélis, amátur, legúntur, fortitúdō, veheménter;

б) предпоследний слог краткий:

fáclis, légitur, fémīna, ímpētus, subsídium, concédēre.

Если слово, имеющее ударение на предпоследнем слоге, в дальнейшем утрачивало конечный слог, то место ударения от этого не менялось. Так, *addíc, édíc*, заменившие *addíce, édíce* (см. § 24, п. 1), удержали ударение на том слоге, на котором оно было до отпадения конечного е.

§ 11. Некоторые служебные слова, не имевшие самостоятельного значения и поэтому лишенные собственного ударения, присоединялись к предыдущему слову, образуя с ним одно целое с точки зрения ударности. Это явление называется энклизой (от греч. *εγκλίνω* «склоняюсь, прислоняюсь»). В случае энклизы ударение находилось всегда на конечном слоге главного слова даже в том случае, если этот слог был краткий; таким образом, происходило нарушение принципа, определявшего место ударения в словах, не сопровождаемых энклитикой. Главнейшими энклитиками были частицы -que, -ve, -ne, -se, -met: *virfque, armáque, muliérvē, aliāve, legsne, huiúsce, ipsēmet*. В формах женского рода местоимений и прилагательных типа *aliāve, nigrāque* энклитическое ударение на предпоследнем кратком слоге могло быть вызвано аналогическим влиянием соответствующих форм мужского и среднего рода: *aliúsve, aliúdve, nigérque, nigrútque*. Точно так же и формы среднего рода *turpēve, fortēque* могли уподобиться в отношении ударения формам мужского и женского рода *turpisve, fortisque*. Так как подобные случаи были многочисленны, то легко можно представить себе, что они повлекли за собой распространение ударения на предпоследний краткий слог во всех случаях при наличии энклитики.

Различие между *ítāque* «и так» и *ítāque* «итак» обусловлено, без сомнения, тем, что в последнем случае мы имеем дело уже не с группой, а с одним словом, составные части которого перестали восприниматься раздельно и которое после этого стало подчиняться общему правилу латинской акцентуации, а не частному правилу, относящемуся к случаям энклизы. Правда, можно было бы ожидать также **plérāque* вместо употреблявшегося в действительности *plérāque*, так как в этом случае смысл слова и

отсутствие формы *plérā исключали возможность того, чтобы -que было принято за энклитическую частицу. Но *plérāque не было изолировано, как itāque; оно было тесно связано с plérāque, plérāeque и, следовательно, было открыто воздействию аналогии, которое в конце концов и устранило двойственность: plérāque, plérāeque, с одной стороны, и *plérāque — с другой.

§ 12. В вульгарной латыни эпохи империи было много случаев смешения ударения по сравнению с литературным языком. Вот важнейшие из них:

1. В словах с предпоследним кратким слогом, у которых третьим от конца слогом было ī или ē в положении перед гласным, ударение перешло на предпоследний слог; отсюда filīlus, miliērem, сменившие классическое ударение filīlūs, miliērēt. Произношение filīlus, miliērem подтверждается: а) просодическими ошибками некоторых поздних поэтов, например тīlērem у Драконтия или Āgānēla у Сидония Аполлинария, где краткий гласный предпоследнего слога, находящегося после ī или ē, в метрике стиха принимается за долгий; объясняется это тем, что в то время, когда писали эти поэты (во второй половине V в.), соответствующий слог в народной речи имел на себе ударение, а в поздней вульгарной латыни, как мы видели, каждый ударный краткий гласный имел тенденцию к удлинению; б) свидетельством романских языков: франц. filleul «крестнику», итал. figliuolo «сын», старофранц. moiiller, итал. mogliera «жена» восходят соответственно к вульгарным лат. filiōlūm, miliērēt. Вероятно, i-o и i-e сначала превратились в происходящие дифтонги īo, īe, а затем более звучный элемент, а именно, второй, привлек на себя ударение, откуда возникли восходящие дифтонги īo, īe. Именно таким образом *io (из лат. égo) в испанском языке дало уо.

2. В словах типа intēgrum, colībra ударение перешло на предпоследний краткий слог, откуда intēgrum, colībra. Последняя акцентуация, предполагаемая романскими языками (франц. entier, итал. intero; франц. couleuvre), принималась за нормальную во времена Исидора Севильского (ум. ок. 636 г.): «si pro media syllaba prima producitur, ut lātēbra, tēnēbrae»¹ (Orig., I, 32, 1). Здесь можно было бы попытаться связать как-то различие между ударением литературного латинского языка — intēgrum, colībra и вульгарным латинским ударением — intēgrum, colībra с различием, наблюдаемым у поэтов классического времени, которые считали предпоследний слог этих слов и других слов той же структуры то за краткий, то за долгий; однако такое сопоставление не выдерживает критики. В действительности, двоякая просодия, о которой здесь идет речь, объясняется колебанием в месте слогораздела: группа «смычный + г» могла либо прымять целиком к последующему слогу, так что предшествующий слог оказывался открытym, и следовательно, кратким (intē-grum, colī-bra),

¹ «если вместо среднего слога протягивается первый, как в словах lātēbra, tēnēbrae».

либо разделиться между обоими смежными слогами; в этом случае предшествующий слог оказывался закрытым и в силу этого долгим (*intēg-rum*, *colūb-ra*). Между тем, романская трактовка ударного слога, например, в *intégrum*, указывает, что этот слог был открыт: ср. франц. *entier* из *intē-grum* и *pied* из *rē-dēm* в отличие от франц. *sept* из *sép-tem*, *enfer* из *infér-pum*. Таким образом, место ударения в вульгарном лат. *intégrum*, *colūbra* и т. п. не имеет ничего общего с тем, что наблюдается в римской классической поэзии, где предпоследний слог этих слов мог звучать иногда как долгий. К тому же, в настоящее время установлено, что долгота в данном случае основывалась на подражании греческой метрике; другими словами, что она была искусственной и не соответствовала обычному произношению (см. § 104). Истинную причину смещения ударения в случаях *integrum*, *colubra* и др. надо искать, повидимому, или в аналогии с *auricla*, *fundibulum*, вульгарными дублетами *auricula*, *fundibulum*, или в имевшейся в вульгарном произношении тенденции вставлять гласный элемент в группу «смычный + г», необходимым следствием чего было передвижение ударения на один слог к концу слова. Подобно тому как вторичное *e* развилось при переходе от старофранц. *sovgrain* к современному франц. *souverain* или как *ouvrier* часто произносится в народном французском языке как *ouvériger*, можно допустить, что и *integrum*, *colúbera* в народном латинском языке звучали как *intégerum*, *colúbera*, хотя в соответствии с традицией школьного преподавания и продолжали писаться *integrum*, *colubra*.

3. В поздней вульгарной латыни сложные глаголы получали ударение на коренном гласном даже в тех случаях, когда этим нарушалось правило, согласно которому предпоследний краткий слог должен быть безударным. Так, франц. *reçoit*, *déplaît* имеют своей исходной формой лат. *recīpit*, *displācet*. Это смещение ударения появилось впервые в сложных глаголах, возникших в результате «рекомпозиции» (см. § 19), под воздействием соответствующих простых глаголов; таковы глаголы типа *displācet*, *dēcādit*, *sustēnet*, часто встречающиеся в народном языке. Для того чтобы восстановленный гласный не подвергался новым изменениям, могущим нарушить этимологическую связь между простым и сложным глаголом, восстановленную благодаря рекомпозиции, необходимо было продвинуть ударение на коренной гласный. В тех же случаях рекомпозиции (впрочем, гораздо менее многочисленных), которые наблюдались в литературном латинском языке, например *appētit*, *praeprārat*, опасаться этого не приходилось, так как музыкальное ударение, сохранившееся в литературном языке до последних веков империи, не оказывало влияния на тембр безударных гласных и, таким образом, не препятствовало сохранению ударения на префикссе (*áppētit*, *práeprārat*). В дальнейшем по аналогии с *dēcādit*, *displācet*, *sustēnet* ударение было перенесено на краткий предпоследний слог и глагольных форм типа *recīpit*, которые, хотя и не подверглись рекомпозиции, все же более или менее отчетливо осознавались как сложные. В тех же случаях, когда ощущение сложения было утеряно или, по крайней мере, сильно притупилось, смещение ударения не происходило, как свидетельствуют франц. *sèvre*, *couché*, восходящие к *sépērat*, *cōllēcat*, с ударением на префикссе, а не на корне.

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКИХ ГЛАСНЫХ

ИЗМЕНЕНИЯ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ НАЧАЛЬНОЙ ИНТЕНСИВНОСТЬЮ

§ 13. Воздействие начальной интенсивности имело следствием:

- 1) изменение качества кратких гласных в серединных слогах;
- 2) их исчезновение, или синкопу (см. § 9).

П р и м е ч а н и е. Исходя из общих соображений, очевидно, что действие начальной интенсивности должно было отразиться на конечном слоге двусложного слова, например *itā*, не в меньшей мере, чем на среднем слоге трехсложного слова, например **cōnfācit*. Однако конечное положение слога в латинском языке само по себе являлось таким фактором, который в значительной степени уравновешивал влияние ударения, находившегося в начале слова. Вот почему ё в открытом слоге осталось незатронутым в *itā*, тогда как оно изменилось в і в **cōnfācit*, превратившемся в *cōfīcit*, и вот почему, с другой стороны, і в открытом конечном слоге перешло в ё в **fortī> fortē*, форме среднего рода от *fortis*, но сохранилось в открытом серединном слоге в наречии *fortīter*. Так как трактовка конечных гласных по отношению к начальной интенсивности отличалась от трактовки внутренних гласных, то мы рассмотрим этот вопрос особо.

Изменение качества гласных

§ 14. Изменение качества кратких гласных в серединном слоге варьировало в зависимости от того, был ли этот слог открытым или закрытым (см. § 9). Поэтому мы должны рассмотреть эти изменения для каждого случая отдельно.

А, ИЗМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВА ГЛАСНОГО В ОТКРЫТОМ СЕРЕДИННОМ СЛОГЕ

§ 15. В открытом серединном слоге все краткие гласные независимо от их первоначального качества получали один из двух наиболее закрытых тембров: і или ё, за исключением случаев положения перед г и после і, е. При этом

разграничение перехода в й или в ѹ обусловливалось природой соседних звуков, а именно:

- 1) й перед d, t, n, g, с;
- 2) й перед l палатальным, то есть имеющим после себя i, но ѹ перед l велярным, то есть за которым следует любой гласный, кроме i. Однако первоначальное ѹ сохранилось без изменения и перед велярным l;

3) ѹ перед v;

- 4) то i, то u (причем до сих пор не удалось точно формулировать законы, определяющие выбор того или иного из этих двух гласных) перед b, p, f, m.

Примеры:

1. a) ѹ сохраняет свой тембр в тех случаях, когда оно не было затронуто синкопой. Следует, однако, не упускать из вида, что некоторые ѹ, представляющиеся сохраненными, могли быть в действительности вытеснены синкопой и затем снова восстановлены по аналогии (см. § 20).

vídeō «вижу».

praevídeō «предвижу».

ēvídēns «очевидный, ясный».

prōvídus «предвидящий, дальновидный».

cítō «привожу в движение».

excítō «вызываю».

suscítō «возбуждаю, поднимаю».

mýniō «уменьшаю».

commýniō «измельчаю».

immýniō «сокращаю, ослабляю».

lýgō «вяжу».

collýgō «связываю».

sublýgō «подвязываю».

mýscō «мелькаю».

dímýscō «срежаюсь».

ēmýscō «выскакиваю, бросаюсь».

б) e>ϊ:

sédeō «сижу».

obsédeō «осаждаю».

praesédeō «сижу впереди, председательствую».

dědī «я дал».

reddidī «я отдал».

trādidi «я передал».

mědius «средний».

dīmīdius «половинный».

stētī «я стал».

dēstītī «я перестал».

restītī «я противостоял, я остановился».

stip̄s, им. п. (из *stip̄t-s; см. §§ 73 и 63, п. 4), «ствол, пень».

stip̄tis, род. п.

pētō «устремляюсь на».

comprītum «схождение нескольких путей, перекресток».

tēneō «держжу».

abstīneō «воздерживаюсь».

sustīneō «поддерживаю».

flūm̄en «река».

flūm̄inis, род. п.

lēgō «собираю, выбираю».

collīgō «собираю вместе».

sēlīgō «отбираю».

rēgō «направляю».

ērīgō «выпрямляю».

porrīgō «протягиваю».

ausp̄ēx (из *av(i)-sp̄ēc-s) «птицегадатель».

ausp̄īcis, род. п.

в) ā>i:

cādō «падаю».

dēcīdō «спадаю».

incīdō «впадаю, попадаю».

cecīdī «я упал».

succīduus «падающий, оседающий».

itā «так».

itīdem «так же, точно так».

fāteor «признаюсь».

diffīteor «отпираюсь».

profīteor «проводглашаю».

stātuō «ставлю».

restītuō «восстановляю».

substītuō «подставляю».

dātus «данный».

ēdītus «изданный».

prōdītus «выданный».

rātus «скрепленный, имеющий силу».

- irr̄itus* «тщетный».
cānō «пою».
 concīnō «запеваю, спеваюсь».
 praeſīnō «пою перед кем-либо».
 cecīnī «я спел».
tībīcīnīum «игра на флейте».
āgō «гоню,двигаю».
abīgō «отгоняю».
trānsīgō «довожу до конца».
prōdīgus «расточительный».
pāngō (корень *pāg*) «заключаю договор».
pepīgīt, perf.
tāngō (корень *tāg*) «трогаю».
tetīgīt, perf.
fāciō «делаю».
cōnfīcīō «приготовляю, совершаю».
offīcīō «противодействую».
aedifīcīum «здание».
tāceō «молчу».
contīcēscō «умолкаю».
retīcēbō «умалчиваю».
fācētus «изящный, остроумный».
īnfīcētus «безвкусный».

- г) **ō > ī:**
lōcus «место» (древняя форма *stlōcus*; сп. Квинтилиан, *Instit. orat.*, I, 4, 16).
īlīcō (из **in stlōcōd*) «на месте, сразу» (см. § 44 б).
novōs (с начала императорской эпохи пишется *novus*; см. § 22, п. 5) «новый».
novītās (из **novō-tās*) «новизна».
- д) **ī > ī:**
capīt «голова».
capītis, род. п.
cornū (основа *cornīj-*) «рог».
cornīger «рогоносный».
manūs (основа *manīj-*) «рука».
manīca «рукав, наручник».
2. **exīlīum** «изгнание»,
 но *exīlāns* «находящийся в изгнании».
famīlia «совокупность обитателей дома», в частности
 «прислуга»,

но *famīlus* «слуга».

Sicīlia «Сицилия»,

но *Sicīlus* «сицилиец».

Catīlīna (прозвище, образованное по типу *porcīna* «свинина» и означающее этимологически «собачье мясо»;ср. немецкие фамилии *Kalbfleisch*, *Rindfleisch*),

но *catīlus* «щенок».

sīmīlis «похожий»,

но *sīmīlō* «изображаю, симулирую».

Ср. также:

dēsīliō «спрыгиваю» (от *sāliō* «прыгаю»)

и *sēdūlō* «добросовестно» (из *sēd* *dōlōd* «без обмана»; см. §§ 44б и 64).

Во всех предыдущих примерах мы имеем дело с первоначальными ё, ј, ѕ, перешедшими в і перед l палatalным и в ѹ перед l велярным. Напротив, первоначальное і осталось незатронутым даже тогда, когда за ним следовало l велярное; поэтому

aquīla «орел».

mūtīlus «увечный».

nūbīlus «облачный».

pestīlēns «заразный, вредный».

3. *lāvō* «мою».

ablīō «смываю».

collīō «омываю».

nōvus «новый».

dēnīō (из **dē* *nōvōd* «снова» (см. § 44б).

Ср. *domītī*, perf. от *domō* «укрощаю», из **domāvī* (основа *domā-* послужила также для образования part. perf. pass. *domītus* из **domātos*; **domātos* так же относится к *domāre*, как *stātus* к *stāre*).

За написаниями *ablīō*, *collīō*, *dēnīō*, *domītī* скрывается произношение *ablīvō*, *collīvō*, *dēnīvō*, *domīvī*, см. в § 22 о тенденции в латинской орфографии избегать повторения буквы v.

4. *hābeō* «имею».

adhībeō «применяю».

prohībeō «удерживаю, не допускаю».

tāberna «хижина, палатка».

contūbernālis «товарищ по палатке».

lūbet «угодно».

quodlībet «что угодно» (из образований этого рода было извлечено *libet*, которое стало конкурировать с первоначальной формой *lūbet* и в конце концов вытеснило ее в обычном словоупотреблении).

intibum и intibum «цикорий».

manīs (основа тапи-) «рука».

manībus, дат.-отл. п. мн. ч.

arcīs (основа агсий-) «лук, дуга».

arcībus, дат.-отл. п. мн. ч.

aucēps «птицелов».

aucīpīs, род. п.

mancēps «покупатель».

mancīpīs, род. п. (архаическая форма), и mancīpīs, род. п. (классическая форма).

cāpiō «беру».

recīperō и recīperō «снова приобретаю».

rāpiō «хватаю».

surrīpiō «похищаю»,

но surrīpriūt, perf., у Плавта и как архаизм канцелярского языка в тексте закона 58 г. до н. э. (*CIL*, I², 756).

aurīfex и aurīfex «золотых дел мастер».

manīfestus (классическое написание) и manūfestus (архаическое написание) «очевидный».

ferīmus «мы несем» и legīmus «мы читаем»,

но possīmus «мы можем» и volīmus «мы хотим».

specīmen «образец»,

но docīmentum «источник поучения».

Относительно форм превосходной степени на -ītus, -ītus, как, например, optītus, optītus, Квинтилиан сообщает, что варьирующий гласный представляет здесь промежуточный звук: «medius est quidam *u* et *i* litterae sonus: non enim sic optimū dicimus vel optimum»¹ (*Instit. orat.*, I, 4, 8), и что *u* было архаическим написанием, а *i* — классическим: «jam optimus maximus ut mediam *i* litteram, quae veteribus *u* fuerat, acciperent, Gai

¹ «Есть какой-то звук, промежуточный между й и і, так как мы не говорили ни *optimus*, ни *optimus*».

primum Caesaris inscriptione traditur factum»¹ (ibid., I, 7, 21). Это замечание подтверждается, вообще говоря, орфографией надписей и лучших рукописей, которая позволяет распространить его на некоторые другие слова, принадлежащие к той же категории (ср., например, приведенные выше формы *mancipis*, *mancipis* и *manifestus*, *manifestus*). Заслуживает внимания, однако, что для слова *minimus* форма на -*ymus* ни разу не засвидетельствована, и это обстоятельство наряду с противоположностью между *ferimus*, *legimus*, с одной стороны, *possimus*, *volimus* — с другой, и между *specimen* и *documentum* вскрывает, повидимому, влияние огласовки первого слога на тембр гласного во втором слоге. В других случаях, например в случае *accipit* и *occipit*, окраску подверженного варьированию гласного определил, повидимому, вокализм последующего слога.

arcibus, *artibus*, *partibus*, формы дат.-отл. п. мн. ч. от *arcus* «лук, дуга», *artus* «сочленение, член», *partus* «роды», противостоящие формам *gradibus*, *manibus*, *sumptibus* от *gradus* «шаг», *manus* «рука», *sumptus* «издержка», объясняются, повидимому, стремлением избегнуть смешения с *arcibus*, *artibus*, *partibus*, формами дат.-отл. п. мн. ч. от *arx* «крепость», *ars* «искусство», *pars* «часть». Следует, однако, отметить, что встречаются и такие формы, как *lacūlus*, *quercūbus*, *tribūbus*, дат.-отл. п. мн. ч. от *lacus* «озеро», *quercus* «дуб», *tribus* «триба», хотя **lacibus*, **quercibus*, **tribibus* не давали повода к омонимическому совпадению.

§ 16. Перед г каждый краткий гласный во внутреннем слоге имеет тембр ё.

Примеры:

cīnīs «пепел».

cīnēris, род. п. (из **cīnīsis*, *cīnīris*; см. § 47).

pulvīs «пыль».

pulvēris, род. п.

¹ «Сообщают, что в надписи Гая Цезаря слова *optimus*, *maximus* впервые получили в середине вместо буквы и букву і». Это свидетельство Квинтилиана неточно: написания типа *optimus*, *maximus* существовали, и притом в официальном языке, уже задолго до Цезаря, о чем свидетельствует «Постановление братьев Минуциев» (117 г. до н. э.), где форма *infimo* встречается наряду с *infumum*. (Прим. пер.).

Falisci «фалиски» (народность в Этрурии).

Falerii «фалерии» (главный город фалисков; из *Fa-
lisi, Falirii; см. § 47).

lēgīfer «законодатель».

lēgērūra «нарушитель законов» (форма, восстановли-
ваемая у Плавта, Persa, 68, на основании испор-
ченного чтения *lege rumpam*).

fērus «дикий».

effērus (усиленное значение fērus).

acēr «клен».

acēris, род. п.

dāre «давать».

reddēre «отдавать».

trādēre «передавать».

pāriō «рождаю».

pepērti, perf.

repēriō «нахожу».

Ср. также: legēre «читать», numērus «число», Numērius, собственное имя из Numāsios (форма Numāsioi, дат. п., засвидетельствована надписью на «пренестинской фибуле», CIL, I²; 3; о ротацизме -s- > -r- см. § 47); vulnēris, род. п. от vulnus «рана».

§ 17. Наконец, особый тембр получил изменяющийся в серединном слоге гласный в положении после i и e, а именно, ё перед велярным l и ё перед любым другим согласным.

Примеры:

filiōlus, līneōla, уменьшительные от filius «сын», līnea «линия» наряду с porcīlus, herbīla, уменьшительными от porcus «поросенок», herba «трава». ēbriētās «опьянение», piētās «благочестие», variētās «разнообразие» наряду с dignitās «достоинство», novitās «новизна».

liēnis, род. п. от liēn «селезенка», наряду с pectīnis, род. п. от pectēn «гребень».

hiēmis, род. п. от hiēms «зима».

abiētis, ariētis, pariētis, род. п. от abiēs «ель», ariēs «баран», pariēs «стена» (ё в формах именительного падежа этих слов представляет собой точную параллель к таковому же в pēs «нога», контрастирующему

с *pēdis*, род. п.; см. § 38) наряду с *līmitis*, род. п. от *līmēs* «межа», *stīpītis*, род. п. от *stīpēs* «пень». *hiētāre* «разевать рот» наряду с *clāmītāre* «громко кричать».

Б. ИЗМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВА ГЛАСНОГО В ЗАКРЫТОМ СЕРЕДИННОМ СЛОГЕ

§ 18. В закрытом серединном слоге ā перешло в ё независимо от соседних звуков. ё изменилось в й с конца III в. до н. э., но былодержано в орфографии до начала императорской эпохи в тех случаях, когда ему предшествовало ѹ гласное или согласное, чтобы избежнуть двусмысленного написания vv (см. § 22, п. 5. и § 26). Остальные гласные сохранились без изменений.

Примеры:

1. ā>ё:

- āgcēō «препятствую, удерживаю».
- соēgcēō «сдерживаю, ограничиваю».
- exēgcēō «упражняю, развиваю».
- cāgrō «срываю».
- discērō «разрываю».
- excērō «вырываю, делаю извлечения».
- scāndō «поднимаюсь».
- ascēndō «восхожу».
- dēscēndō «спускаюсь».
- trāctō «таскаю, трогаю, обращаюсь с».
- dētrēctō «отвергаю».
- obtrēctō «противодействую».
- fāctus «сделанный».
- effēctus «произведенный».
- refēctus «восстановленный».
- jāctus «брошенный».
- abjēctus «отброшенный».
- subjēctus «подверженный, подчиненный».
- fāllō «обманываю».
- fefēlli, perf.
- pārgō «щажу».
- perēgst, perf.
- ānnus «год».
- biēnnium «двуухлетие».
- bārba «борода».

imbērbis «безбородый».
āptus «годный, способный».
inēptus «негодный, неспособный, глупый».

2. ő>й:

amp(h)ōra «амфора» (см. § 40).

ampylla «бутылка» (из *ampōr-(e)lā; см. § 79);
древнейшая форма *endōstruos* «усердный» (собственно
«строящий внутри, внутренне деятельный»; от *endō*
«внутри» и *struō* «строю»; ср. Павел Диакон, 94, 15
и сл.: «*indūstrium antiqui dicebant endostruom,*
quasi qui, quidquid ageret, intro strueret et studeret
domi»); классическая форма *indūstrius*.

mōnt-, основа слова *mōns* (с заменительным удлинением
ő; см. § 35, п. 2) «гора».

prōmīnturium (правильное написание этого слова)
«горный отрог, мыс».

архаическое *venōs -ēris* «красота, прелесть» (*Venos*
читается в надписях на двух очень древних зеркалах;
CIL, I², 550 и 558).

venīstus «красивый, прелестный».

В словах типа *fruōntur* «они пользуются», *sequōntur*
«они следуют» продолжали писать ő в течение всего республика-
нского периода, хотя в произношении это ő изменилось
в й (с конца III в. до н. э.).

3. і, ё, ѹ сохраняются:

dīscō «учусь».

dēdīscō «разучиваюсь».

perdīscō «тищательно изучаю».

fīrmus «крепкий».

infīrmus «слабый, немощный».

sēntiō «чувствую, думаю».

cōnsēntiō «соглашаюсь».

dissēntiō «расхожусь во мнении».

sērvus «раб».

cōnsērvus «товарищ по рабству».

fūndō «лью, сыплю».

effūndō «изливаю».

trānsfūndō «переливаю».

cārvus «кривой».

recārvus «загнутый, согнутый».

Аналогия и особые случаи

§ 19. Отступления от законов ослабления кратких гласных во внутренних слогах объясняются различными причинами. Прежде всего, известное число сложных слов не подвергалось изменению гласных, потому что это поздние образования, возникшие после исчезновения начальной интенсивности (см. § 9). Таким образом, повидимому, объясняются, например, *adāmō* «влюбляюсь», *perāgrō* «обхожу», *dēmāndō* «поручаю», *ēdōmō* «укрощаю». Далее, результаты изменения гласных часто устраивались действием аналогии. Так, *obtēgō* «покрываю», *dēdēcus* «позор», *comrāgō* «приобретаю», *effūgiō* «избегаю» воспроизводят вокализм соответствующих простых слов: *tēgō* «крою», *dēcūs* «почет», *rāgō* «готовлю», *fūgiō* «убегаю». В лингвистической терминологии такое восстановление первоначального вокализма в сложных словах под аналогическим влиянием соответствующих им простых слов называется **рекомпозицией**. Иногда форма с измененным гласным сохраняется в народном языке. Приведем пример: в то время как литературный язык допускал исключительно восстановленную по аналогии форму *sērāgō* «разъединяю, отделяю» (с собственно «раздваиваю» из *sēd*, префикса, выражающего отделение, и *rāgō* «сочетаю», см. § 64), некоторые вульгарные тексты дают форму *sēpērō*; это наблюдается и в романских языках (франц. *sevrer* «отнимать от груди»; *sērāgāge* дало бы **severer*). Действию аналогии надо приписать и *intēger* «нетронутый, цельный, честный» вместо **intīger* и *celēber* «знаменитый» вместо **celīber*; эти формы именительного падежа мужского рода, очевидно, уподобились тесно ассоциирующимся с ними формам женского и среднего рода: *intēgra*, *intēgrum*, *celēbris*, *celēbre* и формам косвенных падежей: *intēgrī*, *intēgrō*, *celēbris*, *celēbri*, где вокализм ё в серединном слоге был обычным. Наконец, в *cōgrōris*, *decōris*, *tempōris*, род. п. от *cōgrus* «тело», *dēcūs* «почет», *tempūs* «время» ё происходит от древней формы им. п. **cōgrōs*, **decōs*, **tempōs*; нормальный вокализм сохранился в наречии *tempērī* «во-время» благодаря тому, что оно не принадлежало к парадигме склонения и было защищено, таким образом, от аналогических влияний.

В других случаях это состояние, явившееся результатом закономерного изменения гласных, оказывается замаскированным вторичными изменениями, не зависящими от начальной интенсивности. Так, основа всех падежей, кроме именительного падежа единственного числа, слова *anās* «утка» должна была закономерно иметь форму *anīt-*; и действительно, *anītēs* встречается у Плавта (*Capt.*, 1003) и *anītūm* у Цицерона (*De nat. deor.*, II, 124). Однако чаще говорили и писали *anātīs*, *anātī*, *anātem* и т. д. вследствие ассимиляции внутреннего гласного гласному начального слога. Та же гармония наблюдается и в *alācer* «бодрый, живой», род. п. *alācris*, вместо нормальной флексии **alīcer*, род. п. **alēcris*, оставившей след в романских языках (ср. итал. *allegro* от гетероклитического дублета **alēcrum*), *vegētus* «живой, сильный», *calāmus* «тростник», *farfārus* «белокопытник» наряду с *farfērus* (Плавт, *Poen.*, 479), где фонетически трактуется краткий гласный в серединном слоге. Сходным образом **attēngō*, **insēlsos*, **sēclēudō*, происшедшие от **attāngō*, **insālsos*, **sēclāudō*, в соответствии с фонетическим законом преобразовались позднее в *attēngō* «прикасаюсь» (см. § 25), *insēlsus* «пресный, безвкусный, глупый» (см. § 26), *sēclēudō* «выключаю» (см. § 32). Что касается последнего примера, то из двух элементов, составляющих дифтонг *ai* в слове *claudō*, более сильным был первый. Следствием этого было то, что артикуляция второго элемента *u*, вместо того чтобы удержаться, исчезла; другими словами, это и утратило характер гласного, перейдя в состояние полугласного (см. § 7, прим. 46). Так как ё в слове *clēudō* оказывалось, таким образом, расположенным перед двумя согласными (*vd*), то образованные от этого глагола сложные глаголы закономерно принимали форму *-clēudō*, которая, как сказано, перешла далее в *-clēdō*; отсюда, помимо уже приведенного *sēclēudō*, мы имеем: *conclēdō* «заключаю», *exclēdō* «исключая», *inclēdō* «включаю», *occlēdō* «запираю», *reclēdō* «открываю». Ср. также:

caīs(s)a «причина, дело» (см. § 65).

accīs(s)ō «обвиняю», промежуточный этап **adceīs(s)ō*.
aestimō (древняя форма **aistimō*; см. § 30) «оцениваю». *existimō* «полагаю»; промежуточный этап **exeistimō* (*e>i* согласно § 29).

caedō (древняя форма *caidō*; см. § 30) «рублю».

cecidī, perf.; промежуточный этап **ceseidī*.

laedō (древняя форма *laidō*; см. § 30) «задеваю, повреждаю».

illidō «наталкиваюсь»; промежуточный этап **illeidō*.

Иногда аналогия соответствующего простого глагола устранила в образованиях этого рода результат изменения гласного звука. Согласно Цицерону, *pertisus* «пресыщенный» заменялось обычно в его время формой *pertaesus*: «ex quo quidam *pertisum* etiam volunt, quod eadem consuetudo non probavit»¹ (Orat., 48, 159). Уже Луцилий считает *pertisus* искусственным: «(debes tamen) quo factior videare et scire plus quam ceteri, *pertisum* hominum, non *pertaesum* dicere humanum genus»². Наконец, в рукописях Плавта мы находим *exquiſitverō* (Capt., 251) и *exquaſitverō* (стих 293 той же пьесы). С другой стороны, у глаголов, от которых, как, например, от *claudō*, было образовано много сложных слов, вокализм последних проникал иногда в простой глагол; отсюда *clūdō*, часто встречающееся наряду с *claudō* и лежащее в основе итал. *chiudere*.

Относительно кажущейся неправильности в вокализме среднего слога в форме *perīlī*, perf. от *pellō* «толкаю», см. § 2.

Синкопа

§ 20. Редукция внутренних кратких гласных под воздействием начальной интенсивности приводила иногда к полному их поглощению (см. § 9). Это поглощение, или синкопа, как и синкопа французского «немого» е, зависело, повидимому, прежде всего от быстроты речи и степени отчетливости артикуляции, почему синкопа и наблюдалась

¹ «Вследствие этого некоторые предпочитают форму *pertisus*, что, однако, не было воспринято практикой».

² «Чтобы видно было, что ты остроумнее других и больше их знаешь, ты должен, говоря, что эти люди опровергли человеческому роду, воспользоваться формой *pertisus*, а не *pertaesus*».

Стихи Луцилия сохранены в словаре Феста в искаженном виде, но противопоставления форм *pertisus* и *pertaesus* это искажение не затрагивает. В тексте они даны с поправками Ф. Маркса: *hominum* вместо *hominem* и *hūmānum* вместо *ferum* nam. (Прим. пер.)

чаще в обычном разговоре, чем в ораторской речи¹. Отсюда многочисленные дублеты типа *caldus* и *calidus* «горячий» (последнюю форму император Август считает педантичной и искусственной; см. Квинтилиан, *Instit. orat.*, I, 6, 19: «*sed Augustus quoque in epistulis ad C. Caesarem scriptis emendat, quod is calidum dicere quam caldum malit, non quia id non sit Latinum, sed quia sit otiosum*»²), *soldus* и *solidus* «плотный», *lardum* и *lāridum* «сало», *postus* и *positus*, *part. perf. pass.* от *pōnō* (< *pos(i)pō, см. §§ 96 и 35, п. 1) «кладу», *balneum* и *balineum* «баня», *porgō* и *porrīgō* «протягиваю». В некоторых словах синкопированная форма стала общеупотребительной, тогда как в других словах той же структуры внутренний краткий гласный, напротив, сохранился;ср. *aiceps* «птицелов» (из *av(i)ceps), *opifex* «работник, ремесленник», *propter* «около» (< *prop(i)ter от *prope* «близко»), но *breviter* «коротко»; *audacter* «смел» (наречие от *audīx*), но *tenāciter* «упорно» (наречие от *tenāx*); *surgō* «поднимаюсь» (из *surr(i)gō, *subrigō), но *ērīgō* «поднимаю».

Экспериментальная фонетика показала, что при прочих равных условиях гласный звук тем короче, чем длиннее следующая за ним часть слова; так, например, звук *a* в франц. *habituēl* «обычный» короче, чем в слове *habit* «одежда». Этим и объясняется противоположность между *jūniōrēs* «более молодые» (из *juv(ē)niōsēs, *jūniōsēs,

¹ Одним из факторов, определявших появление синкопы или ее отсутствие, была метрическая форма слова. В латинском языке наблюдается склонность к так называемому «четному ритму», выражающаяся в том, что при наличии синкопированной и несинкопированной форм слова предпочиталась та форма, при которой слово измерялось четным числом мор (морой называется мера длительности слогов, содержащаяся один раз в кратком слоге и два раза в долгом). Таким образом, форма —— вытесняла форму —~, а форма —~ вытесняла форму ——. Этим можно объяснить, например, расходжение между *exterus* «внешний», *inferus* «нижний» (—~—), с одной стороны, и *extrā* «вне», *infrā* «внизу» (——) — с другой; *undecim* (—~—) из *oīnodecim (—~~—). Ср. также случаи синкопы конечного i основы в именительном падеже единственного числа при условии долготы предыдущего слога и отсутствия синкопы при краткости этого слога (стр. 53). (Прим. пер.)

² «Но Август в своих письмах к Г. Цезарю порицает его за то, что он предпочитает говорить *calidus* вместо *caldus* не потому, что нельзя сказать по-латыни *calidus*, но потому, что эта форма педантична».

см. ниже) и *juvēnēs* «молодые», *officīna* «мастерская» (из **op(i)ficiṇa*, см. § 72) и *opifex* «работник, ремесленник», *postr̄idiē* «на следующий день» и *postērus* «следующий». В самом деле, так как удлинение слова влияло в том же направлении, что и начальная интенсивность, легко понять, что под совместным воздействием этих двух факторов послеударный (исходя из долитеатурного удараения) краткий гласный должен сильнее стремиться к нулю в **juvēniōsēs* > *jūniōrēs*, **opificīna* > *officīna*, **postēr̄idiē* > *postr̄idiē*, чем в *juvēnis opifex*, *postērus*.

Выше было сказано (см. § 9), что внутренние краткие гласные в закрытых слогах сильнее противились сокращению, вызванному начальной интенсивностью, чем в слогах открытых, и что в силу этого изменение качества гласного в закрытом слоге как бы остановилось на полпути. Особенно относится это к синкопе, которая наблюдалась в этом положении крайне редко. В качестве примеров можно указать *jūstus* «справедливый» из *iov(ē)stos*, **joūstos* (ср. *jovestod* «*jūstō*» на очень древней надписи, найденной на форуме; *CIL*, I², 1; относительно *ou* > *ū* см. § 33), *faustus* «благоприятный» из **fav(ē)stos* (которое находится в таком же соотношении с *favōr* «благосклонность», более древняя форма **favōs*, как и *honēstus* «честный» с *honōr* «честь», более древняя форма *honōs*), *sēstertius* «сестерций» (монета) из **sēm(i)stertius* буквально «половтья» (см. §§ 88 и 97).

Когда синкопа происходила после *j* или *v*, то эти звуки приобретали характер гласных, и тогда наступал, в соответствии с природой предшествующего звука, один из следующих трех случаев:

1. В положении после согласного вокализованные *j* и *v* становились центром слога, так что в результате синкопы число слогов затронутого синкопой слова не уменьшалось; например:

abiciō «отбрасываю» из **abj(ā)ciō*;

concutiō « сотрясаю» из **conqu(ā)tō*.

2. В положении после гласного звука другого тембра вокализованные *j* и *v* образовывали с ним дифтонг, который в дальнейшем в большинстве случаев редуцировался в долгий гласный в соответствии с законами, формулировка которых будет дана ниже (§ 29 и сл.); например:

raucus «хриплый» из *rav(i)cos (от ravis «охриплость»). brūma «зимнее солнцестояние» из *brev(ī)mā или *brev(i)mā, *breumā, *broumā «кратчайший (день)». prūdēns «предусмотрительный, разумный» из prōdēns, *proudēns.

3. В положении после гласного звука того же тембра вокализованные j и v сливались с ним (см. § 37); например: bīgæ «парная упряжка» из *bij(ū)gæ, *biigæ. jūnior «младший» из *juv(ē)niōs, *juuniōs (см. §§ 49 и 24, п. 3).

В таких случаях, как abīcīō из *abj(ă)cīō или bīgæ из *bij(ū)gæ, синкопе должно было предшествовать изменение качества гласного, другими словами, *abjācīō и *bijūgæ превращались в abīcīō и bīgæ, пройдя через промежуточный этап abjīcīō и *bijīgæ. В классическую эпоху -īcīō в глаголах сложных с jācīō было заменено -jīcīō если не в орфографии, то во всяком случае в произношении, как об этом позволяет заключить просодия глаголов abīcīō, adīcīō, conīcīō, iīcīō и др., префиксы которых в лирике и эпосе классической эпохи всегда долги по положению. Вергилий, например, начинает в Энеиде (VI, 421 и VII, 480) гекзаметр словом obicit, а Авл Геллий определенно указывает по поводу subicit, что внутреннее i «vīm consonantis capit et idcirco ea syllaba productius latiusque paulo pronuntiata priorem syllabam brevem esse non patitur, sed reddit eam positu longam»¹ (N. A., IV, 17, 8). Это нововведение возникло на основе аналогии; например, conjīcīō вместо conīcīō² восстановлено по образцу типа cōnfīcīō согласно формуле пропорции fācīō: cōnfīcīō = jācīō: x. Если в послеклассическую эпоху

¹ «Получает силу согласного, и потому этот слог, произносимый несколько протяжнее и шире, не позволяет предыдущему слогу оставаться кратким, но делает его долгим по положению».

Под «протяжным и широким» произношением слога Геллий, очевидно, подразумевает лишь то, что начальный согласный этого слога образует с конечным согласным предыдущего слога группу согласных. (Прим. пер.)

² В отдельных случаях такое произношение встречается и в памятниках доклассической литературы, например у Плавта (Epid., 194): «age nunciam orgna te, Epidice, et palliolum in collum conice» (ямбический октонарий) и у Теренция (Haut. tim., 277): «continuo hic se intro conicit ego consequor» (ямбический сенарий). (Прим. пер.)

Сенека, Лукан и Марциал снова считают первый слог сложных глаголов типа *adiciō*, *conīcō* за краткий, то это вызвано, несомненно, воздействием орфографии на произношение.

Есть и другие согласные, которые, так же как *j* и *v*, могли, подвергаясь вокализации, замещать следующий за ними гласный при его исчезновении вследствие синкопы, а именно, *g*, *l*, *m*, *n*. Вокализованные *g*, *l*, *n* (обозначаемые обычно *ȝ*, *ɫ*, *ɳ*; для *m* примеров нет) перешли далее в *ȝ*, *ɫ*, *ɳ*. Отсюда:

libellus «книжка» (уменьшительное от *liber* «книга») из **libr-(e)los* (образованного при помощи того же суффикса, который входит в нем. *Ferkel* «поросенок»), **libȝlos*, **liberlos* (с переходом *-rl-* в *-ll-* вследствие ассимиляции согласно § 79).

pōcillum «стаканчик» (уменьшительное от *pōclum* «стакан, бокал») из **pōcl-(e)lom*, **pōcʎlom*.

tigillum «балочка» (уменьшительное от *tignum* «балка») из **tign-(e)lom*, **tignlom*, **tiginlom* (с переходом *-nl->-ll-* согласно § 78).

Наконец, в качестве примеров синкопы внутреннего краткого гласного можно привести еще:

pōnō «кладу» из **pos(i)nō* (ср. part. perf. pass. *positus* и архаическую форму перфекта *positi*; см. §§ 96 и 35, п. 1).

praecō «глашатай» из **praed(i)cō* («qui praedicat»; см. §§ 83 и 64).

quernus «дубовый» из **querqu(i)nos* (производное от *quercus* «дуб», более древнее **querquius*, как *fāginus* «буковый» из *fāgus* «бук»; *-rq^un->-rcn->-rn-* согласно §§ 93 и 100).

quīndecim «пятнадцать» из **quīnqū(ȝ)decim* (см. §§ 93 и 100).

reccidī, *reppertī*, *reppulī*, *rettulī*, perf. от *recidō* «падаю обратно», *reperiō* «нахожу», *repellō* «отталкиваю», *referō* «отношу» из **rec(ȝ)cidī*, **rep(ȝ)pertī*, **rep(ȝ)pulī*, **ret(ȝ)tulī* (*tetulī*, perf. от *ferō*, часто встречается в архаической латыни).

reccidere у Лукреция (I, 857 и 1063; V, 280), *reccidimus* (prae.) у Овидия (Met., X, 18) были созданы этими поэтами по образцу perf. *reccidī* из метрических соображений, так как

г̄eциd̄ere, г̄eциd̄imus не входили в гекзаметр. В дальнейшем сс было распространено также и на формы, для которых метрика этого не требовала; ср. *recciđat* у Овидия (*Met.*, VI, 212). *tulī*, заменившее в классической латыни *tetulī*, было извлечено из сложных глаголов *attulī* (< *ad-t(ē) *tulī*, см. § 91), *contulī* (< *cont(ē) *tulī*, см. § 63, п. 3), *dētulī* (< *dēt(ē) *tulī*, см. § 64).

sectus, part. perf. pass. от *secāre* «резать», из *sec(ī)tus, *secātos (ср. *domītus*, part. perf. pass. от *domāre* «укрощать», из *domītos согласно § 15, п. 1 в). *villum* «винцо» из *vin-(ē)lom (см. § 78).

ИЗМЕНЕНИЯ, ЧАСТИЧНО ЗАВИСЯЩИЕ ОТ НАЧАЛЬНОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ

Изменения гласных в конечном слоге

а. изменения качества гласного

§ 21. В открытом конечном слоге ё и а сохранились без изменения:

- equē, зват. п. от *equos* «конь» (см. § 38);
- generā, frīgorā, им.-вин. п. мн. ч. от *genus* (ср. р.) «род», *frīgus* (ср. р.) «холод»,
itā «так»,

где краткость конечного а — первоначальная, как это показывает сравнение с другими индоевропейскими языками. В других случаях конечное а оказывается вторичным, то есть возникшим в результате сокращения ā, ср. *rūtā* (§ 24, п. 4).

І в том же положении приняло тембр ё, ср.: *marē*, им.-вин. п. ед. ч., «море» наряду с *marī-a*, им.-вин. п. мн. ч.

lēnē (ср. р.) наряду с *lēnī-s*, м.-ж. р., «кrotкий». *antē* «перед» наряду с *antī-stes* «настоятель».

Так же изменялись і вторичного происхождения, то есть ставшие конечными в результате отпадения следовавшего за ними s (см. § 48) или произошедшие из древних і в служебных и часто употребляемых ямбических словах (см. § 24, п. 4). Ср. (*tribunos*) *militare* (*CIL*, I², 48 и 49) вместо *militāri(s)*; *rege* (*Mitredatis*) (*CIL*, I², 1334) вместо *rēgi(s)*, или *quasē* (Квинтилиан, *Instit. orat.*,

I, 7, 24: «quase scriptum in multorum libris est, sed an hoc voluerint auctores, nescio. T. Livium ita his usum ex [Asconio] Pediano comperi, qui et ipse eum sequebatur. haec (то есть слова этого типа) nos i littera finitus»¹) из quasi (quasei встречается в надписях республиканской эпохи, например, в *CIL*, I², 582, 587; -ei>-ī согласно § 23) после сокращения -ī в соответствии с законом ямбического сокращения.

П р и м е ч а н и е. Там, где quasi с i состоит из двух кратких слогов, например у Плавта (ямбический сенарий): «quāsī mures semper edimus alienum cibum» (*Capt.*, 77), или у Лукреция: «et quāsī musaeo dulci contingere melle» (IV, 22), оно представляет собой результат компромисса между quasē и quasi с ī, восстановленным по аналогии с sī. Впрочем, написание quasi, применяемое в рукописях к quasi, образующему пиррихий, не всегда точно отражает произношение автора. Согласно приведенному выше свидетельству Квинтилиана, он сам произносил quāsī, но произношение и орфография Тита Ливия были quasē, хотя рукописная традиция этого автора знает только quasi. У Плавта (ямбический сенарий), где издатели пишут «postea accumbam. quasi nīx tabescit dies» (*Stich.*, 648), рукописи палатинской группы (свидетельство амброзианского палимпсеста для этого места, к сожалению, отсутствует) дают quasenex, откуда видно, что Плавт употреблял форму quasē и что написание quasi в случаях этого рода было внесено в текст его комедий переписчиками.

Точную параллель к изменению ī в rēgī(s), превратившемся в rēgē (см. выше), составляет изменение ī в окончаниях -īs, -īt, превратившегося в ū в случаях отпадения s и t, которые были слабы в доклассической латыни, а также в народном языке более позднего времени (см. §§ 48 и 52, п. 4). Ср. *Terebonio*, им. п. ед. ч. (*CIL*, I², 33), вместо *Terebōnī(s)* (в той же надписи находим *donum*; это доказывает, что *Terebonio* действительно заменяет *Terebōnī(s)*, а не *Terebōniō(s)*); *in montem Lemurino infumo* (*CIL*, I², 584, кн. 14) наряду с *in montem Lemurinum summum* (кн. 16) к той же надписи (арбитражное решение братьев Минуциев 117 г. до н. э.); *annōgo* (*CIL*, V, 896) вместо *annōrū(m)*; *hunc titulo* (*CIL*, III, 7553).

Для первоначального ī в открытом конечном слоге, а также для ū ясных примеров нет.

¹ «В книгах многих авторов написано quase, но я не знаю, хотели ли этого они сами [то есть не представляет ли собой это написание искажение авторской орфографии]. Что так писал Т. Ливий, я узнал из Аскония Педиана, который и сам ему в этом следовал. Мы пишем в конце таких слов i».

§ 22. В закрытом конечном слоге трактовка гласных кратких была совсем иной. й и ѹ, поскольку они не были затронуты синккопой (см. § 24, п. 2), сохранили свое качество; сохранилось и ё, кроме случаев положения перед смычным или перед простым зубным спирантом, когда оно перешло в ѹ. ѿ и Ѽ изменились так же, как в закрытом серединном слоге, переходя соответственно в ё и ѹ. Однако Ѽ, которому предшествовало и или u, удержалось в орографии до начала эпохи империи.

Примеры:

1. *ēnsīs* (основа *ēnsī-*;ср. *ēnsī-um*, род. п. мн. ч.) «меч».
agilīs (основа *agilī-*) «подвижный, деятельный».
calīx, -*cīs* «чаша».
2. *turtūr* «горлица».
manīs (основа *manī-*;ср. *manī-um*, род. п. мн. ч.) «рука».
redīx, -*cīs* «возвратившийся».
3. *flūmēn* «река».
decēm «десять».
semprēr «всегда».
hiēms, *hiēmis* «зима».
haruspēx, -*cīs* «гадатель по внутренностям жертвенных животных» (архаическое *spēcīō* «смотрю»).

Однако мы имеем:

fēcīt, 3 л. ед. ч., perf. от *facīō*, из *fēcēd* (с заменой древнего вторичного личного окончания -d первичным окончанием -t). *feced* находим в одной из древнейших надписей, восходящей к IV в. до н. э. (*CIL*, I², 4), *fecid* и *dedit* — в другой, относящейся к концу IV или к началу III в. до н. э. (*CIL*, I², 561), что позволяет датировать эту замену.

ordinīs из **ordinēs*, род. п. от *ordō* «ряд, порядок».
salūtīs из *salūtēs*, род. п. от *salūs* «благополучие».

В архаических надписях встречаются формы *Apolones* (*CIL*, I², 37)=*Apollinīs*, *Cereres* (*CIL*, I², 973)=*Cererīs*, *Junones* (*CIL*, I², 444)=*Jūnōnīs*, *Salutes* (*CIL*, I², 450)=*=Salūtīs*, *Veneres* (*CIL*, I², 451)=*Venerīs*. Древнейшее эпиграфическое свидетельство для окончания -īs дает надпись 193 г. до н. э. (*CIL*, I², 612), где мы находим *honorīs causa*. Таким образом, перед конечным s переход ё в ѹ произошел заметно позднее, чем перед зубным смычным.

Такие случаи, как *dēsēs*, *-sīdis*, «бездеятельный», *dīvēs*, *-ītis*, «богатый», составляют лишь кажущееся исключение. Действительно, первое из этих слов произошло из **dēsēd-s*, **dēsēss*, а второе — из **dīvēt-s*, **dīvēss* (см. §§ 73 и 63, п. 4). Как видим, ё в словах этого типа не находилось с самого начала перед простым *-s*, как в *salūtēs* (>*salūtis*) и других подобных примерах. Этим и объясняется, что оно осталось неизменным.

4. *tībicēn* «флейтист» из **tībī-cān* (*tībia*+*cānō* «пою, играю»).

aucēps «птицелов» из **av(i)cāp-s* (*avis*+*cāpiō* «беру, ловлю»).

aurifēx «золотых дел мастер» из **auri-fāc-s* (*aurum* «золото»+*fāciō* «делаю»).

rēmēx «гребец» из **rēm-āg-s* (*rēmus* «весло»+*āgō* «привожу в действие»).

ä в конечном слоге слова *anās* «утка» объясняется, как и ä серединного слога в форме *anātis*, ассимилирующим влиянием ä начального слога (см. § 19). В словах типа *calcār* «шпора» (род. п. *calcāris*) и *animāl* «животное» (род. п. *animālis*) ä конечного слога продолжает собой древнее ä (см. § 24, п. 3), которое сократилось уже после того, как ä перешло в ё в словах типа **tībīcān*>*tībicēn*. Трудно объяснить сохранение ä в словах *Caesār* и *jubār* «слияние», где оно послужило исходным пунктом для аналогически восстановленных форм *Caesāris*, *jubāris*, заменивших фонетически закономерные формы *Caesēris*, **jubēris* (см. § 16; *Caesēris* засвидетельствовано, например, *CIL*, IV, 2308 и VI, 9492). Повидимому, приходится допустить, что конечное r содействовало сохранению первоначального тембра предшествующим ä.

5. *filīus* из *filīos*, им. п. ед. ч., «сын».

virūm из *virōm*, вин. п. ед. ч. от *vir* «муж».

dōnūm из *dōnōm*, им.-вин. п. ед. ч., «дар».

opōs из *opōs*, им.-вин. п. ед. ч., «дело».

cōnsentiūnt из *cōnsentiōnt*, 3 л. мн. ч. *ind. praes.* от *cōnsentīō* «соглашаюсь».

dedērūnt из *dedērōnt*, 3 л. мн. ч. *ind. perf.* от *dō* «даю».

Первоначальный вокализм засвидетельствован многими эпиграфическими памятниками, например *filios*, *cōsentīont* в надгробии одного из Сципионов, консула 259 г.

до н. э. (*CIL*, I², 9), *donom* (*CIL*, I², 31, 60, 976 и вообще часто), *opos* (*CIL*, I², 546), *dederont* (*CIL*, I², 383), а также грамматиками, например Квинтилианом: «*quid o atque i permutata invicem? ut... scriberentur... dederont et probaveront*»¹ (*Instit. orat.*, I, 4, 16). Сохранение *o* в последнем слоге таких слов, как *equōs*, *servōs*, *mortuōs*, *vīvōs*, *bīduōm*, *vīvōnt*, в продолжение всего республиканского периода, а для некоторых изолированных случаев даже в эпоху империи (ср., например, *compascuos*, *iniquōm*, *rivōm*, *conflovont* наряду с *terminus*, *agrūm*, *modūm*, *deorsum*, *habuerunt* в надписи 117 г. до н. э. — *CIL*, I², 584; *mortuos* трижды наряду с *acceptus*, *sepultus*, *Faustum* на таблетке заклятия I в. до н. э. — *CIL*, I², 1012; *Primitivos* на другой таблетке заклятия II в. до н. э. — *CIL*, VIII, 12506), — это просто искусственное написание, имеющее целью избежнуть неясности, присущей написанию через два смежных *v*. Иными словами, для того чтобы устранить неудобство, возникавшее вследствие отсутствия специальной буквы для обозначения и согласного, продолжали писать *vo*, *ho* и произносили, начиная с III в. до н. э., *ui*, *uu*. Это подтверждается двумя свидетельствами Квинтилиана и Велия Лонга, а именно: «*nostri praeceptores servum servumque i et o litteris scripserunt, quia subjecta sibi vocalis in unum sonum coalescere et confundi nequiret; nunc u gemina scribuntur ea ratione quam reddidi; neutro sane modo vox quam sentimus efficitur, nec inutiliter Claudius Aeolicam illam ad hos usus litteram* (греческую дигамму) *adjecerat*»² (*Instit. orat.*, I, 7, 26) и «*a plerisque superiorum primitivus et adoptivus et nominativus per i et o scripta sunt, quia sciebant, vocales inter se confundi non posse, ut*

¹ «Нельзя не упомянуть о взаимозамещении букв *o* и *u*, в силу которого пишется *dederont* и *probaveront*».

² «Наши учителя в словах *servus* и *sergvis* писали *i* и *o*, так как считали, что гласная, повторяясь подряд, не может срастись и слиться в один звук; теперь эти слова пишутся с двойным *i*, так, как я их привел. Однако ни тот, ни другой способ не выражает того звучания, которое мы слышим, и поэтому-то, не без пользы, Клавдий и прибавил для этих случаев соответствующую эолийскую букву».

Клавдий предложил дополнить латинский алфавит тремя новыми буквами: *ī* — для обозначения среднего звука между *i* и *i*; *ꝝ* («обращенную дигамму») — для обозначения согласного *u* и *ꝝ* («обращенную сигму») — для обозначения *bs* и *ps*. (*Прим. пер.*)

unam syllabam faciant, apparetque eos hoc genus nominum aliter scripsisse, aliter enuntiasse»¹ (GL, VII, 58, 4 и сл.)

§ 23. Долгие гласные не подвергались изменению качества ни в открытом, ни в закрытом конечном слоге. Напротив, как в том, так и в другом положении дифтонги преобразовались в долгие гласные. Сюда относятся прежде всего дифтонги *eī*, *ai*, *oi*, которые перешли в *ī*, и *ou*, в свою очередь перешедшее в *ū*.

Примеры:

sibī, дат. п. ед. ч. возвратного местоимения, из **sibeī*.

abīs, 2 л. ед. ч. *praes.* от *abeō* «ухожу», из *abeis*.

rosīs, дат.-отл. п. мн. ч. от *rosa* «роза», из **rosais*.

tutudī, *perf.* от *tundō* «ударяю», из **tutudai*.

virī, им. п. мн. ч. от *vir* «муж», из **viroi*.

dōnīs, отл. п. мн. ч. от *dōnum* «дар», из **donois*.

currūs, род. п. ед. ч. от *currus* «колесница», из **currous*.

Для некоторых случаев первоначальный дифтонг сохранен нам эпиграфическими свидетельствами, например: *sibeī* — в постановлении сената de Bacanalibus 186 г. до н. э. (CIL, I², 581), *praetereis* (CIL, I², 2138), *reparai*, форма, предшествующая классическому *reperi*, *perf.* от *pariō* «рождаю», — на фалисской погребальной урне VI в. до н. э., а также в цитатах грамматиков: «*pilumnoe poploē* in carmine saliari (Фест, 224, 4; при этом Фест несколько модернизирует текст песни салиев, который должен был давать форму *pilumnoi poploī*); «*ab oloes dicebant pro ab illīs*² (Павел Диакон, 17, 22; то же замечание, что и для *pilumnoe poploē*); в остальных случаях существование дифтонга обнаруживается только сравнением с другими индоевропейскими языками.

Изменение *eī* в *ī* и *ou* в *ū* проходило через промежуточные этапы *ē* и *ō*. Что касается *ai* и *oi*, то они перешли сначала в *ei*, совпадая, таким образом, с первоначальным *eī*, судьбу которого и разделили в дальнейшем. Подтверждается это такими написаниями, как *soveis aastutieis* — отл. п., *summeis* — дат. п. (CIL, I², 364; начало II в. до н. э.) и

¹ «В прежнее время большинство писало *primitivus*, *adoptivus* и *nominativus* через и и о, так как знали, что гласные не могут слиться между собой так, чтобы получился один слог; и, очевидно, эти слова произносились иначе, чем писались».

² «Говорили *ab oloes* вместо *ab illīs*».

ploīgūmē «plurīmī» — им. п. ед. ч. (*CIL*, I², 9; конец III в. до н. э.).

Так как, согласно сказанному, аī в конечном слоге перешло в ī, то окончание ae форм родительного, дательного и отложительного падежей единственного числа и имениительного падежа множественного числа слов первого склонения не может происходить от aī. И действительно, оно продолжает древнее āī, о чем свидетельствуют архаизирующие формы род. п. ед. ч. типа *Albāt longāt* (окончание гекзаметра у Энния, Ann., 33), долго сохранявшиеся в употреблении у поэтов; ср. *animāt* (Лукреций, I, 112), *terrāt* (*ibid.*, I, 212), *aulāt* (Вергилий, Aen., III, 354), *aquāt* (*ibid.*, VII, 464).

Б. ИЗМЕНЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА ГЛАСНОГО

§ 24. Гласный элемент конечных слогов имел тенденцию к сокращению длительности. Эта тенденция проявляется в следующих случаях:

1. ё (как древнее, так и произошедшее из ī согласно § 21) в открытом конечном слоге могло исчезать; однако определить условия, в которых наступало это явление, затруднительно. Наряду с *antē* «перед», *propē* «близ, почти», *sinē* «без», *legē* «читай», *dominē*, зват. п. от *dominus* «господин», *marē* «море», которые всегда сохраняли конечное -ё, мы имеем:

post «после» из *postē*, примеры которого еще сохраняются в старинном языке; см. Плавт, *Asin.*, 915; Мен., 839; Энний, Ann., 230.

ac «и», *pec* «и не» — дублеты *atquē*, *nequē* (см. §§ 93, 83 и 63, п. 4.)

dein «затем», *proin* «поэтому» — дублеты *deindē*, *proindē* (с отпадением d, ставшего конечным, когда ё- перестало звучать).

vīn «не хочешь ли?» из *vīsnē* (см. § 96), *nōstīn* «знаешь ли?» из *nōstīnē* и другие аналогичные выражения, частые в разговорном языке древней комедии. У авторов классической эпохи ё частицы -пё обычно сохраняется. Однако у Вергилия (Aen., VI, 779) в виде исключения встречается *vidēn* «видишь?»

вместо *vidēsnē* с ямбическим сокращением ё (см. ниже, п. 4).

hic, *haec*, *hos*, им. п. ед. ч. указательного местоимения «этот, эта, это», *hunc*, *hanc*, *hos*, вин. п. ед. ч. из *hīcē*, *haecē*, *hōccē* (< **hōd-cē*, см. §§ 83 и 63, п. 4), *huncē*, *hancē*, *hance*, *hace* (< **hād-cē*, *hāccē* см. § 83) встречаются как архаизмы канцелярского стиля в так называемом Бантийском законе, составленном между 133 и 118 гг. до н. э. (*CIL*, I, 582), и *hoce* (письменное обозначение произношения *hocce*, так как двойные согласные в этой надписи обозначаются одной буквой) — в постановлении сената *de Bacanalibus* 186 г. до н. э. (*CIL*, I², 581).

Формы императива *dīc* «скажи», *dūc* «веди», *fac* «сделай» из *dīcē*, *dūcē*, *facē*. Полные формы *dīcē* часто встречаются в старинном языке (Плавт, *Mil.* gl., 256) наряду с *dīc* (Плавт, *Capt.*, 890), равно как формы *dūcē* (Плавт, *Trin.*, 384) наряду с *dūc* (*Vas.*, 593) и *facē* (Теренций, *Andr.*, 680; Луцилий, 890) наряду с *fac* (Плавт, *Aul.*, 685). Глаголы сложные с *dīcere* и *dūcere* отбрасывают -ё во 2 л. ед. ч. повелительного наклонения настоящего времени (например, *addīc*, *ēdīc*, *abdūc*, *ēdūc*), но сложные глаголы с *facere* сохраняют его (*cōnficē*, *perficē*).

Остальные глаголы третьего спряжения всегда сохраняют ё: *carē* «возьми», *mittē* «посытай», *tundē* «толки».

К императивам, характеризующимся апокопой -ё, следует, повидимому, причислить также частицу *et*, собственно «возьми», *imper.* от *etemē*, первоначальный смысл которого, сохраненный в большей части сложных глаголов, был «брать»;ср. французское междометие *tiens!* «вот тебе на!».

Звательные падежи *vir* «о муж!», *ruer* «о мальчик!» и т. п. из **virē*, *ruerē* (последняя форма встречается у Плавта, *Asin.*, 382; *Circ.*, 75; *Most.*, 965 и др., тогда как Теренций употребляет уже только *ruer*).

lac «молоко» из *lactē* (*lactē* встречается, например, у Плавта, *Mil.*, 240, и у Цецилия, 220) и многие субстантивированные формы среднего рода прилагательных, как, например, *exemplär* «образец», *tribūnäl*

«трибунал» из *exemplārē*, *tribūnālē* (с сокращением ā в закрытом конечном слоге перед простым согласным, отличающимся от s; см. ниже, п. 3. *exemplārē* и *tribūnālē* встречаются как архаизм: первое — у Лукреция, II, 124, второе — в *Lex Julia municipalis*, 45 г. до н. э., *CIL*, I², 593).

Следует отметить, что *as* и *pes* обычно употреблялись перед словами, начинавшимися с согласного, а *atquē* и *nequē*, наоборот, — перед словами, начинавшимися с гласного (или с h, что то же, потому что h стало немым с начала литературного периода; см. § 50). Отсюда следует, что частичная утрата -ё, породившая эти дублеты, не может быть приписана элизии. Что касается полных форм императива от *dīcere*, *dūcere*, *facere* у Плавта и Теренция, то они встречаются чаще всего в конце фразы или, по меньшей мере, в конце обладающей известной самостоятельностью части фразы и в конце стиха; см. у Плавта: «*tu si quid opus est dice. — dic quod te rogo*» (*Rud.*, 124) и у Теренция: «*quantum potest me certiore, inquit, face*» (*Phorm.*, 674).

fer «неси» никогда не имело -ё, так же как и *es* «будь» (в самом деле, **esē*, если бы оно существовало, дало бы **er*(ё); см. § 47). *fer* и *es* находятся с *fer-te* и *es-te* в таком же соотношении, как *legē* с **legē-te*, предшествовавшим *legitē*. Мы встречаемся здесь с редко представленным в латинском языке типом флексии с нулевой степенью суффикса, называемым в лингвистике атематической флексией. Эти два императива, у которых -ё отсутствовало с самого начала, могли в известной мере содействовать тому, что *dīc*, *dūc*, *fac* приобрели характер нормы. Квинтилиан (*Instit. orat.*, I, 6, 17) расценивает как докучливый и нелепый педантизм (*molestissima diligentiae perversitas*) употребление *tribūnālē* вместо обычной формы *tribūnāl* у некоторых авторов. Относительно звательного падежа типа *vir*, *ruer* нельзя утверждать с уверенностью, что он происходит от апокопированных **virē*, *ruerē*. Действительно, возможно, что это был именительный падеж, употреблявшийся в функции звательного падежа и вытеснивший в конце концов подлинный звательный падеж **virē*, *ruerē*, подобно тому как в словах *pater* «отец», *frāter* «брать», *soror* «сестра», *mulier* «женщина» звательный падеж по форме совпал с именительным. Однако тот факт, что -ё отсутствует именно у зватель-

ного падежа слов, которые, как *vir* и *ruer*, потеряли в результате синкопы краткий гласный в конечном слоге именительного падежа (*vir*, *ruer* из **vir(ō)s*, *ruer(ō)s*; см. ниже, п. 2 и §§ 70, 80 и 63, п. 4), сохраняясь в то же время у слов, не подвергшихся синкопе в именительном падеже (например, *dominē*, зват. п., наряду с *dominūs*, им. п.), указывает, повидимому, что зват. п. *vir* и *ruer* действительно являются фонетическими дериватами от **virē* и *ruerē*.

2. В закрытом конечном слоге краткий гласный часто исчезал в результате синкопы перед простым s; однако дальнейшая фонетическая эволюция была нарушена аналогическими влияниями.

Синкопа ī наблюдается в форме именительного падежа единственного числа от основ на -ī- после смычного согласного, если предыдущий слог был долог по природе или по положению¹.

Примеры:

līs «тяжба» из **lītīs* (род. п. мн. ч. *lītī-um*; * *līt(i)s* < *līs(s)* согласно §§ 73 и 63, п. 4).

ars «искусство» из **artīs* (род. п. мн. ч. *artī-um*; **art(i)s* > *ars(s)* согласно §§ 73 и 63, п. 4).

falcīs «серп» из **falcīs* (род. п. мн. ч. *falcī-um*; см. § 100).

urbīs «город» из **urbīs* (род. п. мн. ч. *urbī-um*).

ātrōx «жестокий» из **ātrōcīs* (род. п. мн. ч. *ātrōcī-um*).

concorīs, засвидетельствованного у Цецилия (109) (род. п. мн. ч. *concordī-um*; *concord(i)s* > *concorīs(s)* согласно §§ 73 и 63, п. 4).

После краткого слога, наоборот, синкопа в словах этого рода отсутствовала; ср. *cūtīs* «кожа», *sītīs* «ожажда», *scōbīs* «опилки».

Существует, однако, довольно много слов, в которых группа «смычный + īs» остается без изменения, хотя ей предшествует долгий слог; ср. *vītīs* «доза», *orbīs* «круг», *vectīs* «рычаг», все существительные на -stīs, например *fustīs* «дубина», *hostīs* «враг», *restīs* «веревка», *vestīs* «одежда», и, наконец, прилагательные, например *fortīs* «храбрый», *dulcīs* «сладкий». К сожалению, нет никаких данных, кото-

¹ См. примечание 1 к стр. 40.

рые позволили бы судить, в какой мере в случаях этого рода мы имеем дело с фонетической устойчивостью и в какой — с аналогическим восстановлением.

І и ё иногда поглощались в конечных группах -r̄s, -l̄s r̄s, l̄s.

Примеры:

linter «член» из *lintr̄s (род. п. мн. ч. lintr̄-um; ход изменения: *lintr̄(i)s > *litr̄s > linter(r); см. §§ 20, 70, 80 и 63, п. 4).

Прилагательные в форме мужского рода типа acer «острый», celer «быстрый» из ācr̄s, celer̄s (ход изменения: ācr̄(i)s > *acr̄s > acer(r) и celer(i)s > celer(r)).

vigil «бодрствующий» из *vigil̄s, образованного по тому же типу, что и facil̄s, docil̄s (ход изменения: vigil(i)s > vigil(l) согласно §§ 70, 80 и 63, п. 4).

vectīgäl «облагаемый налогом» (ager vectigal, *CIL*, I², 584) из vectigäl̄s (ход изменения: vectigäl(i)s > vectigäl(l); см. §§ 70, 80, 63, п. 4, и 24, п. 3).

vir «муж» из vir̄s (перешедшего в vir(r) согласно §§ 70, 80 и 63, п. 4).

socer «свекор, тесть» из *socer̄s (перешедшего в socer(r) согласно §§ 70, 80 и 63, п. 4).

Прилагательные в форме мужского рода типа sacer «священный», liber «свободный», satur «сытый» из sacr̄s, *liber̄s, *satur̄s (*sakros* читаем в одной очень древней надписи, найденной на форуме, *CIL*, I², 1; ход изменения: sacr̄(o)s > *sacr̄s > sacer(r); *liber̄(o)s > liber(r); *satur̄(o)s > satur(r), см. §§ 70, 80 и 63, п. 4).

famul «прислужник» (у Энния, Ann., 313 и, в виде реминисценции этого места, у Лукреция, III, 1035) из *famel̄s (ср. оскск. famel «famulus», засвидетельствованное Павлом Диаконом, 77, 11; ход изменения: *famel̄s > famul̄(o)s > *famul(l); см. §§ 15, п. 2, 70, 80 и 63, п. 4; если бы поглощение ё в конечном слоге произошло ранее, чем изменение ё во внутреннем слоге, то famel̄s дало бы famel, как в оскском, через промежуточные формы *famels, *famell; тогда famul пришлось бы рассматривать как происшедшее от скрещивания между famel и аналогическим им. п. famulus, восстановленным по косвенным падежам famulī, famulō и т. д. (см. ниже).

Конечные группы *-r̄is*, *-r̄os* не затрагивались, повидимому, синкопой, если им непосредственно предшествовал долгий гласный.

Примеры:

secūr̄is «топор», *clar̄is* «ясный», *rāḡis* «редкий», *rūḡis* «чистый», *matūr̄is* «зрелый», *sevēr̄is* «строгий».

В исключениях, например *Tib̄er̄is* «Тибр», *febr̄is* «лихорадка», *facil̄is* «легкий», *nātūrālis* «естественный», *ēr̄is* «хозяин», *porcūl̄is* «поросенок» и др., окончания *-r̄is*, *-r̄os*, *-l̄is*, *-l̄os* были восстановлены вторично по аналогии.

Что касается, в частности, форм женского рода *ācr̄is*, *celer̄is*, которые должны были измениться в *ācer*, *celer*, подобно тому как *ācr̄is*, *celer̄is* перешли в *ācer*, *celer* в мужском роде (см. выше), то их восстановлению должно было благоприятствовать то, что женский род таких прилагательных, как *ruber* «красный», *sacer* «священный», имел форму, отличающуюся от формы мужского рода (*ruber*, *rubra*; *sacer*, *sacra*). Впрочем, фонетически закономерные формы ж. р. *ācer*, *celer* оставили по крайней мере следы, см. *ācer* *hiems* у Энния (Ann., 424) и *celer* *orīgo* у Лукреция (IV, 160). Иногда аналогичное восстановление первоначальной формы для женского рода влекло за собой то же и в мужском роде; см., например, *somnus acris* у Энния (Ann., 368 и сл.), *pons Mulvius... celebris... erat* у Тацита (Ann., XIII, 47). В некоторых случаях последняя флексия приобрела даже характер нормы; так, употребление *illūstr̄is* (м. р.), *illūstr̄is* (ж. р.), *illūstr̄ē* (ср. р.) «блестящий, знаменитый» объяснялось, несомненно, влиянием очень широко представленного типа *instign̄is* (м. р.), *instign̄is* (ж. р.), *instiḡē* (ср. р.) «знаменитый».

3. В словах, содержавших более одного слога, каждый долгий гласный в закрытом конечном слоге сокращался перед каждым конечным согласным, кроме s, если не имел на себе ударения (см. § 10).

Примеры:

amāt «он любит», *docēt* «он учит», *audīt* «он слушает», но *amās* «ты любишь», *docēs* «ты учишь», *audīs* «ты слушаешь».

ferām «я нес бы», *cantābām* «я пел», но *ferās* «ты нес бы», *cantābās* «ты пел».

diēm, вин. п. ед. ч., от *diēs* «день».

animāl «животное», род. п. *animālis*.

nīhīl «ничего» из **nēhīl*, происшедшего в свою очередь из *ne hīlum* в результате элизии перед гласным началом следующего слова и приобретения этим элидированным дублетом характера общей нормы; см. у Энния: «*quaē dedit ipsa capit neque dispendi facit hilum*» (Ann., 14). По аналогии краткий гласный именительного падежа проник и в косвенные падежи, откуда род. п. *nīhīlī*, дат. п. *nīhīlō* и т. д.

calcār «шпора», род. п. *calcāris*.

lictōr «ликтор», род. п. *lictōris*.

Под ударением же долгий гласный сохранялся; см. *illīc*, *istīc* «там», *illūc*, *istūc* «туда» из *illīc(e)*, *istīc(e)*, *illūc(e)*, *istūc(e)*.

За исключением случаев положения перед -*t*, это сокращение должно было произойти приблизительно около времени смерти Плавта, у которого долгота еще сохраняется (исключения, как *hābēt*, Epid., 667, объясняются ямбическим сокращением; см. ниже, п. 4); ср. *arāt* (Asin., 874), *solēt* (Merc., 696), *faciāt* (Poen., 489), *bacchānāl* (Aulul., 411), *ūtār* (Aulul., 232), *uxōr* (Asin., 927), *auctōr* (Pseud., 231). У Теренция и у Энния, напротив, случаи сокращения долгого гласного встречаются наряду с его сохранением; ср. у Теренция *audīrēt* (Ad., 453) наряду с *augeāt* (Ad., 25), у Энния *mandēbāt* (Ann., 138) наряду с *rōnēbāt* (Ann., 371). Перед -*t* долгий гласный уступил место краткому уже до Плавта.

В односложных словах сокращение произошло только перед *t* и *t̄*; перед остальными согласными долгота сохранилась;

flet «он плачет» наряду с *fles* «ты плачешь».

rēm, вин. п. ед. ч., от *rēs* «вещь»,

но *sīc* «так», *sōl* «солнце», *vēr* «весна», *fūr* «вор».

Плавт скандирует также *scīt* (Persa, 762) и *dēt* (Persa, 68, 327).

4. Двусложные слова, образующие ямб (—), часто употребляются в древней драматической поэзии с просодией пиррихия (—). Так, Плавт дает много примеров скандовки типа *āmā* (Curc., 38), *cāvē* (Bac., 147), *dōmī* (Mil., 192), *bōnās* (Stich., 99); равным образом мы находим у Теренция *ābī* (Phorm., 59), *dārī* (Ad., 311), *bōnīs* (Eun., 8). Это

сокращение¹, отражающее, несомненно, особенность произношения того времени, допускалось в классическом языке только для некоторых слов вспомогательного значения, весьма часто употребляемых и поэтому артикулировавшихся более бегло, например:

bēnē «хорошо», mālē «плохо» наряду с cātē «хитро», prōbē «добросовестно».

cītō «быстро», mōdō «только» наряду с ёō «туда», rētrō «назад».

hērē «вчера» (например, у Проперция, II, 22, 1; у Ювенала, III, 23, и у Марциала, I, 43, 2; III, 12, 2; IV, 7, 1) из hērī (Плавт, Capt., III; Теренций, Eun., 169); промежуточный этап *hērī (см. § 21).

rūtā «например», собственно «считай», из rūtā, imper. от rūtāre, но всегда ёmā «люби» и также rūtā, когда оно представляет собой imper. от rūtāre, употребляемый как таковой.

ИЗМЕНЕНИЯ, НЕ ЗАВИСЯЩИЕ ОТ НАЧАЛЬНОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ

А. ИЗМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВА ГЛАСНОГО В НЕКОНЕЧНОМ СЛОГЕ

§ 25. ё перед заднеязычным носовым перешло в й.

Примеры:

septīngentī «семьсот» из *septēmcēntī.

cōnfrīngō «переламываю» из *cōnfrēngō, происшедшего от *cōnfrāngō (см. § 18, п. 1).

suppīngō «подтыкаю» из *suppēngō, происшедшего от *subpāngō (см. § 18, п. 1).

attīngō «дотрагиваюсь» из *attēngō, происшедшего от *adtāngō (см. § 18, п. 1).

dīgnus «достойный» из *dēgnos, * dēcnos (связан с корнем глагола dēcet «подобает»; с > g согласно § 69; -gn->-ŋn- согласно § 74).

līgnum «древа» из *lēgnom, происшедшего в свою очередь от lēgō «собираю», так что lignum означает собственно «хворост, собираемый в лесу» (-gn->-ŋn- согласно § 74).

¹ В «ямбическом сокращении» можно видеть одно из проявлений той склонности латинского языка к «четному ритму», о которой было сказано в примечании 1 к стр. 40. (Прим. пер.)

Об обозначении заднеязычного носового через *g* в двух последних примерах и через *p* в остальных см. § 7, прим. 3, и § 74.

§ 26. ё перешло в ѿ перед I велярным, то есть таким, за которым следовал один из гласных: ё, ѿ, ѿ, ѹ или согласный (следует заметить, что двойное II не было двумя последовательными I, а одним удлиненным I, представлявшим собой I палатальное; см. § 59).

Перед группой «I + согласный» это ѿ изменялось далее в ѹ, но в тех случаях, когда ему предшествовало *v*, сохранялось в орфографии до конца республиканского периода.

Переходу ё в ѿ препятствовал предшествующий палатальный смычный.

Примеры:

hōlus, -*eris*, «овошь»; см. у Павла Диакона: «*hēlus et hēlusa antiqui dicebant, quod nunc hōlus et holera*»¹.

Различные формы глагола *vēlle* «хотеть» из **vēlse* (см. § 80); корень *vēl-*: *vōlō*, *vōlēbam*, *vōlam*, *vōlūt*, *vōlt*, *vōltis* (причем последние два слова писались *volt*, *voltis* в течение республиканского периода), но *vēlim*, *vēllem*, *vēlle*.

sepūltus, part. perf. pass. от *sepēliō* «погребаю».

exsūltō «ликую» из **exsēltō*, **exsāltō* (см. § 18, п. 1, и § 19).

insūlsus «безвкусный» из **insēlsos*, **insālsos* (см. § 18, п. 1 и § 19).

Однако имеем:

gēlū «мороз», *scēlus* «преступление, сēler «быстрый», *cēlsus* «возвышенный».

Из последних примеров видно, что ё, которому предшествовал палатальный смычный, не изменялось перед велярным I; поэтому *concīlcō* «топчу», *exscīlpō* «вырезываю» не могут происходить фонетически от **concēlcō*, **concālcō* и от **exscēlpō*, **exscālpō*. Это — аналогические нововведения, созданные по образцу соотношения *exsūltō*: *sāltō*.

volt, *voltis*, произносимые как *vōlt*, *vōltis*, представляют собой графический прием, к которому прибегали вслед-

¹ «*hēlus* и *hēlusa* — древние произношения, как *holus* и *holera*».

ствие неясности *vv*, допускавшего чтение *ii*, *uu*, *uv* и *ü*. Чтобы устранить эту неясность, приняли орфографию *exiguos*, *volgus*, *flovius* (или *fluius*, где выброшена одна из двух смежных букв *v*), сохранив написание *vv* для обозначения *ü*; ср. *Miucius*, *arbitratus* в постановлении Минуциев 117 г. до н. э. (*CIL*, I², 584) по аналогии с *aa* = = *ä*, например *paastores* в надписи Попиллия Лената 132 г. до н. э. (*CIL*, I², 638), и ее = *ë*, например *seedes* в одной надписи, относящейся также к второй половине II в. до н. э. (*CIL*, I², 1529). Однако эти ухищрения в свою очередь создавали в некоторых случаях двусмысленность (см. § 53), и поэтому становится понятным, почему в конце концов верх одержала фонетическая орфография.

§ 27. ё (как первоначальное, так и происшедшее из ё в силу закона, сформулированного в § 26) перешло в й, если находилось перед сочетанием «і + согласный» (но не в группе *-öll-*; см. сказанное в § 26 о фонетическом значении двойного *ll*). Переход ё, происшедшего из первоначального ё, в й был рассмотрен в предыдущем параграфе; поэтому нам остается сказать здесь лишь о переходе в й первоначального ё.

Примеры:

cūlmen «верхушка» наряду с *cōlument*, имеющим то же значение.

pīls «каша» наряду с *pōlenta* «ячменная похлебка».

pīlvis «пыль» наряду с *pōllen* «тонкая мука».

stūltus «глупый» наряду со *stōlidus* с тем же значением.

В словах типа *vōlgus* «народная масса», *vōlpēs* «лисица», *vōltur* «коршун» указанное здесь изменение замаскировано орфографией, хотя эти слова и произносились *vūlgus*, *vūlpēs*, *vūltur*, но по причине, изложенной в предыдущем параграфе, в республиканскую эпоху писали *volgus*, *volpes*, *voltur*. Соответствие между орфографией и произношением установилось только с начала эпохи империи.

§ 28. Около середины II в. до н. э. ё, которому предшествовало *v*, перешло в ё перед *g* и *s*, оканчивающими слог, и перед *t*, начинающим следующий слог. Так, вместо *vērrere* «мести», *adversum* «против», *vērtere* «вертеть», *revērti* «возвращаться», *vēster* «ваши», *vētare* «запрещать»

мы находим у Плавта, Теренция, Энния и в древних надписях: *vōttere*, *advōrtsum*, *vōrtere*, *revōrtī*, *vōster*, *vōtare*. Согласно Квинтилиану, старые формы в эпоху Сципиона Африканского были заменены новыми: «quid dicam *vortices* et *vorsus* ceteraque ad eundem modum, quae primus Scipio Africanus in e litteram secundam vertisse dicitur?»¹ (Instit. orat., I, 7, 25). Это замечание относится, несомненно, к Сципиону Африканскому младшему (род. в 185 г., ум. в 129 г. до н. э.). Действительно, в комедиях Теренция, написанных между 166 и 160 гг., *vortere*, *revortī*, *voster* и т. д. уже чередуются с *vertere*, *revertī*, *vester*, причем последние формы встречаются настолько часто и так хорошо засвидетельствованы, что их невозможно отнести на счет переписчиков. Напротив, встречая у Энния (239—169 гг. до н. э.) *vertere* (Ann., 211, 511; Scen., 42) наряду с *vortere* (Ann., 108; Scen., 276), *adversum* (Scen., 301) наряду с *advorsum* (Scen., 338), *vester* (Ann., 230, 595; Scen., 161, 283) наряду с *voster* (Ann., 464; Scen., 186), можно сказать, что это вызвано модернизацией языка этих отрывков у позднейших авторов. С еще большим основанием можно предполагать, что написания через *е*, встречающиеся в рукописях Плавта (около 251—184 гг. до н. э.), к тому же гораздо более редкие и хуже засвидетельствованные, чем у Теренция, представляют модернизацию текста в более позднее время. Первые эпиграфические примеры перехода *ö* в *ё* в указанных выше условиях встречаются в *Lex repetundarum (aversum)* 123—122 гг. до н. э. (*CIL*, I², 583) и в постановлении Минуциев (*controversis*) 117 г. до н. э. (*CIL*, I², 584). Столь позднее появление таких написаний объясняется архаизирующим стилем официальных надписей.

§ 29. *ei* изменилось в *ї* в первой половине II в. до н. э., пройдя через промежуточный этап *ё*.

Примеры:

cīvis «гражданин» из *ceivis* (*ceivis* в постановлении сената *de Bacanalibus* 186 г. до н. э.; *CIL*, I², 581).

¹ «Что говорить о словах *vortex*, *vorsus* и других им подобных, которые Сципион Африканский изменил, введя в них на втором месте букву *e?*»

dīcō «говорю» из *deicō* (*deicerent* в постановлении сената *de Bacanalibus*; *CIL*, I², 581).

diffidō «отчаиваюсь» из *diffeidō* (*difeidens* в эпиграфе II в. до н. э.; *CIL*, I², 1531).

incidō «врезаю, вырезаю» из *inceidō* (происшедшего в свою очередь из * *incaidō* согласно § 19; *inceideretis* — в постановлении сената *de Bacanalibus*; *CIL*, I², 581).

Промежуточный этап ё был достигнут в самом начале II в. до н. э.; так, в постановлении сената *de Bacanalibus* мы находим написание *copromesise* (т. е. *coprōmēsisse*, так как двойные согласные обозначаются в этой надписи одной буквой) вместо * *coprōmeisisse*, в дальнейшем перешедшее в *comprōmēsisse*, а в декрете Эмилия Павла (трех годами ранее) *decrevit* вместо *dēcrēvit* (*CIL*, I², 614); это — обратное написание, предполагающее, что *ei* произносилось тогда как ё. Следовательно, *ceivis*, *deicerent*, *inceideretis* в постановлении сената *de Bacanalibus* представляют собой не фонетические написания, отражающие современное им произношение, а написания исторические, архаизирующие. Так как историческое написание *ei* после перехода *ei* в і сохранялось частично в живом языке очень долгое время, то иногда им пользовались для обозначения древнего і, не происшедшего из дифтонга *ei*, и писали, например, *audeire* (*CIL*, I², 583; *Lex repetundarum*, 123—122 гг. до н. э.) вместо *audīre*. Именно такого рода обратным написанием объясняется и *Capteivei* вместо *Captīvei* в акrostичическом изложении этой пьесы, принадлежащем грамматику эпохи империи, который имитирует язык Плавта. Первый достоверный пример фонетического написания і — им. п. мн. ч. *purgati* в одной надписи, относящейся приблизительно к 160 г. до н. э. (*CIL*, I², 586).

В сельских говорах Лация эволюция *ei* остановилась на этапе ё; об этом свидетельствует следующее сообщение Баррона: «*spīca autem, quam rustici, ut acsererunt antiquus vocant spēcam*»¹ (*Rer. rust.*, I, 48, 2). Некоторые из этих дублетов народного языка нашли свое продолжение в романских языках; так, старофранц. *estouïve* и современ-

¹ «*spīca*, который деревенские жители, унаследовав от древних, называют *spēca*».

ное франц. *voisin* предполагают в качестве своих латинских предков *stēva* «рукоятка сохи» и *vēcīnus* «сосед», а не *stīva*, *vīcīnus*, представляющие собой формы литературного латинского языка.

§ 30. *ai* перешло в *ae* с самого начала II в. до н. э.
Примеры:

aedēs «храм» из *aidēs*; *aide* = *aedem* читаем в надписи на гробнице одного из членов семейства Сципионов, относящейся к концу III в. до н. э. (*CIL*, I², 9), тогда как постановление сената *de Bacanalibus* 186 г. до н. э. (*CIL*, I², 581), несмотря на свою архаизирующую орфографию, дает уже *aedem*.

quaerō «ищу, спрашиваю» из *quairō*, *quairatis* — архаизирующее написание наряду с *aetate* в надписи на гробнице одного из Сципионов, относящейся приблизительно к 130 г. до н. э. (*CIL*, I², 11).

Укажем еще для сравнения такие орфографические примеры, как *quaistores*, *aire* = *quaestōrēs*, *aere* (*CIL*, I², 383), *praifectos* = *praefectus* (*CIL*, I², 398), *praitor* = = *praetor* (*CIL*, I², 803).

В окружавших Рим деревнях *ae* рано перестало звучать как дифтонг. Действительно, Варрон сообщает, что в его время сельские жители говорили *Mēsius* и *ēdus* вместо *Maesius* и *haedus*: «*rustici rāppum Mēsium, non Maesium*»¹ (*De lingua Lat.*, VII, 96); «*in Latio rūte ēdus qui in urbe, ut in multis a addito aēdus*»² (V, 97).

В эпоху империи это произношение постепенно распространялось и в столице и, наконец, стало всеобщим. *ē*, происшедшее из древнего *ae*, было открытым (ē), отличаясь этим от первоначального *ē*, которое было закрытым (ē). Поэтому, когда к концу эпохи империи латинский язык утратил различие гласных по количеству, сохранив различие их только по качеству, *ae* полностью совпало с *ē* (то есть с *ē*), от которого первоначальное *ē* (то есть *ē*) всегда отчетливо отличалось. Об этом свидетельствуют романские языки, в которых *ae* и *ē* пришли к одинаковому звучанию,

¹ «Жители деревень называют паппа (комическая маска одного из персонажей народной итальянской комедии) *Mēsius*, а не *Maesius*».

² «В латинской деревне говорят *ēdus*, а в городе — *aēdus*, прибавляя *a*, как и во многих других словах».

тогда как ё трактуется иначе; см. лат. *caelum* «небо» > франц. *ciel*, лат. *quaerit* «он ищет» > франц. (ac)quiert, как лат. *fēl* «желчь» > франц. *fiel*, лат. *hēre* «вчера» (см. § 24, п. 4) > франц. *hier*, но лат. *vēlum* «парус» > франц. *voile*, лат. *sērum* «позднее время дня» > франц. *soir*.

§ 31. оі перешло в й в начале II в. до н. э. Написание оі встречается довольно часто в древних надписях; в более же поздних надписях (позднее 200 г. до н. э.) сохранение оі связано с консервативным характером орфографии и не отражает тогдашнего произношения.

Примеры:

ūnus «один» из *oīnos* (*oīno* = юnum в надписи на гробнице одного из Сципионов; *CIL*, I², 9).

commūnis «общий» из *comtoīnis* (комтоīнем в постановлении сената de Bacanalibus; *CIL*, I², 581).

lūdus «игра» из *loīdos* (*loīdos*, например, *CIL*, I² 364, 675, 677).

ūsus «употребление, польза» из *oīsus*; см. Марциан Капелла: «*oīsus etiam dicitur; sic enim veteres usum dixere*¹» (III, 236).

В словах *poena* «наказание», *Poenus* «пуниец», *foedus*, -*ēris*, «союз», *foedus*, -а, -ит «бездобразный», *foetēre* «дурно пахнуть» древнее оі представлено через ое, тогда как производные слова *rīpītre* «наказывать», *Rūnicus* «пунический» дают обычную трактовку дифтонга оі. Повидимому, переходу оі в й препятствовал предшествующий губной смычный или спирант, за исключением того случая, когда следующий слог содержал і. ое в слове *moenia* «укрепления» наряду с *mūrus* «стена» фонетически не закономерно. Возможно, что *moenia* — это аналогическое нововведение, возникшее по формуле пропорции: *rīpītre* : *poēna* = *mūri* : х и поддержанное стремлением различать омонимы **mūnia* «укрепления» и *mūnia* «обязанности».

Форма перфекта *coēpt* «я начал» не содержит индоевропейского дифтонга оі, перешедшего в ое, а заменила собой форму со-*ēpt*, образованную как со-*ēgt*, *perf.* от *cōbō* «принуждаю» (см. § 37). Трехсложное произношение со*ēpt*

¹ «Говорят также *oīsus*; так древние называли *usus*».

сохранено в старой поэзии (у Плавта, Cas., 651, 701; Cist., 687; Merc., 533, и у Лукреция, IV, 619).

§ 32. *ei* перешло в *ou* и далее в *ī* (см. § 33). Переход *ei* в *ou* закончился в долитеатральную эпоху, и латинские памятники не дают нам ни одного примера первоначального дифтонга *ei*. Однако сравнение с близкими языками позволяет утверждать, что, например, *ī* в слове *dīcō* «веду» восходит к древнему *ei* (промежуточная форма *doucō* засвидетельствована в надписи на гробнице одного из Сципионов конца III или начала II в. до н. э., *CIL*, I², 7, где читаем *abdoūcīt*); с другой стороны, законы изменения гласных дают нам основание возводить, например, *accīs(s)ō* «обвиняю» к **adceus(s)ō*, закономерно происходящему от **adcaus(s)ō*, так как трактовка первых элементов дифтонгов в серединном слоге была та же, что и для кратких гласных в закрытом серединном слоге (см. § 19).

Относительно *sei* «как», *peii* (дублет *pēēe*) «и чтобы не», *seū* (дублет *sive*) «или если», *neuter* «ни тот, ни другой» можно повторить то же, что было сказано выше (§ 31) относительно *coerī*. Во всех этих словах *ei* происходит от позднейшего слияния *e+u*. Что касается, в частности, слова *neuter*, то нельзя достоверно сказать, имело ли оно когда-либо в обычной речи иное произношение, кроме трехсложного *pēētēg*, так как трохеическая скандовка поэтов могла быть основана на синицезе (см. § 37). Наконец, дифтонг *ei* встречается в некоторых междометиях, то есть в инстинктивных голосовых жестах, уклоняющихся от общей нормы языкового развития, например *heu*, *eheu* — горестное восклицание; см. «*heu misero mihi!*» (Плавт, Merc., 661); «*heu me miseram!*» (Теренций, Нес., 271); «*eheu! huic illud dolet*» (Плавт, Capt., 152) и *heus*, употреблявшееся при окликании кого-либо; см. «*heus tu!*» (Плавт, Pseud., 1124).

§ 33. Древнее *ou*, как и произошедшее из *ei*, перешло в латинском языке (согласно § 32) к концу III в. до н. э. в *ī*.

Примеры:

jīmentum «упряжное животное» из *joūxmentom*; *joūxmenta* читаем в древнейшей надписи (см. § 101 б), найденной на римском форуме (*CIL*, I², 1).

lūcus «священная роща», собственно «просвет, поляна», из *loucos*, засвидетельствованного одной древней надписью из Сполето (*CIL*, I², 366).

nūtrīx «кормилица» из *noutrīx*; последняя форма нам известна из одного эпиграфа (*CIL*, I², 45).

Подобно тому как *ei*, прежде чем превратиться в *i*, прошло через форму *ē* (см. § 29), так и переход *oi* в *ī* осуществился через промежуточный этап *ō*; ср., например, *Locina* (то есть *Lōcīna*; *CIL*, I², 359) наряду с *Loucīna* (*CIL*, I², 360); обе надписи взяты из храма этой богини в Норбе, римской колонии в области вольсков.

§ 34. *ai* осталось неизмененным. Если иногда наряду со словами, содержащими этот дифтонг, встречаются дублеты с *ō* вместо *ai*, как, например, *ītus* наряду с *lautus*, *part. perf. pass.* от *lavō* «мою», *cōlis* (засвидетельствованное, например, у Катона, *De agric.*, 35, 2) наряду с *caulis* «стебель» (там же, 33, 4; 70, 1), *ōrīcula*, *rōllulum* (употребляемые Цицероном в интимных письмах) наряду с *auricula* «ушко», *paullum* «немножко», то это объясняется тем, что в некоторых диалектах, особенно в умбрском, *ai* перешло в *ō* и что вследствие иммиграции, торгового обмена и других социальных связей это произношение стало проникать в латинский язык столицы. Но, слыша произношение *ōrum* вместо *augūtum* «золото», римляне сознавали, что здесь перед ними диалектная форма; см. у Феста: «*orata genus piscis appellatur a colore auri, quod rusticī orum dicebant, ut auriculas oriculas*»¹ (196, 24 и сл.). Этот диалектизм встретил энергичное сопротивление, в результате которого *ō* в качестве диалектного отражения древнего *ai* было в литературном языке устранено (за исключением одного случая *ītus*, дублет *lautus*, где произошла смысловая дифференциация; первая форма употреблялась в собственном значении, а вторая — в переносном, так что они представлялись двумя различными словами). Мало того: наблюдались случаи, что люди, желавшие пощеголять чистотой своей латинской речи, переходили границы и произносили *ai* даже вместо первоначального *ō*. Именно

¹ «*ōrāta* — название вида рыбы от цвета золота, *aurum*, которое деревенские жители произносили *ōrum*, так же как *auricula* — *ōrīcula*».

в силу этого *plaudō* «аплодишу» заменило *plōdō*, хотя коренной гласный последнего был подлинный лат. ő, а не диалектное ő, происшедшее из древнего дифтонга ai, что доказывают сложные глаголы: *complōdō*, «ударяю одно о другое», *displōdō* «разрываю», *explōdō* «прогоняю с шумом, освистываю». В самом деле, если бы ai в *plaudō* было древним, то мы имели бы **complūdō*, **displūdō*, **explūdō* (см. § 19). Светоний в биографии императора Веспасиана (см. § 22) рассказывает по этому поводу следующий забавный анекдот: «(Vespasianus) Mestrium Florum consularem, admonitus ab eo *plausta* potius quam *plōstra* dicenda, postero die *Flaurum* salutavit»¹. Квинтилиан (Instit. orat., VI, 1, 52) сообщает, что в конце древних трагедий и комедий один из актеров обычно приглашал публику аплодировать возгласом: «*plōdite!* (cum ventum est ad ipsum illud, quo veteres tragediae comoediaeque cluduntur, *plōdite*)». Этими словами действительно заканчиваются многие комедии Плавта и все комедии Теренция; однако рукописи, в которых они до нас дошли, всюду дают *plaudite*. Отсюда можно заключить, что при жизни этих авторов было принято говорить *plōdite*, но когда их пьесы были возобновлены после их смерти, то указанное произношение в связи с изменениями, происшедшими в словоупотреблении образованного общества, было заменено формой *plaudite*.

За одним исключением, о котором будет сказано ниже, в примечании, романские языки или сохранили ai до настоящего времени — *aigut* представлено через *aig* в провансальском, ретороманском и румынском языках, — или во всяком случае свидетельствуют о том, что дифтонгическое произношение сохранялось до средних веков.

В франц. *chose* «вещь» от лат. *causa* начальное с трактуется как в *chèvre* «коза» от лат. *capra*, а не как в *cœur* «сердце» от лат. *cor*. Следовательно, переход ai в o — явление более позднее, чем изменение с в шипящий, то есть не восходит к латинскому языку, на котором говорили в Галлии, а вызвано развитием французского языка.

¹ «Веспасиан, после того как Местрий Флор обратил его внимание на то, что лучше произносить *plausta*, а не *plōstra*, приветствовал его на следующий день именем *Флавр*».

П р и м е ч а н и е. В вульгарной латыни эпохи империи безударное *ai* редуцировалось в *a*, когда следующий слог содержал *i*, что вызывало потерю дифтонгом его второго элемента. Это подтверждается написанием *Agustus* вместо *Augustus*, часто встречающимся в надписях (*CIL*, IV, 2124; V, 3529; IX, 1365 и др.). Романские названия месяца августа, итал. *agosto*, франц. *août* и т. д. также подтверждают существование вульгарной формы *agustus*. Наконец, *Aosta*, нынешнее название города, в древности называвшегося *Augusta Praetoria*, основано на произношении *Agusta*. Точно так же и *Pisaurum*, название города в Умбрии, дало в нынешнем итальянском языке *Pesaro* (с ударением на начальном слоге). Грамматик Флавий Капр (II в.) учит говорить *auscultāre*, а не *ascultāre* (*CL*, VII, 108, 6); именно форма *ascultāre*, расцениваемая им как неправильная, и лежит в основе итал. *ascoltare* и старофранц. *ascouter*. Вульгарное произношение *agurium* вместо *augurium* предполагается франц. *heur* (*bonheur*, *malheur*, где *h* не имеет этимологического значения).

Б. ИЗМЕНЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА ГЛАСНОГО В НЕКОНЕЧНОМ СЛОГЕ

а) Удлинение кратких гласных

§ 35. Краткий гласный подвергся удлинению:

1. В результате исчезновения *s* перед звонким согласным (см. § 96).

Примеры:

dīnōscō «распознаю» из **dīsnōscō* наряду с *dīscēdō* «ухожу».

ēdūcō «вывожу» из* *ēxdūcō* (*x=cs*; см. § 101 б) наряду с *ēxpellō* «выталкиваю».

sēdecim «шестнадцать» из **sēxdecim* (см. § 100 б).

īdem « тот же» из **īsdem* (*īs+dem*).

pōnō «кладу» из **pōs(i)nō* (ср. part. perf. pass. *pōsitus*).

2. Перед *-nf-* и *-ns-*, когда при произнесении носового звука артикуляционное смыкание утрачивалось и соответствующие ему звуковые колебания голосовых связок переносились на предшествующий гласный звук (см. § 97). В дальнейшем исчезнувшее *n* было вновь восстановлено в литературном языке.

Цицерон говорит: «quid vero hoc elegantius, quod non fit natura, sed quodam instituto, īdoctus dicimus brevi prima littera, īnsanus producta, īnhumanus brevi, īnfelix longa et, ne multis, quibus in verbis eae primae litterae sunt quae in sapiente atque felice, producte dicitur in, in ceteris omnibus breviter; itemque cōposuit, cōsuevit,

cōncrepuit, cōnfecit: consule veritatem, reprehendet; refer ad aures, probabunt»¹ (Orator, 48, 159).

Это замечание подтверждается надписями, показывающими, что удлинение, о котором идет речь, не ограничивалось і в префиксе іп- и Ѽ в префикссе соп-. Действительно, гласные, за которыми следует -nf- или -ns-, обозначаются иногда в надписях как долгие специальным знаком (вроде знака греческого острого ударения), носящим название арех (апекс); см., например, cénsor (*CIL*, XII, 3102), accénsus (*CIL*, VI, 1887) paréns (*CIL*, X, 4041). Кроме того, долгота і в этом положении обозначается иногда так называемым длинным і — буквой, высота которой превышает уровень остальных букв данного слова, а иногда посредством ei (см. § 29); например, Inferior (*CIL*, II, 4510), eimferis = Inferts (*CIL*, XV, 6265). Инаконец, так как греческий алфавит обладал двумя различными буквами для передачи ё и Ѽ, Ѽ и Ѽ, то греческая транскрипция латинских слов в надписях, папирусах и в рукописях авторов также может дать нам в известной степени указания относительно количества гласных, предшествующих группам -nf- и -ns-, — указания, определенно подтверждающие долготу.

3. В форме причастия прошедшего времени страдательных глаголов, основа которых оканчивалась звонким смычным, утрачивавшим свою звонкость вследствие ассимиляции следующему за ним глухому, а также в глагольных и именных формах, производных от этого причастия.

Примеры:

āctus от āgō «гоню».

frāctus от frāngō «ломаю» (корень frāg).

lēctus от lēgō «читаю».

rēctus от rēgō «направляю».

tēctus от tēgō «покрываю».

¹ «Поистине, насколько тоньше то, что основано не на естественном законе, а на каком-либо установлении: мы произносим īndoctus с кратким начальным і, īnsanus — с долгим, īnhūmanus — с кратким, īnfelix — с долгим; во всех словах, начальные буквы которых такие же, как у слов sapiens и felix, in произносится длительно во всех прочих словах — кратко. То же и в отношении сōprosuit, cōnsuevit, сōnspexit, сōnfecit. Если рассматривать это с точки зрения правильности языка, то это нужно отвергнуть, но со стороны слуха это следует одобрить».

cāsus от *cădō* «падаю» из **căd-tos* (см. §§ 90 и 65).

ēsus от *ēdō* «ем» из **ēd-tos* (см. §§ 90 и 65),

а также

āctitō «занимаюсь, часто действую», *ēsitō* «часто ем»,
многократные от *āgō*, *ēdō*.

lēctor «читатель».

rēctor «правитель».

Долгота коренного гласного в приведенных формах подтверждается:

а) Свидетельствами античных грамматиков, например Авла Геллия: «*actito producte in prima syllaba pronuntiandum*»; «*ab eo quod est edo ... esito ... prima littera longa promimus*»¹ (*N. A.*, IX, 6).

б) Отсутствием изменения качества гласного в *adactus*, *effractus*. Если бы а в *actus* и *fractus* было кратким, то мы имели бы **adectus*, **effrectus*, подобно тому как мы имеем *cōflectus*, *objectus* наряду с *factus*, *jactus*. Долгота а в *actus* проявляется, помимо того, в отсутствии слияния в *coactus*, *part. perf. pass.* от *cōgō* «собираю, загоняю», произшедшего из **cō-āgō*; разницу между *cōgō* со слиянием и *coactus* без слияния можно объяснить только тем, что последняя форма имела долгое а.

в) Апексом в надписях (см. выше, п. 2);ср. *āctum* (*CIL*, XI, 3805), *exāctus* (*CIL*, XIII, 1668), *redācta* (*CIL*, VI, 701), *lēctus* (*CIL*, XI, 1826), *lēctor* (*CIL*, VI, 9447, 27140).

г) Романскими языками, например: франц. *droit* «прямой» из *dīrēctum*, *toit* «кровля» из *tēctum*, как *loi* «закон» из *lēgem*, *roi* «царь» из *rēgem*; но франц. *dépit* «досада» из *dēspēctum*, как *dix* «десять» из *dēcem*.

д) Простым s в *casus*, *esus* наряду с двойным s в *messus*, причастии от *mētō* «жну», из **mēt-tos*, и в *passus*, причастии от *pātior* «претерпеваю», из **pāt-tos* (см. § 90); в § 65 мы увидим, что это -ss- к концу республиканской эпохи перешло в простое s, если ему предшествовал долгий гласный или дифтонг, тогда как после краткого гласного двойной согласный всегда сохранялся.

Удлинение коренного гласного в *āctus* и других подоб-

¹ «*āctitō* надо произносить с долготой на первом слоге» (здесь, конечно, имеется в виду не долгота слога а долгота гласного звука); *ēsitō*, происходящее от *edō*, мы произносим с долгой первой буквой».

ных случаях связано с тем, что когда находящийся перед суффиксом звонкий смысловой переходил в глухой, то соответствующие ему колебания голосовых связок переносились на предшествующий краткий гласный. Однако если учесть, что переход звонкого смыслового в соответствующий глухой перед другим глухим (рассматриваемый ниже в § 68) восходит к индоевропейской эпохе, тогда как удлинение гласного, о котором мы здесь говорили, наступило гораздо позднее, в особом ходе развития латинского языка (так как родственные языки его вовсе не знают), то мы вынуждены допустить, что **actos*, произшедшее в индоевропейскую эпоху от **ag-tos*, в латинском языке снова преобразовалось в **agtos* в результате обратного развития, обусловленного этимологическими влияниями. Однако такое состояние, противоречащее сильно выраженным фонетическим тенденциям, не могло быть длительным. Поэтому с ослаблением артикуляционной связи между корневым элементом и суффиксальной частью слова, обусловленным упомянутым аналогическим восстановлением, **agtos* вторично превратилось в *actos* и произошло удлинение *a*.

Если обратиться теперь к романским отражениям, то мы увидим, что *strictus*, part. от *stringō* «сжимаю», имело краткое *i*;ср. франц. *éroit*, как *роіх* «смола» из *rīset*, но *dit* «сказанный» из *dīctum*, как *аті* «друг» из *atīcūt*. Для объяснения этой кажущейся аномалии можно воспользоваться наблюдением из области экспериментальной фонетики, подкрепляемым рядом языковых фактов, которое показало, что гласный звук тем короче, чем более он закрыт. Так как наиболее закрытый звук из всех гласных — *i*, то при равенстве прочих условий он будет и самый краткий. Указанное обстоятельство позволяет нам понять, почему в то время, как присоединение к колебаниям голосовых связок гласного *ē* или *ā* следующих за ними колебаний, соответствующих звонкому смысловому, достаточно для создания впечатления долгого гласного, *i* в слове *strictus*, несмотря на приращение длительности, продолжало ощущаться как краткое¹. Исходя из этого, *fīssus*, part. от *fīndō* «раскалываю», из **fid-tos*, и *scīssus*,

¹ Слабая сторона этого объяснения заключается в том, что оно исходит из представления о какой-то физической мере длительности как о необходимом условии для того, чтобы гласный звук мог быть

part. от *scīndō* «разрываю», из **scīd-tos*, вполне согласуются с указанным правилом. Что же касается *vīsus*, вместо которого на основании сказанного допустимо было бы ожидать **vīssus*, то его т можно было бы объяснить посредством т *perf.* *vīdt*. Правда, в этом случае *ēsus* не могло бы служить доводом в пользу удлинения краткого гласного в страдательном причастии прошедшего времени глаголов, основа которых оканчивается на звонкий смычный, так как ё в слове *ēsus* возможно было бы объяснить аналогическим влиянием *perf.* *ēdī*. А так как *fōssus*, part. от *fōdiō* «копаю», и -*sēssus*, part. от сложных с *sedeō* «сиджу» глаголов, имеющих переходное значение, не обнаруживают действия рассматриваемого закона удлинения, то можно поставить вопрос, не был ли ограничен этот закон формами от таких глаголов, как *āgō*, *frāngō*, *lēgō*, *rēgō*, у которых суффиксальному т предшествовал палатальный звонкий смычный. Но такому предположению противоречило бы *cāsus*, у которого долгое ā, повидимому, имело фонетическое происхождение. В самом деле, это ā не могло быть заимствовано от perfecta, как т в *vīsus* и ё в *ēsus*, и не могло само представлять полную ступень коренного гласного, потому что глагол *cādō* не обнаруживает здесь никаких следов чередования коренного гласного; к тому же, огласовке причастия прошедшего времени страдательного залога вообще свойственна слабая ступень. *fōssus* объясняется тем, что звонкий зубной смычный глагола *fōdiō* первоначально был приыхательным, а наш закон касается только неприыхательных звонких смычных. Подтверждением этому служит part. от *vēhō* «везу», *vēctus*, е которого, по свидетельству Авла Геллия (*N. A.*, IX, 6), было кратким. Однако

«долгим». Между тем, с точки зрения фонологии, таким условием является не какая-либо абсолютная длительность данного звука, а лишь возможность противопоставить его как «более долгий» «менее долгому» того же тембра и использовать это противопоставление для выражения смысловых различий.

Поэтому мы должны искать другое объяснение случаю *strictus*. Вероятнее всего, здесь отсутствовал этап аналогически восстановленной звонкости заднеязычного звука перед суффиксом -*tos*, так как наличие носового инфиксса в основе настоящего времени делало связь между *stringō* и *strictus* менее тесной, чем она была в случае *agō* и **actus*. (Прим. пер.)

с другой стороны, d в *sēdeō* восходит к непридыхательному звонкому, и *-sēd̥tos должно было бы, следовательно, дать *-sēsus. Возможно, что *obsēssus*, part. от *obsēdeō* «осаждаю», испытало влияние синонима *prēssus*, part. от *prēmō* «угнетаю», которое было образовано по образцу perf. *prēsst*, связанного с корнем *prēs*.

б) Сокращение долгих гласных

§ 36. В классическом латинском языке каждый долгий гласный, имеющий после себя гласный, но не имеющий предшествующего ему гласного, оказывается кратким («*vocalis ante vocalem corripitur*»).

Примеры:

flēō «плачу» наряду с *imperf. flēbam*.

finjō «кончаю» наряду с *inf. finire*.

sīō «шию» наряду с *sūtor* «сапожник».

grūis, род. п. от *grūs* «журавль».

rēt, род. п. от *rēs* «вещь», *fidēt*, род. п. от *fidēs* «вера, верность», но *diēt*, род. п. от *diēs* «день», *glaciēt*, род. п. от *glaciēs* «лед», так как в последних двух случаях ē имеет другой гласный не только после себя, но и перед собой.

dēorsum «вниз» из **dē(v)orsom* (см. § 55).

Вследствие такого же сокращения в стихосложении односложное слово, оканчивающееся долгим гласным, может, находясь в зиянии вместе с первым слогом следующего слова, образованным кратким гласным, оказаться эквивалентным одному долгому слогу. Ср.:

Плавт (трокеический септенарий): «quid mē oportet facere, ubi tu talis vir falsum autumas?» (Capt., 955);

Катулл: «non (ita me dī ament) quicquam referre putavi» (XCVII, 1);

Вергилий: «credimus? an quī amant, ipsi sibi somnia fingunt» (Buc., VIII, 108).

Как показывают *finjō*, *sīō*, *grūis*, произносившиеся *finj̥jō*, *sūvō*, *grūvis* (см. § 53), сокращению, о котором идет здесь речь, не препятствовали полугласные j и v, которые вставлялись в разговорном языке между i или u, с одной стороны, и каким-либо следующим за ним гласным, отличающимся от них по качеству, — с другой;

это позволяет сделать вывод, что артикуляция этих переходных звуков была относительно слабой.

В архаическом языке мы находим следующие примеры долготы: *fūit* (Плавт, Capt., 555), *fūimus* (Плавт, Capt., 262; Энний, Ann., 377), *fūerim* (Плавт, Mil. glor., 1364), *fūisset* (Энний, Ann., 237), *rēt* (Плавт, Asin., 855; Теренций, Andr., 457; Лукреций, I, 688), *fidēt* (Лукреций, V, 102); однако просодия типа *fūit* (Плавт, Rud., 901; Энний, Ann., 274), *fūerit* (Плавт, Men., 229; Энний, Ann., 125), *rēt* (Плавт, Men., 494; Теренций, Нес., 807) преобладает с самого начала.

В глаголе *fierit* «делаться» нормальное сокращение наблюдается только в inf. *fierit* и в conj. *imperf.* *fieget* (Плавт и Теренций и здесь дают несколько примеров долготы); в формах же *fīō*, *fīunt*, *fīebam*, *fīam*, *fīes* т — всегда долгое. Соответствующие формы глагола *scīre* «знать» — *scīō*, *scīunt*, *scīebam*, *scīam*, *scīes*, наоборот, следуют обычному правилу. Объяснить причину различия в этих двух случаях мы не можем. Другое исключение, также не объясненное удовлетворительно до сих пор, составляют формы родительного падежа местоимений *illīus*, *istīus*, *sōlīus*, *tōtīus*, *ūpīus*. Плавт и Теренций знают только произношение *illīus*, *istīus* и т. д. Однако, начиная с Луцилия, в поэзии наряду с *illīus*, *istīus* употребляются и *illīus*, *istīus* и др. Просодия с сокращением должна была существовать также и в прозе, если верить Цицерону, который в качестве примера критического ритма (— ⌈ —) приводит начало речи Г. Фанния (консула 122 г. до н. э.) против Г. Гракха: «*si, Quirites, minas illīus*» (De orat., III, 183). Однако ритмическая проза Цицерона свидетельствует лишь о произношении *illīus*, *istīus*, *ūpīus*, а Квинтилиан определенно заявляет, что в его время *ūpīus* не употреблялось за пределами поэзии: «*ūpīus... extra carmen non deprendas*» (Instit. orat., I, 5, 18). Что касается *audīit*, *lēnīit*, perf. от *audīō* «слышу», *lēnīō* «смягчаю» — форм, которые, согласно свидетельству грамматика Сервия в комментарии к Энеиде (I, 451), проза противопоставляла скандовке поэтов *audīit*, *lēnīit*, — то здесь аналогическое влияние вполне очевидно. *audīit*, *lēnīit* восстановлены по образцу дублетов *audīvit*, *lēnīvit*, где т не было в положении перед гласным и поэтому не должно было сокращаться.

В словах греческого происхождения, в частности в греческих собственных именах, сокращения долгого гласного перед другим гласным не происходило; ср. *āēr*, *āeris* (такова постоянная скандовка всех поэтов) «воздух», *Achelōus*, *Menelāus*, *Tēdes* (Вергилий, Аен., I, 172), *Tēades* (Вергилий, Аен., V, 613), *Tēōus* (*Tēōā pūbēs* в конце гекзаметра у Вергилия, Аен., V, 599), *Iō* (Овидий, Met., I, 584; Проперций, II, 28, 17), *Ōgīōn* (Вергилий, Аен., III, 517; VII, 719) и т. п. Латинское имя богини Дианы содержит то долгое, то краткое *i*; *Dīāna* с долгим *i* засвидетельствовано, например, у Плавта (Вас., 312), Энния (Ann., 62), Вергилия (Аен., I, 499), Горация (Carm., I, 21, 1), Овидия (Met., VIII, 353), а также в ряде надписей (например, *CIL*, VI, 134; XIV, 2495а, 3536). *Dīāna* с кратким *i* встречается часто как окончание гекзаметра у Вергилия и особенно у Овидия (см., например, Вергилий, Аен., XI, 652, 843; Овидий, Met., I, 487, 695).

О другом, впрочем, довольно темном случае сокращения долгого гласного в неконечном слоге см. § 60.

СЛИЯНИЕ ГЛАСНЫХ

§ 37. Когда два смежных гласных создавали зияние, то есть когда переход от первого ко второму был резким, с перерывом голоса, то они, как правило, **сливались** в один долгий гласный или в дифтонг. В особенности это наблюдалось там, где оба гласных были одного и того же тембра, а также в таких группах, как *ē+ā*, *ā+ō*, *ō+ī*, *ō+ē*, *ō+ā*. Если же, наоборот, переход протекал с плавным скольжением, без разрыва непрерывности в потоке звучания, иначе говоря, если не было зияния, то гласные не сливались. Такова была трактовка групп «*i*+гласный, отличный от *i*» и «*u*+гласный, отличный от *u*», где за *i* и *u* следовали соответствующие им полугласные *j* и *v*, которые заполняли зияние (см. § 53). Однако комбинации из краткого гласного и следующего за ним долгого гласного другого тембра, хотя и принадлежали к первой из только что установленных категорий, не подвергались слиянию даже в тех случаях, когда долгий гласный впоследствии сокращался.

Примеры:

и+и>и:

bīmus «двухлетний», буквально «двуухзимний», из *bī-(h)īmos (относительно hīm-, нулевой ступени от hīem- в слове hīems «зима», см. § 38; об исчезновении междугласного h см. § 50).

mī, дат. п. от ego «я», из mī(h)ī.

nīl «ничто» из nī(h)īl (см. § 24, п. 3).

cōnsilī, род. п. от cōnsilium «совет, замысел», из cōpsilī. Слитная форма родительного падежа от основ этого типа — более древняя; родительные падежи на -ī — это аналогическое восстановление.

Ср. также abīt (Теренций, Ad., 782), inīt (Лукреций, IV, 339), interīt (Плавт, Bac., 950; Capt., 690), obīt (CIL, XIV, 1467), petīt (Вергилий, Aen., IX, 9; Овидий, Met., V, 460), adīstī (Вергилий, Aen., X, 460), petīstī (Вергилий, Aen., IV, 100), perīsse (Овидий, Am., II, 19, 56) вместо -īt, -īstī, -īsse.

е+е>е:

nēmō «никто» из *nē-(h)ēmō (hēmō как древнейшая форма hōmō засвидетельствовано Павлом Диаконом, 89, 8).

dēgī, perf. от dēgō «проводжу время» (слитная форма из *dē-āgō, см. ниже) из *dē-ēgī.

dēmō «отнимаю» из *dē-ēmō.

Мы находим также: dēst (Марциал, X, 18, 3; 48, 10), dērat (Овидий, Met., I, 77), dērō (Гораций, Sat., I, 9, 56; II, 1, 17), dērit (Вергилий, Aen., VII, 262; Проперций, IV, 3, 3), dērunt (Вергилий, Georg., II, 200), dēssem (Катулл, LXIV, 151), dēsse (Марциал, IV, 67, 3; VIII, 56, 3) вместо dēest, dēerat, dērō и т. д.; dērrāverat (Вергилий, Buc., VII, 6), dērrārunt (Лукреций, III, 861), dērrasse (Лукреций, I, 711) вместо dēerrāverat, dēerrārunt, dēerrasse. Правда, рукописи почти всегда дают неслитную форму, но стихотворный размер предполагает слияние.

ă+ă>ă:

lātrīna «уборная» из lă(v)ătrīna (см. § 56).

impraeſentiārum «в настоящее время», наречие, из in praeſentiā(h)ārum.

ő+ő>ő:

cōpria «изобилие» из *cō-őpria (ср. in-őpria «нужда»).

prōlēs «потомство» из **prō-ōlēs* (ср. *sub-ōlēs* с тем же значением).

cōrat «открыто, публично», наречие, и (начиная с Цицерона) «в присутствии», предлог, из **cō-ōrat* (второй элемент сложения связан с *ōs*, *ōris* «лицо»; суффикс тот же, что в *palam* «открыто» и в *clam* «тайно»). *intrōrsum* «внутрь», *retrōrsum* «назад» из **intrō(v)ōrsom*, **retrō(v)ōrsom* (см. § 55).

Такое же слияние наблюдается в *cōritur* (*Aetna*, 408) из *cōritur*; *cōptatō* (imper.; *CIL*, I², 593) из *cō-ōptatō*; *cōperiant* (Лукреций, VI, 491), *cōperuisse* (Лукреций, V, 342) из *cōperiant*, *cōperuisse*.

ū+ī>ī:

jūnior, сравнительная степень от *juvenis* «молодой», из **jūñiōs*, **jūv(ē)niōs* (см. §§ 20, п. 3; 49 и 24, п. 3).

ē+ā>ē:

dēgō «проводжу время» из **dē-āgō*.

a+ō>ā:

mālō «предпочитаю» из **mā(v)ōlō*, происшедшего в свою очередь из *(*māg(i)s vōlō* (согласно §§ 101б и 35, п. 1)).

ō+ī>oe:

coerīō «начинаю» (в архаическом языке у Плавта, Теренция, Катона) из **cō-īrīō* (глагол сложный с *ārīō*; ср. Павел Диакон: «comprehendere antiqui vinculo **apere** dicebant» (17, 7)).

coetus, -ūs «сходка» из **cō-ītus*.

ō+ē>ō:

cōmō «убираю, привожу в порядок» из **cō-ēmō*.

ō+ā>ō:

cōgō «сгоняю, заставляю» из **cō-āgō*.

cōrula «связка» из **cō-ārula* (от *ārīō* «связываю»; см. выше *coerīō*).

В соответствии со сказанным слияние никогда не наблюдалось в таких случаях, как *ēbūtum*, *ēārum*, род. п. мн. ч. м. и ж. р. от *īs* «тот»; *ēās*, 2 л. ед. ч. conj. *praes.* от *īre* «итти», а также в 1 и 3 л. ед. ч. *ēām*, *ēāt*, где первоначальное *ā* сократилось (согласно § 24, п. 3); *cōēgī*, *perf.*, и *cōāctus*, *part. perf. pass.* от *cōgō* (слитная форма из **cō-āgō*, см. выше); *clōāsa* «сток». Двусложная форма *perf. cōerī* в классическом языке возникла не из слияния трехсложной формы

сőērī, употребляющейся в архаическом языке (см. § 31), а по аналогии с part. coeptus (см. ниже).

Хронология слияния смежных гласных в латинском языке выдвигает ряд трудных вопросов. Почему, например, слияние произошло ранее изменения качества в сőrūla из *сő-ärūla, но после этого изменения в соерīō, coeptus из *сő-ärīō, сő-éptos? И почему дифтонг oī, возникший из слияния ё префикса с изменившимся в ю гласным основы в *сő-ärīō, изменился далее не в ю (согласно § 31), а в oe, хотя, по всей вероятности, это слияние произошло ранее перехода индоевропейского дифтонга oī в ю? Эти вопросы все еще ждут удовлетворительного ответа. Наконец, если слияние привело к различным результатам в случаях *сő-ëmō, давшего сômō, и в *сő-éptos, давшего coeptus, то это несомненно связано с тем обстоятельством, что в первом случае оно произошло ранее, чем *сő-äptos перешло в *сő-éptos.

Так как зватательный падеж от dominus «господин» имеет форму dominē, то от filius он должен был первоначально иметь форму *filīē. Отсюда можно было предположить, что -i в filī предстает собой продукт слияния -iē. Но такому объяснению противоречат hiēms, pīētās, формы косвенных падежей abiētis, arīētis, pariētis и т. д. Чтобы дать себе отчет в форме filī, следует вспомнить, что *filīē произносилось *filījē (см. § 53). А *filījē могло потерять свое -ё в соответствии с тем, что было сказано в § 24, п. 1, и тогда ј вокализовалось бы; отсюда — *filī, которое сразу же переходило в filī.

Во многих случаях аналогия восстановила неслитные формы. Так, тī(h)j «мне» закономерно превратилось в tī, но в дальнейшем было восстановлено, потому что tīh более гармонировало с tībī «тебе», sībī «себе», которые всегда оставались двусложными. Равным образом, стремление к этимологической прозрачности частично или даже полностью уничтожало иногда результаты слияния, ведя к воссозданию, например, dēsse «недоставать», сőberge «покрывать», сőprtāre «кооптировать», сőrītī «возникать, разражаться», сőlēscere «срастаться, укрепляться», dētmāre «страстно любить».

Со слиянием не следует смешивать синицезу, или синерезу, то есть просодическую вольность, в силу которой

два смежных гласных, распределенных в обычном произношении между двумя слогами, могут в стихотворном размере считаться за один слог. Ср.:

Лукреций: «*cetera de genere hoc ēādem ratione creantur*» (IV, 744);

Вергилий: «*aureā composit sponda mediamque locavit*» (Aen., I, 698);

Гораций: «*pasco libatis dapibus. prout cuique libido est*» (Sat., II, 6, 67);

Овидий: «*nos animo. quantoque ratem qui temperat anteit*» (Met., XIII, 366);

Овидий: «*diffudit miseranda suum. mox deinde: quid autem*» (Met., IX, 143);

Вергилий: «*Eurum ad se Zephyrumque vocat, de(h)inc talia fatur*» (Aen., I, 131).

Однако наряду с этим мы встречаем:

Вергилий: «*cervici subnecte; de(h)inc, ubi libera colla*» (Georg., III, 167).

В *prout*, *anteit*, *deinde*, *de(h)inc* из двух слогов, слившимися в один при синтезе, свою самостоятельность утрачивал второй, в результате чего получался нисходящий дифтонг, то есть такой, у которого первый элемент был более интенсивный. В *ēādem*, *aureā*, напротив, первый из двух смежных гласных подвергался своего рода притяжению со стороны второго, откуда возникал дифтонг восходящий, с возрастанием интенсивности.

ЧЕРЕДОВАНИЕ ГЛАСНЫХ

§ 38. Помимо таких соответствий гласных, как *faciō*: *cōficiō*, *sältō* : *exsūlto*, *vělim* : *vöłō*, *diēs* : *diēm*, *āgō* : *āctus* и т. п., которые, как мы видели в предыдущем изложении, имеют свое основание в истории латинского языка и поэтому составляют его особую черту, существуют другие, которые засвидетельствованы и в родственных языках. Действительно, начиная с проэтнической эпохи, каждый из трех элементов, составляющих слово, — корень, суф-

фикс и окончание — мог принимать различные огласовки, характеризовавшие различные типы образования. Этот морфологический механизм, действие которого осуществлялось вначале со строгим постоянством, получил название **чередования гласных**.

Чередование гласных до сих пор сохраняет полную жизненность в греческом языке, а также в языках германских. В латинском языке, напротив, оно играет лишь очень незначительную роль. Вследствие обстоятельств, которые мы не можем здесь рассматривать, первоначальное состояние в латинском языке претерпело столь глубокие изменения, что система чередования в целом стала здесь неузнаваема. Поэтому мы должны ограничиться приведением нескольких наиболее характерных примеров: Ступень ё чередуется со ступенью ó:

péndō «вешаю» : pöndō, несклоняемое «весом» (отл. п. существительного pöndus, -ī «вес», рано вышедшего из употребления).

tērra «земля» : extōrris «изгнанный».

tēgo «покрываю» : tōga «тога», буквально «покрывало».

equē, зват. п.: equib-s, им. п., «конь».

Ступень ё чередуется с **нулевой ступенью**:

ēs-t «есть» : s-un̄t «суть».

ēd-ō «ем» : d-ēns «зуб» (древнейшая форма part. praes. от ēdō).

gēn-uit, perf. : gi-gn-ō, praes., «рождаю».

hiēm-s «зима» : *bi-him-os>bīmus (см. § 37) «двуухлетний», собственно «двуухзимний».

Чередование трех ступеней ё : ó : нулевая ступень:

архаическое fēidō (классическое fidō; см. § 29) «доверяю» : архаическое fōidos (отл. п. foidere встречается в виде архаизма в надписи эпохи конца республики, CIL, I², 593, и foideratei «foederati» — в постановлении сената de Bacanalibus 186 до н. э., CIL, I², 581; в классическом языке — foedus, см. § 31) «союз, договор» : fidēs «вера, верность».

Ступень ё чередуется со ступенью é:

pēs, им. п., «нога» (из *pēd-s; см. §§ 73 и 63, п. 4) : pēdis, род. п.

ēmī, perf. : ēmō, praes., «покупаю».

tēgula «черепица» : tēgō «покрываю».

Чередование четырех ступеней ё: ё: ѿ: нулевая ступень:
s̄deō «сиджу»: s̄dēs «сиденье»: s̄lium «tron» (вместо
*s̄diom см. § 43): s̄dō «сажусь» из *si-sd-ō, образо-
ванного как приведенное выше gi-gn-ō (*sisdō>s̄dō
согласно §§ 96 и 35, п. I).

Ступень ѿ чередуется со ступенью ё:

архаическое *honōsem (классическое honōrem, см. § 47),
вин. п. ед. ч. от honōr «честь»: honēstus «честный».

Ступень ѿ чередуется со ступенью ѿ:

fōdī, perf.: fōdiō, praes., «копаю».

đdī «ненавижу»: đdium «ненависть».

vōx «голос»: vōcō «зову».

arbōs, им. п. (см. § 49), «дерево»: arbōris, род. п.

Чередование трех ступеней ѿ: ѿ: ё:

архаическое *majōsem (классическое majōrem, см. § 47),

вин. п. ед. ч. м. и ж. р. сравнительной степени от
magnus «большой»: *majōs (перешедшее в majūs
согласно § 22, п. 5), им.-вин. п. ед. ч. ср. р. той же
сравнительной степени: majēstās «величие».

Ступень ѿ чередуется с нулевой ступенью:

ne-pōt-em, вин. п. ед. ч. от pērōs «внук, племянник»:

ne-pt-em, вин. п. ед. ч. от neptis «внучка, племян-
ница».

geni-tōr-em, вин. пад. ед. ч. от genitor «родитель»:

gene-tr-īcem, им. п. ед. ч. от genetrix «родительница».

Ступень ё чередуется со ступенью ā:

fēst, perf.: fāciō, praes., «делаю».

rērt «думать, считать»: rātus, part. perf.

sēmen «семя»: sātus, part. perf. pass. от serō «сею».

Ступень ѿ чередуется со ступенью ā:

cōs «оселок»: cātus «хитрый», буквально «отточенный».

dōnum «дар»: dātus, part. perf. pass. от dō «даю».

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКИХ СОГЛАСНЫХ

ПРОСТЫЕ СОГЛАСНЫЕ

СМЫЧНЫЕ

§ 39. Латинские смычные, особенно смычные глухие, испытали мало изменений. Здесь следует отметить следующие:

Глухие смычные

§ 40. В латинском языке не было смычных придыхательных. Поэтому римляне вплоть до конца II в., а иногда и в начале I в. до н. э. в словах греческого происхождения заменяли глухие придыхательные ph, th, kh простыми глухими p, t, k и писали, например, *Pilonicos* «пренестинское зеркало» (греч. *Philónikos*; *CIL*, I², 555), *Pampilus* (греч. *Pámphilos*; *CIL*, I², 1255), *Agato* (греч. *Agáthōn*; *CIL*, I², 688), *Corintus* (греч. *Kórinthos*; *CIL*, I², 626), *teatrum* (греч. *théātron*; *CIL*, I², 685, II в. до н. э.; 682, 94 г. до н. э.), *Aciles* «пренестинские ларцы» (греч. *Akhiléus*; *CIL*, I², 564, 567), *Antiocus* (греч. *Antíokhos*; *CIL*, I², 12; середина II в. до н. э.), *baca* «вакханка», *bacanal* «святилище Вакха» (греч. *Bákchos* «Вакх, вакхант», *bákkhē* «вакханка»; *CIL*, I², 581; постановление сената *de Bacanalibus* 186 г. до н. э.). Если рукописи Плавта дают *baccha* и *bacchanal* (*Aul.*, 408; *Вас.*, 53; *Merc.*, 469; *Mil. glor.*, 858), то это — позднейшая орфографическая модернизация.

У Теренция (*Eun.*, 992) *codex Bembinus*, рукопись, восходящая к концу IV или началу V в., дает *moesco* (отл. п. от *moescus* «прелюбодей» из греч. *moikhós*), сохраняя, таким образом, след подлинного правописания. В известном числе заимствованных слов, которые перестали ощущаться как иноязычные заимствования, простой глухой, заменяющий греческий придыхательный глухой, сохра-

нился, например, в *purpura* «пурпур» из греч. *porphýra* или в *ampulla* «бутилка» из **amphor-(e)la* (см. §§ 20, 18, п. 2, и 79), уменьшительном от **amphora* «амфора» из греч. *amphoreús*, замененного впоследствии формой *amphora*. Однако по мере того, как влияние греческой культуры в Риме возрастало, стали более точно воспроизводить в произношении и в орфографии греческие звуки, так что, начиная с указанного выше времени, говорили и писали *Philippus* (греч. *Phílippos*), *philtrum* «приворотное зелье» (греч. *phíltron*), *Corinthus*, *theátrum*, *Achillés*, *chorus* «хор».

Таким образом, в надписи 94 г. до н. э., цитированной выше (*CIL*, I², 682), наряду с *Antioicus* встречаются такие написания, как *Philemo* (греч. *Philémōn*), *Philinus* (греч. *Philínos*), *Agathocles* (греч. *Agathoklēs*). С этого времени некоторые римские семейства стали считать признаком хорошего тона придавать своим именам греческий отпечаток, проявляясь их с придачанием. Семпроний изменили свое прозвище *Graccus* «сойка» на *Gracchus*; на монетах 103 г. мы читаем *Pulcher*; *Cetēgus*, *Otō*, *Torius* превратились в *Cethēgus*, *Othō*, *Thorius*. Далее, это эллинизирующее произношение распространилось и на нарицательные имена; *sulpur* «серебро», *centuriō* «центурион, сотник», *corōna* «венец», *lacruma*, *lacrima* «слеза», *praescō* «глашатай», *pulcer* «красивый», *sepulcrum* «могила» в устах людей, которые стремились не быть отсталыми, уступили место формам *sulphur*, *centuriō* или *centhuriō*, *chorōna*, *lachruma*, *lachrima*, *praechō*, *pulcher*, *sepulchrum* или *sephulcrum*. См., например, *centhurio* (*CIL*, IX, 4123), *chorona* (*CIL*, VI, 22102), *lachryma* (*CIL*, I², 1222), *lachruma* (*CIL*, IX, 3071), *lachrima* (*CIL*, VI, 9792), *sepulchrum* (*CIL*, I², 1225; VI, 1343; IX, 4744; XII, 675) и часто *sephulcrum* (*CIL*, VI, 8942).

Мы имеем об этом несколько очень поучительных свидетельств древних писателей. Так, мы читаем у Цицерона: «*quin ego ipse, cum scirem ita maiores locutos esse, ut nusquam nisi in vocali aspiratione uterentur, loquebar sic, ut, pulceros, Cetegos, triumphos, Kartaginem dicerem, aliquando idque sero convicio aurium cum extorta mihi veritas esset, usum loquendi populo concessi, scientiam mihi reservavi. Orcivios tamen et Matones, Otones, Caepiones, sepulcra,*

coronas, lacrimas, dicimus, quia per aurium judicium licet»¹ (Orator 48, 160).

Квинтилиан говорит: «diu deinde reservatum, ne consonantibus [veteres] adspirarent, ut in Graccis et in triumphis. erupit brevi tempore nimius usus, ut choronaе, chenturiones, praechones adhuc quibusdam in inscriptionibus maneant, qua de re Catulli nobile epigramma est»² (Instit. orat., I, 5, 20).

Эпиграмма, о которой упоминает Квинтилиан, — это стихотворение LXXXIV, начинающееся так:

«chommoda dicebat, si quando commoda velle
dicere et insidias Arrius hinsidias»³.

Романские языки не сохранили следов этой искусственной манеры; позднее она была забыта и совершенно исчезла.

П р и м е ч а н и е. Когда греческое придыхательное р около начала II в. превратилось в спирант, римляне усвоили это произношение, откуда, например, *Filippus* (*CIL*, III, 214, 3049), *scyfus* «кубок» из греч. *skyphos* (*CIL*, VI, 2104), *sulfur* (*CIL*, X, 8044). Но в классическую эпоху rh в приведенных выше словах имело то же значение, что и нем. r перед гласным, то есть означало глухой смычный, у которого эксплозия сопровождалась придыханием; это касается и th и ch.

q^v

§ 41. Лабиализованный, то есть произносимый с округлением губ, глухой велярный смычный, обозначаемый в обычной орфографии через ци, утрачивал свою лабиализацию, когда находился перед и.

¹ «Зная, что в произношении наших предков придыхательными были лишь гласные, я произносил *pulcer*, *Cetēgus*, *trīmpus*, *Cartāgo*. Когда же, наконец, долгое противодействие со стороны слуха испортило во мне правильное произношение, я предоставил народу установление словесной практики, сохранив теорию для себя. Однако такие слова, как *Orcivius*, *Matō*, *Otō*, *Caerid*, *sepulcrum*, *cōgna*, *lacrima*, мы говорим без придыхания, потому что этому не препятствует наш слух».

² «Древние долгое время произносили согласные без придыхания в таких словах, как *Graccus*, *trīmpus*. Однако в скором времени они стали вдруг неумеренно злоупотреблять придыханием, так что в некоторых надписях до сих пор сохраняются *choronaе*, *chenturiones*, *praechones*. Об этом говорится в известной эпиграмме Катулла».

³ «Когда Аррий хотел сказать *commoda*, он говорил *chommoda*, а вместо *insidiae* — *hinsidiae*».

Примеры:

locūtus, *secūtus*, part. perf. pass. от *loquor* «говорю», *sequor* «следую».

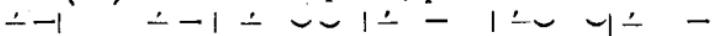
relicius «остальной», образованное как *continuus* наряду с *relinquiō* «оставляю». Поэзия республиканской эпохи знает только четырехсложную скандовку *relicius. reliquus*, появившееся с I в. у Манилия, Персия, Силия Италика и др., возникло, повидимому, под влиянием *reliquiae* «остатки».

quecūs, -ūs «дуб» наряду с *quequētūm* «дубовая роща», *Querquētulānus mōns*, древнее название *mōns Cælius* в Риме (согласно Тациту, Ann., IV, 65).

quīncūpīx «пять двенадцатых асса или фунта» из **quīnqū(ē)ūpīx*.

П р и м е ч а н и е. Нельзя считать, что *qu* и *gu* в словах *lingua* «язык», *unguīd* «умашаю» представляют собой группы согласных. В действительности, это не комбинации велярного смычного с полугласным *v*, а велярные смычные, артикулируемые с округлением губ. Поэтому *qu* само по себе недостаточно для создания долготы «по положению» (см. § 105), которая имела бы место в случае соединения двух различных согласных¹. См., например, у Энния (Ann., 424):

«aestat(em) autumnus sequitur, post acer hiems it»

и у Вергилия (Aen., I, 5):

«multa quequ(e) et bello passus, dum conderet urbem».

Звонкие смычные

б

§ 42. В положении между гласными лат. **б** перешло около I в. в звонкий губной спирант, совпадая, таким обра-

¹ Высказываемая в § 41 и, особенно, в примечании мысль, что латинское *qu* (и равным образом *gu* в словах *lingua*, *unguīd* и т. п.) представляло собой не комбинацию велярного смычного с полугласным *v*, а велярный смычный, артикулируемый с округлением губ, вызывает сомнения. То обстоятельство, что *qu* не создавало долготы «по положению», доказывает лишь, что слогораздел проходил перед этой группой, как это было и в случае сочетания *muta cum liquida* (см. § 12). Стих Лукреция: «crassaque convenient liquidis et liquida crassis» (IV, 1159) трудно объяснить без допущения, что произношение *qu* со слогоразделом между обоими элементами сочетания было все же возможно и что, следовательно, это была действительно группа двух согласных. (Прим. пер.)

зом, с **v**, которое приблизительно в то же время перешло из полугласного в спирант. То же происходило со всяким начальным **b**, за которым следовал гласный, если предыдущее слово оканчивалось гласным; однако в этом случае произношение **b** как смычного, которое всегда сохранялось после согласного окончания предыдущего слова, а также тогда, когда за начальным **b** следовал согласный, было, повидимому, восстановлено в результате аналогического выравнивания.

Последствием этого частичного смешения **b** и **v** было то, что теперь в орфографии малообразованных людей спирант **v** передавался то через **v**, то через **b**, независимо от этимологии, то есть **b** часто писали вместо **v**, и наоборот. Положение осложнилось еще тем, что по крайней мере в части римской империи изменение, обратное указанному, превратило спирант **v** в положении после **г** или после **l** в звонкий губной смычный (см. § 58). С этого времени грамматики делают распределение **b** и **v** предметом специальных наставлений, и мы находим у Кассиодория, роль которого в деле передачи литературных произведений классической древности нам хорошо известна, извлечения из современного ему трактата, озаглавленного «*De b muta et v vocali*», предназначавшегося служить руководством для монахов-переписчиков.

1. **b** транскрибируется через **v**:

а) внутри слова между гласными:

juvente (*CIL*, XI, 137; I в.), *incomparavili* (*CIL*, VI, 2496, 13383, 23344, 35868; IX 1209), *liventer* (*CIL*, X, 6012), *avetat*, *aveo* (*CIL*, III, 14524) вместо *habitat*, *habeō*.

б) в начале слова после слова, оканчивающегося гласным:

patronae vene merenti (*CIL*, VI, 12210), *habe* (= (h)*avē* «привет») *vene valeas* (*CIL*, XIV, 1169).

2. **v** транскрибируется через **b**:

а) внутри слова между гласными:

jubentutis (*CIL*, VI, 2120; 155 г.), *vibus* (*CIL*, VI, 8606, 33886; IX, 1663), *brebis* (*CIL*, VI, 30125), *Flabius* (*CIL*, XI, 3541).

б) в начале слова после слова, оканчивающегося гласным:

Vitalio **baliat** (=valeat) (*CIL*, IV, 4874), a **bobis** (*CIL*, XIV, 3323), qui **bixit** (*CIL*, VI, 13292, 17034, 17508; X, 1775, 2801, 3412, 3438).

В романских языках латинскому интервокальному **b** соответствует **v**, но в начальном положении **b** в них сохранилось; ср. франц. *avoir*, итал. *avere* <лат. *habēre* «иметь»; франц. *fève*, итал. *fava* <лат. *faba* «боб», но франц. *bien*, итал. *bene* <лат. *bene* «хорошо»; франц. *barbe*, итал. *barba* <лат. *barba* «борода».

§ 43. **d** перешло в **l** в следующих случаях:

архаическое **dacrūma** «слеза» > классическое *lacrima*; см. Павел Диакон: «*dacrūmas pro lacrimas* Livius [Andronicus] saepe posuit»¹ (60, 5).

архаическое **dautia**, -**ōrum**, «гостеприимство, которое оказывалось в Риме иностранным послам и которое заключалось в предоставлении стола, бани и других удобств» > классическое *lautia*; см. Павел Диакон: *dautia, quae lautia dicimus, et dantur legatis hospitii gratia*² (60, 6); *lautia* встречается, например, у Тита Ливия (XXX, 17, 14).

архаическое **dingua** «язык» > классическое *lingua*; см. у Мария Викторина: «*nos nunc... linguam potius per I quam per d [scribamus]*»³ (*GL*, VI, 9, 17).

Иногда **d** и **l** чередуются в формах, имеющих общее происхождение, например:

odor «запах»: *olēre* «пахнуть».

sedeō «сиджу»: *solium* «трон» (о чередовании гласных см. § 38).

ūdus «влажный»: *ūligō* «влажность».

Условия, в которых наступало это чередование, определить трудно. Переход *dingua* в *lingua* вызван, возможно, народной этимологией: так как происхождение слова *dingua* было темным, то возникло стремление придать ему определенный смысл, сближая его со словом *lingere* «лизать». *ūligō* могло подвергнуться влиянию слов *cāligō*

¹ «Ливий [Андроник] часто применял форму *dacrūmae* вместо *lacrimae*».

² «*dautia* — то, что мы называем *lautia* и что вручается послам в знак гостеприимства».

³ «Теперь мы [будем писать] *lingua* скорее через *l*, чем через *d*».

«мрак» и *fūlīgō* «сажа». Выдвигалась также мысль о влиянии сельских, особенно сабинских, говоров на речь населения столицы, но при таком предположении трудно объяснить, почему это диалектное произношение получило перевес в *olēre*, тогда как *odor* осталось незатронутым.

В архаическом языке глагольный префикс *ad-* появляется в форме *ar-* перед *f* и перед *v*;ср.:

arfuerunt, arfuisse «*adfuerunt, adfuisse*» (*CIL*, I, 581; постановление сената de Bacanalibus).

arvorsum «*adversum*» (*CIL*, I², 401 и 581), *arvorsario* «*adversario*» (*CIL*, I², 583; Lex repetundarum, 123—122 гг. до н. э.), *arvehant* (Катон, De agric., 138), *a:vectum* (*ibid.*, 135, 7).

У Присциана мы читаем: «*antiquissimi pro ad frequen-tissime ar ponebant: arvenas, arventores, arvocatos, arfines, arvolare, arfari dicentes pro advenas etc.*»¹ (*GL*, II, 35, 2 и сл.).

Язык классической эпохи повсюду восстановил *ad-* по аналогии с теми, гораздо более многочисленными случаями, где этот префикс оставался неизмененным.

§ 44. Конечное **d** сохранялось после краткого гласного, но отпало после долгого гласного около времени появления первых текстов.

Примеры:

а) **-d** сохранилось после краткого гласного:

ād, предлог, «к, у».

apīd, предлог, «у, около».

sēd, союз, «но».

Им.-вин. п. ед. ч. сп. р. местоимений *īd* «то», *illūd* «то», *quīd?* «что?», *aliquīd* «что-нибудь», *aliūd* «другое».

б) **-d** отпало после долгого гласного:

В отл. п. ед. ч. всех пяти склонений, 2 и 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. повелительного наклонения будущего времени.

praedā, отл. п. ед. ч. от *praeda* «добыча», древнее *praidād* (*CIL*, I², 48 и 49).

¹ «Древние очень часто ставили *ag* вместо *ad* и говорили *arvena* вместо *advena...* и т. д.».

meritō, отл. п. ед. ч. от meritum «заслуга», древнее
meritōd (*CIL*, I², 27, 33).

aerī (рано вытесненное формой aegē, представляю-
щей собой древний местный падеж, как и все
отложительные падежи на -ё в третьем склоне-
нии), отл. п. ед. ч. от aes «медь», древнее airīd
(*CIL*, I², 38).

magistratū, отл. п. ед. ч. от magistratus, -ūs, «ма-
гистрат, должностное лицо», древнее magistratūd
(*CIL*, I², 581).

diē, отл. п. ед. ч. от diēs «день», древнее diēd* (ср.
фалисское наречие foied «hodie»).

Ср. также:

Невий, Bellum Punicum, фрагмент 4: «noctu Trojād
exibant capitibus opertis»;

sententiād (*CIL*, I², 365, 581), filiōd (*CIL*, I², 42);
Gnaivōd (*CIL*, I², 7); boviād (*CIL*, I², 366); coven-
tiōnīd «cōntiōne» (*CIL*, I², 581).

datō З л. ед. ч. imper. futur. от dare «давать», древ-
нее datōd (*CIL*, I², 366).

suntō, З л. мн. ч. imper. futur. от esse «быть», древ-
нее suntōd (*CIL*, I², 366).

В той же надписи встречаются также violatōd, licētōd.

Все приведенные здесь формы с сохраненным -d пред-
ставляют собой архаизирующие написания. Для соven-
tiōnīd, magistratūd, упоминаемых в постановлении сената
de Bacanalibus 186 г. до н. э., это видно из того, что
в более раннем (189 г. до н. э.) декрете Эмилия Павла
(*CIL*, I² 614) мы читаем: in turrī Lascutānā и что в самом
постановлении сената приписка in agrō Teurānō не имеет
-d. Написаниям datōd, licētōd, violatōd, suntōd надписи
CIL, I², 366 противостоят в этом тексте cēditō, exfertō,
exvehitō, отражающие реальное произношение. Рукописи
Плавта уже не содержат следов -d после долгого гласного,
кроме односложных tēd, tēd (являющихся формами
не только отложительного, но и винительного падежа
от ego «я» и tū «ты»); например: tēd, вин. п. (Capt., 405),
tēd, отл. п. (Cas., 90) и вин. п. (Asin., 299). Однако зияние
в таких случаях, как «suēs moriuntur ánginā | acérrume»
(Trin., 540, ямбический сценарий), показывает, что если
в многосложных словах -d в эпоху Плавта перестало зву-

чать, то память о нем не исчезла. Сохраненное у Плавта в виде исключения -d в односложных словах *mēd*, *tēd* (чего Теренций уже не знает) аналогично тому, что мы наблюдаем у Плавта, Теренция и позднейших авторов в отношении конечного т в таких односложных словах, как *sūt*, *dūt*, *pāt*, где это т не всегда элиминируется перед словом, начинающимся с гласного (см. § 52).

Отрицание *haud* всегда сохраняло свое d, хотя предшествующий этому d дифтонг по длительности эквивалентен долгому гласному. Причина заключается в том, что это слово было проклитическим, то есть составляло одно целое со следующим словом, и, таким образом, d не занимало в нем конечного положения.

g^v

§ 45. Звонкий велярный смычный с лабиализованной артикуляцией *g^v*, обозначавшийся в латинском письме через *gu*, в положении между гласными перешел в *v*.

Примеры:

nivem, вин. п. ед. ч. от *nīx* «снег» (восходящего к более древней форме **nig^v-s*, см. § 93) наряду с *ninguit* «идет снег».

cōnīveō «зажмуриваюсь» наряду с perf. *cōnīxī*, происшедшим из **cōnīg^v-sī* (согласно § 93).

архаическое *fīvō* «пронзаю» (Павел Диакон: «*fīvere [apud Catonem] pro figere*»¹ (81, 23) наряду с perf. *fīxī*, происшедшим из **fig^v-sī* (согласно § 93). Форма *praes. fīgō*, рано заменившая *fīvō* (*inf. figier* встречается уже в постановлении сената *de Bacanalibus* 186 г. до н. э.; *CIL*, I², 581), восстановлена из perf. *fīxī* под влиянием таких образцов, как *fīnxī*, perf., *figō*, *praes.*, «леплю».

struvō, в письме *struō*, «строю» (согласно § 53) наряду с perf. *struxī* и супином *structum*, происшедшими из **strug^v-sī*, **strug^v-tum* (согласно § 93).

g^v перешло в *v* также в начале слов перед гласным. Таково, например, происхождение начального *v* в сло-

¹ «*fīvere* [у Катона] вместо *figere*».

вах *veniō* «прихожу», *vivō* «живу»; однако в этих случаях доказательство может быть дано лишь с помощью соответствующих форм других индоевропейских языков.

Спиранты

f

§ 46. Губному спиранту *f* оскского и умбрского языков в положении внутри слова в латинском языке соответствовало либо *b*, либо *d* (такая двойственность связана с тем, что это *f* итальянских языков, родственных латинскому, имело двоякое индоевропейское происхождение). Так, лат. *alba* (ж. р. от *albus* «белый») и *media* (ж. р. от *medius* «средний») соответствуют умбр. *alfi* и оскск. *tefiī* (произносившимся *alfō* и *tefiō*): умбрский и оскский алфавиты не имели буквы для обозначения гласного *o*, который поэтому обозначался одинаково с *u*).

Таким образом, ни одно латинское слово не должно было бы содержать внутреннего *f*. Однако в действительности мы находим известное количество таких слов, например:

fefellī, perf. от *fallō*, «обманываю».

cōnficiō «приготовляю, завершаю».

referō «отношу».

rūfus «рыжий».

scrōfa «свинья».

vafer «хитрый».

Объяснение этих исключений не представляет трудности. В perf. *fefellī* и в сложных глаголах типа *cōnficiō*, *referō* *f* находилось, собственно говоря, не во внутреннем, а в «полуначальном» положении; близость настоящего времени *fallō* и простых глаголов *faciō* и *ferō* обеспечивала этому *f* такую же трактовку, как и в начале слова, то есть сохранение. Что касается *rūfus*, *scrōfa*, *vafer*, то это — диалектальные заимствования, получившие право гражданства в латинском языке Рима. Так как влиянию сельских говоров подверглась более всего народная речь, то иногда мы встречаем это *f* диалектного происхождения в вульгарной латыни и в происходящих от нее романских языках там, где литературный язык сохранил исконно римскую

форму. Так, из одного места у Нония Марцелла (531) видно, что образованные римляне говорили *sibilare* «свистать», а народ — *sifilare*: «*sifilare quod nos vilitatem verbi vitantes sibilare dicimus*»¹, и это указание подкрепляется Аппендиксом Проба (сборник выражений, осуждаемых нормой корректного словоупотребления, составленный грамматиком эпохи императора Диоклетиана), где говорится, что надо произносить *sibilus* «свист», а не *sifilus* (*GL*, IV, 199, 3). Но именно на *sifilare* и основано франц. *siffler*. Подобным же образом латинские писатели называют трюфель *tūber*, но франц. *truffe* предполагает в качестве исходной формы вульгарный лат. дублет **tūfer*.

§

§ 47. Глухой зубной спирант *s* в начальном положении остался неизмененным. В положении же внутри слова между гласными он стал звонким и затем перешел в *r*. Примеры этого явления, называемого **ротацизмом** (от греческого названия буквы *rhō*), весьма многочисленны. Приведем важнейшие типические случаи:

aeris, flōris, operis, род. п. от *aes* «меди», *flōs* «цветок», *opus* «работа».

erit, futur., «будет» наряду с *est, praes.*, «есть».

hauriō, praes., «черпаю» наряду с *haustus, part. perf. pass.*

queror, praes., «жалуюсь» наряду с *questus sum, perf. herī*, наречие, «вчера» наряду с *hesternus*, прилагательное, «вчерашний».

amāre «любить», *dēlēre* «разрушать», *legere* «читать», *audīre* «слышать» наряду с *esse* «быть».

dirimō «разнимаю» из **dis-emō* (см. § 15, п. 4), ср. *discēdō* «ухожу».

Ср. также Баррон: «*in multis verbis, in quo antiqui dicebant s, postea dicunt r... foedesum foederum, plusima plurima, meliorem meliorem, asenam arenam*»² (*De lingua Lat.*, VII, 26); Квинтилиан: «*nam ut Valesii Fusii in Vale-*

¹ «*sifilare*», вместо чего мы, желая избежать вульгарности этого слова, говорим *sibilare*.

² «Во многих словах, где древние произносили *s*, впоследствии стали произносить *r*...».

rios Furiosque venerunt, ita... etiam... lases fuerunt»¹ (Instit. orat., I, 4, 13); Павел Диакон: «s pro r littera saepe antiqui posuerunt, ut majosibus, meliosibus, lasibus, fesiis pro majoribus, melioribus, laribus, feriis»² (323, 5).

Что касается хронологии ротацизма, то два нижеследующих свидетельства позволяют нам установить ее. Цицерон (Ad famili., IX, 21, 2) сообщает, что Л. Папирий Красс, бывший диктатором в 339 г. до н. э., «primus Papi-sius est vocari desitus», а в Дигестах (I, 2, 2, 36) мы находим указание, что Апний Клавдий Слепой (цензор 312 г., консул 307 и 296 гг.) заменил написание Valesii, Fusii написанием Valerii, Furii («r litteram invenit, ut pro Valesiis Valerii essent, pro Fusiiis Furii»³). Отсюда, если учесть, что из всех слов языка наиболее медленно изменяются собственные имена, можно предположить, что для остальных слов ротацизм был уже завершен приблизительно к середине IV в. до н. э.

Какущиеся исключения из закона ротацизма допускают различные объяснения. В сложных словах, например dēsinō «перестаю», nisī, союз «если не» и наречие «кроме как», faenīsex «сенокосец», s трактовалось как начальное в силу этимологической реакции (см. сказанное в § 46 о внутреннем f сложных слов типа referō). К тому же некоторые из примеров, входящих в эту группу, представляют собой неологизмы, которых еще не было в языке в эпоху перехода интервокального s в r. Это относится, например, к наречию dēsuper «сверху», появляющемуся впервые у Цезаря (De bello Gall., I, 52, 5), и к resēminō «снова засеваю», засвидетельствованному у Овидия (Met., XV, 392) и несомненно им созданному. Равным образом, многие заимствованные слова остались незатронутыми ротацизмом по той причине, что они проникли в латинский язык после середины IV в. до н. э.; ср. basis «основание», pausea «морская болезнь», pauza «пауза, остановка», представляющие слова греческого происхождения; cisium «двуколка», gaesum «дротик» — слова, заимствованные из

¹ «Подобно тому как Валесии и Фусии перешли в Валериев и Фуриев, так... было и с lāsēs».

² «Древние часто ставили вместо буквы r букву s ...»

³ «Избрел букву r, так что вместо Валесиев оказались Валерии, вместо Фусиев — Фурии».

кельтского; *asinus* «осел» — слово, повидимому, пришедшее из Малой Азии через посредство фракийских племен. В исконных латинских словах *miser* «несчастный» и *caesariēs* «пышная шевелюра» действие ротации было задержано, повидимому, своего рода предупредительной диссимилиацией. Переход *-s-* в *-r-* в этих словах привел бы к тому, что за одним г очень близко следовало бы другое, а, между тем, язык стремился этого избегать (см. § 51). Наконец, во многих случаях, где *s* сохранилось между гласными, мы имеем дело с древним *-ss-*. Так, слова *causa* «причина, дело», *cāsus* «падение, случай», *dīvīsiō* «разделение» произносились и писались еще во времена Цицерона и Вергилия, а иногда и после них *caussa*, *cāssus*, *dīvīssiō*. Ср. у Квинтилиана: «quid quod Ciceronis temporibus paullumque infra, fere quoties s littera media vocalium longarum vel subjecta longis esset, geminabatur, ut caussae, cassus, divissiones? quomodo et ipsum et Vergilium quoque scripsisse manus eorum docent»¹ (*Instit. orat.*, I, 7, 20); см. также § 65. Этим, помимо *causa*, *cāsus*, *dīvīsiō*, объясняются и такие случаи, как *quaesō* «прошу, пожалуйста» из *quaessō* (встречающегося, например, в надписи *CIL*, X, 2311), *mīst̄*, perf. от *mittō* «посылаю» из *mīsst̄* (*missit*; *CIL*, I², 1216), *vāsa*, им.-вин. п. мн. ч. от *vās* «сосуд», из *vāssa* (засвидетельствованного, например, у Плавта, *Merc.*, 781, в амбrozianском палимпсесте), *formōsus* «красивый» из *formōssus* (*formossa*; *CIL*, VI, 22377).

§ 48. Если оставить в стороне случай типа *mīlēs* «воин», *ōs* «кость» и т. п. (о них см. § 63, п. 4), то мы видим, что конечное *s* в доклассическом языке исчезало в произношении, если ему предшествовал краткий гласный, а следующее слово начиналось с согласного. См. у Цицерона: «quin etiam, quod jam subrusticum videtur, olim autem politius, eorum verborum, quorum eaedem erant postremae duae

¹ «Разве не удваивалось во времена Цицерона и несколько позднее почти каждое *s* между долгими гласными или за долгими в таких словах, как *caussa*, *cāssus*, *dīvīssiō*? О том, что так писали Цицерон и Вергилий, свидетельствуют их собственные рукописи».

Говоря: «между долгими гласными или за долгими», Квинтилиан выражается неточно. Следовало бы сказать: «находится между гласными, причем либо обе они долгие, либо по крайней мере предшествующая». (Прим. пер.)

*litterae, quae sunt in optimus, postremam litteram detrahebant, nisi vocalis insequebatur; ita non erat offensio in versibus, quam nunc fugiunt poetae novi*¹ (Orator, 48, 161).

Действительно, конечный глухой зубной спирант, находящийся в указанных условиях, часто не пишется в надписях III и II вв. до н. э.; например, Cornelio (=Cornelius) (*CIL*, I², 8), Fourio (=Furius) tribunos militare (=tribūnus militāris), где -s опущено в Fourio и в militare, но сохранено в tribunos (*CIL*, I², 48 и 49). Просодия древних поэтов часто не учитывает этого -s, беспрепятственно допуская такие скандовки, как «visu(s) sum» (Плавт, *Merc.*, 232 и 245); «tempu(s) fert» (Теренций, *Ad.*, 839) — окончания ямбических сенариев, в которых последняя стопа обязательно должна быть ямбом или пиррихием; «satiu(s) sit» (Теренций, *Hec.*, 730); «suavis homo, facundu(s), suo contentu(s), beatus» (Энний, *Ann.*, 245); «tum laterali(s) dolor, certissimu(s) nuntiu(s) mortis» (Луцилий, 1314); «quid dubitas quin omni(s) sit haec rationi(s) potestas» (Лукреций, в языке и версификации сознательно отстающий от своего времени; II, 53). Однако, с другой стороны, конечное s, которому предшествовал краткий гласный, сохранялось, если следующее за ним слово начиналось с гласного; сохранялось также и каждое конечное s после долгого гласного. Понятно, что колебание, порождаемое таким положением вещей, не могло быть длительным. Действительно, аналогия не замедлила сделать трактовку единообразной, восстановив все конечные s, по крайней мере в литературном языке. Уже в больших официальных надписях II в. до н. э. (например, в постановлении сената *de Bacanalibus* 186 г., в *Lex repetundarum* 123—122 г. и в постановлении братьев Минуциев 117 г.) -s никогда не опускается. У Лукреция случаи, где -s создает при согласном в начале следующего за ним слова долготу «по положению», значительно более многочисленны, чем те случаи, где оно игнорируется в отношении просодии, а у Катулла

¹ «Добавим, что в тех словах, у которых два последних звука такие же, как и в слове *optimus*, последний звук отбрасывали, если далее не следовал гласный. Теперь это выглядит довольно грубо, между тем как ранее это казалось красивым. Таким образом, то, чего теперь избегают новые поэты, ранее не встречало осуждения в стихах (т. е. скандовки, подобной приведенной ниже)».

встречается только один пример -s, находящегося перед согласным началом следующего слова и не создающего удлинения слова «по положению». Этот пример, заслуживающий быть отмеченным, мы находим в 8 стихе CXVI стихотворения (которое, как можно предположить, относится к наиболее ранним произведениям поэта, хотя и помещено в конце сборника):

«at fixus nostris tu **dabi(s)** supplicium».

Из романских языков итальянский и румынский предполагают устранение всех -s в вульгарной латыни соответствующих областей, тогда как ретороманский, французский (где такое слово, как *murs*, из латинского *mūrus*, потеряло свое -s только в конце средних веков), испанский и португальский, наоборот, доказывают, что в Ретии, в Галлии и на Пиренейском полуострове -s было сохранено или восстановлено под влиянием школьного преподавания, чему благоприятствовали, может быть, и навыки туземного произношения.

Частичное исчезновение -s, о котором здесь говорится, объясняет существование дублетов, например, *magis* и *magē*, наречие «больше», *potis* и *potē*, прилагательное «могущий» (первоначально существительное со значением «хозяин»). Сначала, очевидно, говорили *magis idōneus* «более удобный», но *magī strēnūs* «более усердный», *potis est* «он может», но *potī sum* «я могу». Но, как мы видели в § 21, каждое конечное ī переходило в ё, откуда *magē* и *potē* вместо **magī* и **potī*. А если это последнее изменение произошло, то, конечно, не могло быть и речи о восстановлении конечного s, и таким образом возникли параллельные формы *magis*, *potis* и *magē*, *potē*. Однако аналогия нарушила первоначальное состояние в том смысле, что вскоре употребление *magis*, *potis* перестало быть связанным с положением перед гласным, а употребление *magē*, *potē* — с положением перед согласным, так что характер начала следующего слова не играл более никакой роли в выборе того или другого дублета; ср., например, *magē amat* (Плавт, *Tric.*, 177) и, наоборот, *magis facete* (Плавт, *Mil. glor.*, 539). Таким образом, **potē es*, **potē est*, откуда *potes*, *potest*, заменили фонетически закономерные формы *potis es* (Плавт, *Capt.*, 970; *Mil. glor.*, 1322), *potis est* (Плавт,

Amph., 626; Poen., 846) по аналогии с *potē sum из *potī sum, перешедшим в *potsum (согласно § 24, п. 1) и затем в possum (согласно § 73).

П р и м е ч а н и е. Здесь могла бы возникнуть мысль объяснить таким же образом и чередование окончаний -r̄is и -r̄e во 2 л. ед. ч. отложительной и пассивной флексии времен системы инфекта (за исключением императива), как, например, loquerīs и loquerē, 2 л. ед. ч. praes. ind. от loquor «говорю», audiērīs и audiērē, 2 л. ед. ч. futur. pass. от audiō «слушая». Но хронология говорит против этого; -r̄e бесспорно более древнее, чем -r̄is. У Плавта мы находим десять достоверных примеров -r̄is, у Теренция — только два¹.

§ 49. Иногда конечное s оказывалось замененным r. Так, в языке классической эпохи labōr «труд» заменило архаическую форму läbōs (о сокращении б в labōr см. § 24, п. 3), vapōr «пар» — форму vapōs и т. д.; см. у Квинтилиана: «nam ut Valesii Fusii in Valerios Furiosque venerunt, ita arbōs, labōs, vapōs etiam... fuerunt»² (Instit. orat., I, 4, 13). В этой замене отнюдь не следует видеть результат закономерного фонетического развития. -r именительных падежей labōr vapōr и т. д. — это просто r косвенных падежей labōris, labōrt, vapōris, vapōrt и т. д., распространившееся за пределы своей законной области под влиянием nominā agentis, как datōr, -ōris, «податель», messōr, -ōris, «жнец», у которых суффикс имел древнее r, не происшедшее из s. Впрочем, потребовалось немало времени, чтобы аналогические нововведения этого рода получили перевес над фонетическими формами. Интересно отметить, например, что, хотя им. п. honōr уже встречается в эпитафии одного из Сципионов, умершего вскоре после 139 г. до н. э. (CIL, I², 15), honōs решительно преобладает в лучших рукописях Цицерона, Горация и Тита Ливия, а Вергилий вовсе не употребляет arbōr, а исключительно arbōs. Односложные же именительные падежки, например flōs «цветок», mōs

¹ Преобладание -re над -ris у Плавта и Теренция не может быть признано решающим доводом против того, что -re явилось результатом фонетического развития -ris. Язык комедии содержит много неологизмов, отвергнутых позднейшей литературной нормой; в частности, таким неологизмом является и форма mage, устраненная в классической прозе. (Прим. пер.)

² «Подобно тому как Валесии и Фусии перешли в Валериев и Фусиев, так было и с arbōs, labōs, vapōs».

«обычай», навсегда сохранили -s, потому что в этом случае аналогия типа *datōr*, *messōr* не имела силы.

П р и м е ч а н и е. У Плавта (*Merc.*, 590; *Most.*, 142; *Trin.*, 259) рукописи дают *atog*, произносимое с долгим б. Можно предположить, что в этих местах подлинное чтение было *atos* и что текст был модернизирован переписчиками.

h

§ 50. Еще до появления первых литературных текстов глухой велярный спирант *h*, звучавший первоначально как нем. *ch* в таких словах, как *Bach*, *Loch*, превратился в гортанное приыхание, производимое трением воздуха о край голосовых связок. Поэтому *h* считалось у римских грамматиков не «буквой» (*littera*), как другие знаки алфавита, а «знаком приыхания» (*nota aspirationis*). Будучи весьма слабым в начале слова и почти неощутимым в середине, это приыхание не замедлило окончательно исчезнуть как в том, так и в другом положении. В самом деле, общеизвестно, что с точки зрения просодии слова, начинавшиеся с *h*, трактовались уже во времена Плавта совершенно так же, как слова с гласным началом, и что в положении внутри слова *h* не препятствовало ни ротацизму в **dishabeō*, перешедшем в *diribeō* «разбираю, сортирую» (см. § 15, п. 4, и § 47), ни слиянию гласных в **pēhēmō*, перешедшем в *pēmō* (см. § 37). В таком написании, как *aħēnus* «медный», встречающемся уже (*in tabolam aħenam*) в постановлении сената *de Bacanalibus* 186 г. до н. э. (*CIL*, 1², 581), *h*, не имея этимологического значения, служило лишь для того, чтобы предупредить возможность двусложного чтения *āenus*, иначе говоря, чтобы обозначить зияние (как во французских словах *cahier* «тетрадь», *trahison* «предательство», *envahir* «вторгаться»), — функция, которую оно могло выполнять лишь после того, как лишилось собственной артикуляции. Однако образованное общество восстановило приыхание в соответствии с орографией, и пренебрегать им считалось в классическую эпоху признаком слабого образования или низкого происхождения. Но так как это было чисто искусственное произношение, то с неизбежностью должно было развиться злоупотребление приыханием. Свидетельством этого служит цитированная в § 40 эпиграмма Катулла,

где он высмеивает некоего Аррия, который говорил *h̄nsidia*e вместо *īnsidia*e. В довершение всего и в самой орфографии во многих случаях не было надежного критерия для различения слов, требовавших придыхания, от тех, в которых оно было совершенно излишним. Так, установилась традиция писать *anser* «гусь» вместо *hanser*, очевидно потому, что предполагалось родство между этим словом и словом *anas* «утка», которое никогда не имело придыхания. С другой стороны, обычная орфография снабдила буквой *h* слово *imērus* «плечо», не имевшее в ней никакой надобности. Отсюда вытекают и те колебания, которые наблюдаются в рукописях, а затем и в изданиях нового времени между *arēna* и *harēna* «песок», *arundō* и *harundō* «тростник», *erus* и *herus* «хозяин», *iğreh* и *hirreh* «борона», *olus* и *holus* «овощ».

Неудивительно поэтому, что одной из главных забот римских грамматиков было установление точных границ для придыхания. Их усилия, часто остававшиеся бесплодными, можно сравнить с теми, которые прилагают французские учителя, чтобы заставить своих учеников различать *h* придыхательное и *h* немое, хотя уже в течение двух веков *h* придыхательное существует во французском языке лишь в виде особенности местных говоров некоторых областей, как Нормандия и Лотарингия.

ДРОЖАЩИЙ И БОКОВОЙ

§ 51. Во всех языках в той или иной степени наблюдается стремление избегать повторения в одном и том же слове одинаковых артикуляционных движений, заменяя один из двух соседних тождественных звуков каким-либо другим или вовсе устранивая его. Это явление, называемое диссимилиацией, наблюдается особенно часто в тех случаях, когда близко следуют одно за другим два *l*. При наличии двух последовательных *g* оно распространено менее, но все же больше, чем для остальных звуков, подвергающихся диссимилиации лишь в исключительных случаях. Вот почему мы рассматриваем это явление в главе о дрожащем и боковом звуках, которые своей неустойчивостью по отношению к диссимилиации оправдывают название плавных, или текучих, *liquidae*, которое дали им древние грамматики.

Общий принцип диссимиляции заключается в том, что более сильный из участвующих в ней звуков всегда оказывает диссимилирующее действие на другой. Факторы, от которых зависит относительная сила звуков, бывают порядка механического (положение звука в слове) или психологического (этимологическая прозрачность той части слова, в которой находится тот или иной из двух звуков, участвующих в диссимиляции). Диссимиляция называется нормальной, если психологический фактор в ней отсутствует, и обратной, если этот фактор позволяет звуку, более слабому по своему положению, получить преобладание над тем, который обладает большей механической силой. Если согласный, подвергающийся диссимиляции, не имеет ни перед собой, ни после себя смежного с ним согласного, то диссимиляция всегда ведет к замене его другим, а не к полному его устранению. Если же этот звук входит в группу согласных, то замена и устранение одинаково возможны, причем нынешнее состояние наших знаний не позволяет сказать, почему в том или ином случае наступило то, а не другое из этих двух явлений. Что касается, в частности, плавных, то диссимиляция посредством замены почти всегда состоит в том, что вместо одного из двух соседних l появляется r, и обратно, вместо одного из двух r появляется l. В нескольких изолированных случаях подвергшиеся диссимиляции l или r по неизвестным причинам заменяются n.

В латинском народном языке факты диссимиляции более многочисленны, чем в языке литературном, развитие которого было стеснено письменной традицией.

Примеры:

a) Диссимиляция I

I — I > r — l:

caeruleus «синий» из *caeluleus, от caelum «небо».

Par^llia, -ium, «праздник в честь пастушеского божества Palēs» из Pa'l'lia (недиссимилированная форма Paltlia осталась в употреблении наряду с Par^llia).

I — I > l — r:

Суффикс -ālis заменялся через -āris во всех случаях, когда основа, к которой он присоединялся, уже содержала l:

auxiliāris «вспомогательный», *cōnsulāris* «консульский», *lūnāris* «луны́й», *militāris* «военный» наряду с *hospi-tālis* «гостеприимный», *nāvalis* «корабельный», *mortālis* «смертный», *rēgālis* «царский».

В тех же условиях суффикс существительных на -äl, представляющих собой субстантивированные формы среднего рода прилагательных на -alis, чередовался с -äg (об отпадении -ë см. § 24, п. 1; о сокращении ä — § 24, п. 3):

calcār «шпора», *exemplār* «образец», *pulvīnār* «ложе, на которое укладывали изображения богов в обряде *lectisternium*», наряду с *animāl* «животное», *cervicāl* «подушка», *tribūnāl* «трибуна».

Сохранение суффикса -alis, несмотря на наличие предшествующего l в *glaciālis* «ледяной» и *lētālis* «смертельный», объясняется аналогическим влиянием синонимов *nivalis* «снежный» или *hiemālis* «зимний» и *mortālis*.

Если между двумя l находилось r, то диссимилияции не происходило, потому что в этом случае цель не была бы достигнута: вместо двух l мы имели бы два последовательных r. Правда, последовательность двух r допускалась легче, чем последовательность двух l, но, с другой стороны, эти два r оказались бы ближе друг к другу, чем два первоначальных l, и таким образом сохранялось прежнее состояние.

flōrālis «относящийся к богине Флоре», *laterālis* «боковой», *līberālis* «подобающий свободному человеку», *plūrālis* «множественный».

Суффикс -clom (превратившийся в дальнейшем в -culum), служащий для образования названий орудий, также заменялся через -crom, если предшествующая часть слова заключала в себе l:

fulcrum «опора», *flagrum* «бич», *scalprum* «резец» наряду с *spec(u)lum* «зеркало», *vinc(u)lum* «связь» (вместо **spec-clom* и **vinc-clom*, производных от *speciō* «смотрю», употребляющегося преимущественно в многочисленных сложных глаголах на -spiciō, и от *vin-pciō* «связываю»).

1—l>n—1:

Бульгарное лат. *conicula* «пучок прядильного материала», засвидетельствованное словарями и предполагаемое романскими дериватами: франц. *queouille*,

итал. *conocchia* и немецким заимствованием *Kunkel* из *colucula*, уменьшительного от *colus*, -ūs, «прялка».
1 — 1>нуль — 1:
cavilla «шутка, насмешка» из **calvilla*, производного от *calvor* «подшучиваю».

б) Диссимиляция г

г — г > 1 — г:

lemūrēs «души покойников, возвращающихся на свет, чтобы пугать живых», *lemūria*, -ōrum (скандовка *lemūria* у Овидия, Fast., V, 421, обусловлена метрическим удлинением) «праздник,правлявшийся в мае для умилостивления душ покойников», из **temīrēs*, **temīrgia* согласно Овидию (Fast., V, 479 и сл.).

Вульгарное лат. *peleḡt̄nus* «странник», засвидетельствованное поздними надписями (*CIL*, III, 4222; XI, 2875, 6473) и предполагаемое в качестве исходной формы франц. *pèlerin*, итал. *pellegrino* и немецким заимствованием *Pilgrim* из *peregrīnus*.

Вульгарное лат. *flagrāre* «издавать запах» в надписях и в рукописях (например, *CIL*, XII, 949 b; Катулл, VI, 8), где чтение *flagrans*, даваемое всеми рукописями, восходит, возможно, к самому автору, часто допускавшему народные формы, и подтверждаемое, кроме того, франц. *flairer* (которое означало первоначально «издавать запах» и было заменено в этом значении *fleurer*, представляющим собой его видоизменение под влиянием народной этимологии), из *fragrāre*.

г — г > г — 1:

criblum «решето», *criblare* «просеивать» — у авторов конца эпохи империи, например у врача Марцелла Эмпирика (25, 2 — *criblum*; 13, 12; 16, 20 и др. — *cribriare*), давшие франц. *crible*, *cribler* из *cribrum*, *cribrāre*.

г — г > н — г:

Вульгарное лат. *menetrix* «гетера», засвидетельствованное грамматиками, например Нонием Марцеллом (род. в. 423 г.) и Аппендиксом Проба (см. § 46; *GL*, IV, 198, 28), из *metetrix*.

г — г > нуль — г:

Fabarīs, название реки в Самниуме, притока Тибра

(Вергилий, Аен., VII, 715), носившего у осков название *Farfarus*; последнюю форму дают Овидий (Met., XIV, 330) и Силий Италик (IV, 182). О лат. *b*, соответствующем оскск. *f*, см. § 46.

taberna «будка, лавочка» из **traberna*, производного от *trabs* «балка».

r — r>r — нуль:

agrestis «полевой, деревенский» из **agrestris*, образованного как *silvestris* «лесной, лесистый».

praestrigiae, -ārum, «фокусы» (таково чтение рукописей у Плавта, Capt., 524, где свидетельство амброзианского палимпсеста отсутствует, и у Квинтилиана, Instit. orat., IV, I, 77) из *praestrīgiae* (*praestrīgiātor* «фокусник» находим у Плавта, Poen., 1125; *praestrīgiātrix* — Tric., 134; оба раза в амброзианском палимпсесте), связанного, повидимому, с *praestringō* «ослепляю, поражаю».

propius «собственный», часто в надписях эпохи империи (например, CIL, VI, 7470, 30123, 30223; IX, 2447, 2826) из *proprius*.

П р и м е ч а н и е. Диссимилляция не только устраниет имеющуюся последовательность двух плавных, но и препятствует ее возникновению. Заслуживает быть отмеченным, например, что ни один глагол, начинающийся с *r*, не дал сложного с префиксом *ge-*. См. также сказанное в § 47 о сохранении интервокального *s* в словах *miser* и *caesariēs*.

НОСОВЫЕ

§ 52. Некоторых замечаний требует только трактовка конечного *m*.

Чтобы определить фонетическое значение латинского конечного *m*, мы располагаем четырьмя источниками сведений, а именно: 1) указаниями римских грамматиков, 2) орографией надписей, 3) метрикой, 4) свидетельствами романских языков.

1. Из текстов грамматиков, пытавшихся определить природу конечного *m*, приведем следующие наиболее поучительные:

Квинтилиан: «atqui eadem illa littera (имеется в виду *m*), quoties ultima est et vocalem verbi sequentis ita contingit, ut in eam transire possit, etiam si scribitur, tamen parum exprimitur, ut multum ille et quantum erat, adeo ut paene

cujsdam novae litterae sonum reddat; neque enim eximitur, sed obscuratur et tantum in hoc aliqua inter duas vocales velut nota est, ne ipsae coéant»¹ (Instit. orat., IX, 4, 40).

Велий Лонг: «cum dico etiam nunc, quamvis per m scribam, nescio quomodo tamen exprimere non possum»² (GL, VII, 78, 19 и сл.).

Присциан: «m obscurum in extremitate dictionum sonat, ut templum; apertum in principio, ut magnus; mediocre in mediis, ut umbra»³ (GL, II, 29, 15 и сл.).

У Велия Лонга мы находим также, что Веррий Флакк для обозначения конечного звука m перед словом, начинающимся с гласного, пользовался специальным знаком, представлявшим собой первую половину буквы M: «nonnulli circa synaliphas quoque observandam talescriptionem existimant, sicut Verrius Flaccus, ut ubicumque prima vox m littera finiretur, sequens a vocali inciperet, m non tota, sed pars illius prior tantum scriberetur, ut appareret exprimi non debere»⁴ (CL, VII, 80, 70 и сл.).

Это сообщение помогает нам понять два места у Квинтилиана, долго остававшиеся неразъясненными, а именно: «quid? non Cato Censorius dicam et faciam dicæ et faciae scripsit eundemque in ceteris, quae similiter cadunt, modum tenuit? quod et ex veteribus ejus libris manifestum est et a Messala in libro de s littera positum»⁵ (Instit. orat., I,

¹ «Эта буква (m) каждый раз, когда она стоит в конце слова и так близко соприкасается с гласной следующего слова, что может в нее перейти, хотя и пишется, однако почти не произносится, как, например, в словах multum ille и quantum erat; она выражает звук какой-то новой буквы, так как хотя и не изымается, но затемняется и сохраняется лишь как некий знак между двумя гласными, препятствующий им слиться».

² «Когда я говорю etiam nunc, то хотя я и пишу это через m, однако не могу внятно произнести».

³ «m звучит затемненно в конце слов, например templum, и явно в начале — magnus; наполовину отчетливо в середине — umbra».

⁴ «Многие, как, например, Веррий Флакк, считают нужным в случаях синалифы (элизии) соблюдать такое написание, чтобы везде, где первое слово кончается буквой m, а следующее начинается гласной, писалась не полная буква m, а только ее первая часть; это показывает, что она не должна произноситься».

⁵ «Что же? Разве Катон Цензорий не писал dicam и faciam, как dicæ и faciae, и не придерживался этого способа и в прочих словах, сходным образом оканчивающихся? Это явствует из старых его рукописей и из книги Мессалы о букве s».

7, 23) и «et illa Censorii Catonis dicae faciaeque, m littera in e mollita»¹ (*Instit. orat.*, IX, 4, 39).

Отсюда, повидимому, следует, что Катон, как и Веррий Флакк, пользовался особым графическим приемом для передачи особенности звучания конечного *m*, а именно, лежачей буквой *M*, и писал *dicas* и *facias* вместо *dicam* и *faciam*. Это обозначение не было понято Квинтилианом, который принял лежачее *M* за *E*; возможно, что в этой ошибке виновен не Квинтилиан, а переписчик *«Institutionis oratoria»*, и поэтому здесь пришлось бы исключить во втором из цитированных мест слова *«m littera in e mollita»*, как взятые из написанного на полях толкования неизвестного читателя².

2. В написанной сатурновым стихом эпитафии Л. Корнелия Сципиона, консула 259 г. до. н. э. (*CIL*, I², 9), конечное *m* почти нигде не обозначено вне зависимости от того, каков был начальный звук следующего слова.

Так, мы находим *oīno*, *dvonoro*, *viro*, *aide*, *urbe*, *Scipione*, *Corsica* вместо *oīnom* (=īnum), *dvonorom* (=bonōrum), *virom* и т. д. при одном только примере сохранения *-m* — *Luciom*. То же наблюдается и в несколько более поздней, хотя и относящейся к отцу Л. К. Сципиона, надписи (*CIL*, I², 7), которая дает формы вин. п. ед. ч. *Taurasia*, *Cisauna*, *Samnio*, *omne Loucanam* с сохранением *-m* только в последнем слове. Это написание сохраняется в течение следующих веков в плебейских надписях, тогда как в орфографии эпиграфических официальных текстов *-m* было восстановлено очень рано, как об этом свидетельствует постановление сената *de Bacanalibus*, где оно сохранено повсюду. В виде исключения в надписях вместо

¹ «Таковы написания Катона Цензория *dicae* и *faciae* со смягчением буквы *m* в *e*».

² Предположение, что условное написание, применявшееся Катоном для обозначения конечного *m*, представляло, в отличие от написания Веррия Флакка, не половину *M*, а *M* лежачее, не только объясняет смещение этого знака с *E*, но и вносит, повидимому, большую ясность в свидетельство Квинтилиана (*Instit. orat.*, I, 7, 23; см. выше), согласно которому Мессала (речь идет о М. Валерии Мессале Корвине, покровителе Тибулла) упоминал об этом приеме в трактате о букве *s*. Действительно, буква *M* в лежачем положении могла быть смешана также, и даже легче, с греческой прописной сигмой (Σ). (Прим. автора.)

-т встречается -n; например: *salvon et felicem* (*CIL*, VI, 2120), *quen omnes* (*CIL*, VI, 34025), *tan bene* (*CIL*, XII, 2926), *eorun* в конце фразы (*CIL*, VI 11815 и 13246).

3. Если в стихе одно слово оканчивалось на -im, -em, -am, -um, а следующее за ним слово начиналось с гласного звука, то всегда происходила элизия. Однако эти же слоги всегда считались долгими, если следующее слово начиналось с согласного. Ср. например:

Теренций (Phorm., 653; ямбический сенарий):

«in servitutem pauper(em) ad ditem dari»
— ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘

и Катулл (LXIV, 57):

«Desert(am) in sola miseram se cernat harena».
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘

Однако после односложных слов, например: *cum*, *dum*, *nam*, *num*, *quam*, зияние допускалось; ср.:

Плавт (Capt., 395; трохеический септенарий):

«dicito patri, quo pacto mihi **cum** hoc convenerit»;

Теренций (Phorm., 982; ямбический сенарий):

«adsequere, retine, **dum** eg(o) huc servos evoco»;

Лукреций (III, 1082):

«sed **dum** abest quod avemus, id exsuperare videtur»;

Гораций (Sat., II, 2, 28);

«... quam laudas pluma? cocto **num** adest honor idem?»

4. Романские языки не сохранили никаких следов конечного т, если не считать небольшого числа ударных односложных слов типа франц. *rien* (гүё)<лат. *rem*; *ton*, *son* (тӮ, сӮ)<вульгарное лат. *t(u)um*, *s(u)um* (ср. «usque at die *tun* [sic!]», *CIL*, VI, 13075; *sum*=*suum*, *CIL*, VI, 15477). Это вполне согласуется с тем только что отмеченным обстоятельством, что -т латинских односложных слов могло не элиминироваться в стихе перед следующим гласным.

Все эти различные свидетельства можно примирить, если допустить, что уже в долитеатрную эпоху конечное т свелось просто к носовому оттенку предыдущего гласного. Латинский алфавит, как и французский, не имел специального знака для обозначения носового оттенка гласных, чем и объясняется разнообразие графических приемов, упомянутых выше. Понятно поэтому, что Велий Лонг называет интересующий нас звук неопределенным, а Квин-

тилиан говорит о «звуке как бы некоей новой буквы» (*raene cuiusdam novae litterae sonus*). Так как носовые гласные перед согласными всегда долгие, то естественно, что такие скандовки, как

«urbem quam dicunt Romam, Meliboee, putavi»,

представляют нормальную трактовку групп -ем, -ам в метрике. Наконец, так как назализация носовых гласных происходила во время артикуляции, а не следовала за нею, то поэты рассматривали в отношении к элизии носовые гласные как ротовые.

ПОЛУГЛАСНЫЕ

§ 53. В группах «*i*+гласный другого качества» и «*u*+гласный другого качества», образующих два слога, у *i* и *u* развились в качестве переходных звуков полугласные *j* и *v*. В письме эти паразитические звуки обычно не обозначались. Таким образом, писали: *pius* «благочестивый», *via* «дорога», *duo* «два», *pluit* «дождь идет», хотя и произносили *ri-^j-us*, *vi-^j-a*, *du-^v-o*, *plu-^v-it*. Опускание в письме *v* после *u* было распространено даже на органическое *v* в таких словах, как *fluvere* «течь» и *fruvi* «пользоваться» (из **flugvere*, *frūgvi* согласно § 45), писавшихся *fluere*, *fruvi*. Но так как латинский алфавит не различал *i* и *j*, *u* и *v* (см. § 7, прим. 4б), то двусмысленность написаний типа *iuentia* «молодость», которое могло читаться как *ju-ventia* и **iventia*, *plvnia* «дождь», допускавшее чтения *pluvia* и **pluja*, в конце концов послужила поводом на исходе республиканской эпохи для введения обозначения *v* (разумеется, в форме *V*) как в этих словах, так и в ряде других однородных слов (например, *fluvius*).

П р и м е ч а н и е . Развитие паразитических полугласных *j* и *v* после *i* и *u*, стоящих перед гласными, наблюдается и в современном французском языке; ср., например, *plier* «складывать», произносимое *pли-у-ер*, *bou-в-ард* «чекан» от *bouer* «чеканить».

§ 54. Интервокальное *j* соответствовало в произношении *-jj-*. Об этом прямо говорят грамматики, и их свидетельство подкрепляется метрикой и данными романских языков. См. у Квинтилиана: «*sciat etiam* (подразумевается *gram-*

maticus), Ciceroni placuisse aīo, Maiiamque geminata i scribere»¹ (Instit. orat., I, 4, 11); у Велия Лонга: «in plerisque Cicero videtur auditu emensus scriptionem, qui et Aia-cem et Maiiam per duo i scribenda existimavit»² (GL, VII, 54, 16 и сл.); у Присциана: «i... pro duplii autem (то есть consonanti accipitur), quando in medio dictionis ab eo incipit syllaba post vocalem ante se positam, subsequente quoque vocali in eadem syllaba, ut maius, peius, eius... quod non aliter pronuntiari posset, quam si cum superiore syllaba prior i, cum sequente altera proferretur, ut pei-ius, ei-ius, mai-ius»³ (GL, II, 14, 3 и сл.).

В стихосложении первый слог таких слов, как ајб «утверждаю», тајог тајус, сравнительная степень от тајпнис «большой», рејог рејус, сравнительная степень от малис «дурной», всегда считается за долгий; см.:

Плавт (Cas., 71; ямбический сценарий):

«at eg(o) aj(o) id fier(i) in Graeci(a) et Carthagini»,

Овидий (Met. IV, 394):

«resque fide **major**, coepere virescere telae»,

Марциал (I, 103, 5);

«sordidior multo post hoc toga, paenula **pejor**».

Так как коренной гласный этих слов краток, то долгота слога, в который он входит, может быть только долготой «по положению» (см. § 105), то есть она связана с произношением *äjjō*, *mäjjor*, *mäjjus*, *rëjjor*, *rëjjus*. Наконец, итал. *maggiore*, *peggiore* предполагают в качестве исходных латинских форм *mäjjörem*, *rëjjöget* с двойным *j*. Фонетическое написание оставило много следов в надписях и в рукопи-.

¹ «Пусть знает (грамматик), что Цицерон предпочитал писать *aio* и *Maia* с двумя *i*».

² «Во многих случаях Цицерон при письме руководствовался, повидимому, слухом; так, он считал, что *Aiiax* и *Maia* надо писать с двумя *i*».

³ «і (принимается) за двойную (согласную), когда оно стоит в середине слова и с него начинается слог после предшествующей гласной, а за ним в этом же слоге следует гласная; например, *mai̯us*, *rei̯us*, *eius*... Произноситься это должно так, чтобы первое і выговаривалось с предшествующим слогом, а второе — со следующим».

сях, например: *cuius*, *eius* (*CIL*, II, 1953), *maiorēm* (*CIL*, II, 1964, столб. III, 10), *maiestati* (*CIL*, XIII, 3672), *coīūx* (*CIL*, III, 13374), *aīiunt* (Плавт, *Merc.*, 469, в амброзианском палимпсесте, и Вергилий, *Aen.*, IV, 598, в *codex Mediceus*), *reīius* (Плавт, *Most.*, 710, в амброзианском палимпсесте). Однако в обычной орфографии получило преобладание *aio*, *maior*, *reior* и т. д. с одним *i*. Поэтому такие чтения, как *eīius*, *maiīus*, иногда вводили в заблуждение средневековых переписчиков, давая повод к причудливым искажениям текста. У Цицерона (*pro Mil.*, 7, 16) писец рукописи E (*codex Berolinensis*, XII—XIII в.) разделил *eīius* на *ei* и *ius*, чтобы придать ему видимость смысла, а у Петрония (57, 10) в рукописи XV в. встречается: «*homini mali isto et dignitocco*» вместо «*homini maiiesto et dignitocco*».

§ 55. *v* перед *ö* исчезло, за исключением положения в начале слова. Таким образом, мы имеем *vōsō* «зову», *vōtō* «изрыгаю», *vōlō* «летаю», *vōrō* «поглощаю» с сохранением *v*; однако, с другой стороны:

deus «бог» из *deivōs* (которое неоднократно засвидетельствовано, особенно надписью, восходящей к IV в. до н. э.; *CIL*, I², 4); ход изменения: *deivōs* > *dēvōs (согласно § 29) > *dēōs > dēūs (согласно §§ 36 и 22, п. 5).

Gnaeus, личное имя, из *Gnaivōs* (отл. п. *Gnaivōd* встречается в наиболее древней из надгробных надписей членов семейства Сципионов, *CIL*, I², 9; *ai* > *ae* согласно § 30).

parum, наречие, «недостаточно» из *parvōm*.

deorsum, наречие, «вниз», *seorsum*, наречие, «отдельно» из *dēvōrsom, *sēvōrsom (о сокращении *ē* после выпадения *v* см. § 36; *vōrsom* — собственноср. р. part. perf. pass. от архаического *vōtō*, перешедшего в *vērtō* согласно § 28).

deus дает ценное хронологическое указание. В самом деле, ход изменения этого слова, установленный выше, показывает, что *v* перестало звучать в тот момент, когда дифтонг *ei* в своем изменении по направлению к *i* находился на промежуточном этапе *ē*. В словах *rāgvus* «маленький», *flāvus* «белокурый», *avus* «дед», *cogvus* «ворон» *v* было впоследствии восстановлено по аналогии с косвенными

падежами *parvī*, *parvō*, *parvōrum*, *parvīs* и т. д., а также с формами ж. р. *parva* и т. д., где *v* не стояло перед *ō* и где оно поэтому сохранилось. *ragum* не подверглось этому аналогическому воздействию, так как, превратившись в наречие, оно не являлось уже частью парадигмы *ragus*. Что касается *deus*, то его косвенные падежи *deivī*, *deivō*, фонетически перешедшие в *dīvī*, *dīvō*, видоизменились настолько сильно, что последовал разрыв парадигмы и возникновение двойной флексии: *deus*, *deī*, *deō* с косвенными падежами, образованными от новой формы именительного падежа, и *dīvus*, *dīvī*, *dīvō* с именительным падежом, восстановленным по аналогии с косвенными падежами. Впрочем, восстановление *v* было ограничено, повидимому, литературным языком. Аппендикс Проба (см. § 46) предписывает говорить *rius* «ручей», а не *rius* (*GL*, IV, 199, 2), *flavus*, а не *flaus* (*ibid.*, 198, 5), *avus*, а не *aus* (*ibid.*, 197, 28); это доказывает, что в народе говорили *rius*, *flaus*, *aus*. Действительно, в надписях эпохи империи часто встречаются написания *Flaus* (*CIL*, II, 4332) вместо *Flāvus*, *vius* (*CIL*, III, 15055; V, 2046; VI, 35987) вместо *vīvus* «живой», а староитал., исп. и порт. *rio* восходят к вульгарному лат. *rium*.

§ 56. *v* между двумя в существенном одинаковыми по качеству гласными выпадало, за исключением того случая, когда второй из этих гласных нес на себе ударение.

Примеры:

dītis, *dītī*, род.-дат. п. ед. ч. от *dīves* «богатый», из *dīvitīs*, *dīvitī* (о слиянии гласных, оказавшихся в непосредственной близости после исчезновения *v*, в этом и следующих примерах см. § 37).
oblītus, part. perf. от *oblītvīscor* «забываю», из **oblīvitūs*.
sī, формула вежливости, «если тебе угодно» из *sī vīs*.

audīt, *audīt̄* и *audīt̄*, *audit̄*, 1 и 3 л. ед. ч. perf. от *audiō* «слушаю», из *audīvī*, *audīvīt̄*. *audīt̄*, *audīt̄*, возникшие из *audīvī*, *audīvīt̄* в результате выпадения *-v-*, чаще всего не подвергались слиянию и сокращали первое *i* (согласно § 36), так как слитные формы *audīt̄*, *audit̄*, если не в произношении, то в письме, смешивались: одна — со 2 л. ед. ч. императива, другая — с 3 л. ед. ч. indic. praes. (произношение в перфекте — *audīt̄*,

audīt, но *áudī* в императиве и *áudīt* в *indic. praes.*). *dēlērunt*, *dēlērant*, 3 л. ед. ч. *perf.* и *plusquampr. indic.*, *dēlērint*, 3 л. мн. ч. *futur II* и *conj. perf.* от *dēleō* «разрушаю», из *dēlēvērunt*, *dēlēvērant*, *dēlēvērint*¹. *latrīna* «мыльня» (Луцилий, 400) и «отхожее место» (Плавт, *Circ.*, 580), из *lavātrīna*.

Напротив, в сохранилось в *divīnus* «божественный», *sevērus*, «суровый», *avārus* «скупой», *lavātiō* «мытье», *obītīscor*.

Как и следовало ожидать, аналогия рано нарушила фонетические результаты выпадения *-v-*. Так, расхождение между им. п. ед. ч. *dīves*, где *v* закономерно удерживалось между гласными различного качества, и косвенными падежами, где оно перестало звучать, повела к разрыву флексии, совершенно сходному с тем, который мы наблюдали выше в парадигме *deus* (см. § 55). С одной стороны, *dīvitīs*, *dīvītī* были восстановлены по аналогии с *dīves*, а с другой — правильные формы косвенных падежей *dītīs*, *dītī* повели к созданию аналогического им. п. *dīs*. Равным образом, превосходная степень *dītissimus* из *dīvitissimus* повлекла за собой *dītior* как аналогический дублет сравнительной степени *dīvītior*, которое, со своей стороны, было исходным пунктом аналогического воздействия, вернувшего превосходной степени ее древнейшую форму *divitis-simus*. *oblīscor*, засвидетельствованное размером стиха у Акция (190 и 488), объясняется стремлением устраниТЬ расхождение между *oblīscor* и *oblītūs*. *lavābrūm* «ванна» не выполнило условий, требующихся для выпадения *v*,

¹ Более глубокий морфологический анализ форм латинского perfecta заставляет предположить, что формы типа *audiī*, *dēlērunt* и т. п. не являются результатом фонетического развития форм *audiī*, *dēlērunt* и т. п., а представляют собой более древние образования; формы же *audiī*, *dēlērunt* и т. п. возникли в результате аналогического распространения суффикса *-v-*, извлеченного из формы 1 л. ед. ч. *perf.* *pōvī*, где *pōv-* было первоначально глагольным корнем. В связи с этим был подвергнут сомнению и самый факт выпадения лат. *v* между гласными одинакового тембра, а формы типа *dītissimus* было предложено объяснить синкопой с последующим выпадением *v* как неслогового элемента дифтонга: *dīvitissimus* > **dīvītissimus* > *dī-tissimus*. Однако это объяснение охватывает лишь часть имеющихся достаточно убедительных примеров исчезновения *v* между гласными одинакового тембра, и нет оснований предпочитать его тому, которое приведено в тексте. (Прим. пер.)

потому что второй из граничащих с этим *v* гласных имел ударение. Однако если, кроме приведенной формы, мы встречаем также, и даже чаще, слитную форму *lābrum*, то, несомненно, мы сталкиваемся здесь с аналогическим нововведением, образцом для которого послужили дублеты *lātrīna* (фонетическое) и *lavātrīna* (восстановленное). *nōrunt*, *nōrant*, *nōrint* наряду с *nōvērunt*, *nōvērant*, *nōvērint* (от perf. *nōvī* «знаю»), а также другие подобные им формы были скопированы с типа *dēlērunt*, *dēlērant*, *dēlērint*; в свою очередь, тип *nōvērunt*, *nōvērant*, *nōvērint* должен был содействовать восстановлению полных форм *dēlēvērunt*, *dēlēvērant*, *dēlēvērint*. Здесь уместно вспомнить приведенное в § 36 свидетельство грамматика Сервия, согласно которому поэты скандировали *audiūt*, тогда как в прозе мы находим *audiūt*. Следовательно, для 3 л. ед. ч. perf. от *audiō*, равно как и для 1 л., существовало по три формы: 1) *audiūt*, *audiūt*, происшедшие из *audīvīt*, *audīvīt* в результате выпадения *v* и сокращения первого из двух *i* согласно правилу: «*vocalis ante vocalem corripitur*»¹; 2) *audīvīt*, *audīvīt*, восстановленные по образцу, с одной стороны, *audīvīstī*, *audīvīstīs*, *audīvērunt*, а с другой — *amāvīt*, *amāvīt*, *dēlēvīt*, *dēlēvīt*, где фонетика требовала сохранения *v*; 3) *audīt*, *audīt*, результаты компромисса между типами 1 и 2. Народный язык пошел даже дальше этого и создал в подражание типу *audīt* perf. на -āt от глаголов первого спряжения, например: *amāre* «любить», *cantāre* «петь». Грамматик Проб (*GL*, IV, 160, 14 и 182, 11) исключает употребление *probāt* и *calcāt* как perf. от *probāre* «одобрять, испытывать» и *calcāre* «топтать», и в надписях эпохи империи мы встречаем *laborait* (*CIL*, X, 216), *dedicait* (*CIL*, VIII, 5667). К *amāt*, *cantāt* восходят также формы 1 л. ед. ч. простого прошедшего времени в романских языках: франц. *j'aimai*, *je chantai*, итал. *amai*, *cantai* (тогда как формы 3 л. ед. ч. франц. *il aimait*, *il chantait*, итал. *amò*, *cantò* произошли от *amauit*, *cantaut*, представляющих собой результат изменения *amāv(i)t*, *cantāv(i)t*; см. § 8).

§ 57. В вульгарной латыни выпадение интервокального *v* распространилось на целый ряд слов, сохранивших его в литературном языке. В то время как образованное общество всегда говорило

¹ «Гласный перед гласным сокращается».

favilla «горячая зола», *favōnīus* «западный ветер», *pavīmentum* «мостовая», *rāvō* «павлин», *nōvember* «ноябрь», необразованные люди говорили *failla*, *faōnius*, *raimentum*, раб, *poember*. *failla* фигурирует среди вульгаризмов, осуждаемых Аппендицом Проба (*GL*, IV, 198, 8). *raimentum* встречается несколько раз в надписях эпохи империи (например, *CIL*, VI, 122, 219, 17524), где засвидетельствовано также *faonius* (*CIL*, V, suppl. ital. 204 и VIII, 26652) и (*nonas*, *idus*) *noembres* (*CIL*, VI, 2120, 8775). В магических таблетках II в. н. э., найденных в Сусе, древнем Гадрумете (еще не опубликованных в *CIL*), мы находим *toēre* вместо *movēre* «двигать». *faōnius*, кроме того, подтверждается немецким заимствованием *Fōhn*. Город в верхней Италии, официальное название которого в древности было *Faventia*, в настоящее время называется *Faenza*. Франц. *raon*, *reug* происходят от лат. *rabnet*, *rabtem*. Во всех этих словах исчезновение -v- произошло в соседстве с губным согласным (p, f, m), и, вероятно, здесь есть причинная зависимость.

§ 58. Начиная приблизительно со второй половины I в., полугласный v превратился в звонкий спирант, совпадая, таким образом, с b, которое около этого времени также превратилось в спирант. См. по этому поводу эпиграфические свидетельства, собранные в § 42.

В дальнейшем спирант v в положении после l и после r перешел в губной смычный b, по крайней мере в некоторой части римских провинций. Это подтверждается не столько написаниями вроде *salbus* (*CIL*, VI, 31066) вместо *salvus* «невредимый», *serbus* (*CIL*, VI, 300) вместо *servus* «раб», которые могли быть и просто обратными написаниями (см. § 42), сколько свидетельствами грамматиков, романскими языками и формой некоторых латинских заимствований в германских языках. Аппендикс Проба (см. § 46) учит, что надо произносить *alveus* «корыто, русло», а не *albeus*, — указание, которое было бы беспредметным, если бы в начале IV в. в народе не было распространено произношение *albeus*. Нем. *Salbei* «шалфей» происходит от лат. *salbia*, народного дублета литературного *salvia*. *Corbus*, *cigr.* *bāre*, *verbēx* вместо *corgus* «ворон», *cigrāre* «искривлять», *vervēx* «баран» лежат в основе старофранц. *cogr* (с p, происшедшем из конечного b в конце слова; ср. современное франц. уменьшительное *cogveau*), франц. *courbēr*, *brebis* (где начальное b появилось вследствие ассимиляции прежнего v внутреннему b, подобно тому как во франц. *vergeaine* «вербена» внутреннее b лат. *verbena* ассимилировалось начальному v).

ДВОЙНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

§ 59. В тех случаях, когда артикуляция согласного вызывает особое напряжение органов речи и увеличение продолжительности промежутка между их напряжением и расслаблением, на слух создается впечатление разделенного

восприятия шума замыкания и размыкания. Мы говорим тогда о двойном согласном звуке. В письме обычно двойные согласные обозначаются удвоением знака простого согласного. Однако, с точки зрения физиологии речи, здесь нет двух отдельных звуков, а только удлиненная и усиленная артикуляция. Поэтому, когда римские грамматики учат, что в таких словах, как *assiduus* «усидчивый, постоянный», *siccus* «сухой», *currit* «бежит», *fallit* «обманывает», говорящий дважды подряд выполняет движения органов речи, характеризующие согласные *s*, *c*, *r*, *l*, то они были введены в заблуждение слуховым впечатлением и орфографическими навыками, и современная фонетика покончила с их ложным утверждением.

После этих разъяснений мы можем продолжать пользоваться термином двойного согласного, неточным, но удобным и общепринятым.

До начала II в. до н. э. латинские двойные согласные писались всегда одной буквой. Первые примеры графического удвоения мы находим в декрете Эмилия Павла, относящемся к 189 г. до н. э. (*CIL*, I², 614). Однако новая орфография приобретала общее признание довольно медленно. Еще в арбитражном постановлении братьев Минуциев от 117 г. до н. э. (*CIL*, I², 584) приблизительно две трети двойных согласных написаны одиночными буквами. У Феста (374, 5) по поводу слов *solitaaurilia*, рассматривавшегося некоторыми как сложное из *sollus* и *taurus*, мы читаем: «*per unum l enuntiari non est mirum, quia nulla tunc geminabatur littera in scribendo; quam consuetudinem Ennius mutavisse fertur, utpote Graecus Graeco more usus*»¹.

УДВОЕНИЕ ПРОСТЫХ СОГЛАСНЫХ

§ 60. В ряде латинских слов согласный звук, особенно глухой смычный, находясь в положении между двумя гласными, из которых первый был долгим и носил ударение, удваивался при одновременном сокращении предшествующего ему гласного. Объяснение этого явления затруднено

¹ «Неудивительно, что *solitaaurilia* выражается через одно *l*, потому что тогда в письме не удваивалась ни одна буква; этот обычай, говорят, изменил Энний, воспользовавшись, как грек, греческим методом».

прежде всего тем, что оно было, повидимому, совершенно спорадическим, а также тем, что почти всегда первоначальная форма с простым согласным и долгим гласным оставалась в употреблении наряду с позднейшей формой, имеющей двойной согласный и краткий гласный. Здесь перед нами очень сложная проблема, которая еще ждет своего разрешения.

Примеры:

Jūppiter наряду с Jūpiter.

lītterra «буква» наряду с lītera (leiteras читаем в Lex repetundarum 123—122 г. до н. э.; CIL, I², 583).¹

lītlus, -oris, «морское побережье» наряду с lītus.

mītō «пускаю, посылаю» из *mītō, *meitō;

cp. perf. mīst из mīsst, meisst, *meit-st (см. §§ 65 и 73; remeisserit, re promeisserit, CIL, I², 592).

bācca «ягода» наряду с bāca.

mīccus «сопля» наряду с mīcūs.

sīccus «сою» наряду с sūcūs.

Vārrō наряду с Vārus.

§ 61. Удвоение, о котором мы здесь говорили, не следует смешивать с так называемым «экспрессивным» удвоением — морфологическим процессом, заключавшимся в том, что простой согласный, находившийся между гласными и непосредственно после ударения, заменялся иногда двойным согласным независимо от количества предыдущего гласного и без его сокращения в том случае, если он был долгим. Возьмем, например, слово nāsus «нос», в котором -s- было незатронуто ротацизмом, потому что в то время, когда латинские интервокальные -s- переходили в -r-, произносили nāssus (см. § 47; nassus читаем у Плавта, Merc., 310, в амброзианском палимпсесте). Сравнение с nārēs «ноздри» <*nāsēs показывает, однако, что nāssus не могло иметь первоначально -ss-. Необходимо, следовательно, допустить, что в определенный момент -s- первоначальной формы *nāsos должно было подвергнуться удвоению. Но единственным основанием для этого мог быть аффективный оттенок рассматриваемого слова, что подтверждается, между прочим, многочисленными синонимами, имеющимися для него во французском арго. Удвоение не повлияло на количество коренного гласного, кото-

рый остался долгим, как это видно из того, что в начале эпохи империи *-ss-* снова упростилось. Это упрощение произошло в силу закона, сформулированного в § 65, и не наступило бы после краткого гласного. Сопоставим теперь архаическое прилагательное *sollus* «цельный» (рано вышедшее из употребления как простое слово, но сохранившееся в составе сложных слов, например *sollers* «искусственный», буквально — «владеющий полным искусством») с *solidus* «плотный». В этом случае мы также имеем дело с экспрессивным удвоением. Смысл слова *sollus* заставлял произносить его с особой силой, чем и было вызвано удвоение *l*. То же можно сказать и о слове *vortus* «обжора» (известном только из словарей, но широко распространенном, вероятно, в разговорном языке) при сопоставлении его с *vōrō* «поглощаю». На конец, в следующих словах, не имеющих этимологии, двойной согласный также связан, повидимому, с их экспрессивным характером: *al̄ta* «папа» — слово, которым пользовались дети как обращением к отцу, *buccae* «толстые щеки», *bulla* «пузырь», *gutta* « капля», *gibba*, *gibbus*, *gibber* «горб», *gibber* «горбатый», *lippus* «подслеповатый».

§ 62. *Crocodillus*, *camēllus* — дублеты слов *crocodillus* «крокодил», *camēlus* «верблюд» — и *loquēlla*, *querēlla* наряду с *loquēla* «речь, язык», *querēla* «жалоба», так же как и примеры в § 60, обнаруживают удвоение интервокального согласного после ударного слога с сокращением предшествующего долгого гласного; однако удвоение в этом случае объясняется другой причиной. *Crocodillus*, *camēllus*, *loquēlla*, *querēlla* не созданы фонетическим развитием: они объясняются заменой малоупотребительного суффикса другим, более распространенным.

УПРОЩЕНИЕ ДВОЙНЫХ СОГЛАСНЫХ

§ 63. Каждый двойной согласный переходил в простой в следующих случаях:

1. После краткого гласного предударного слога, если ударный слог был долгим по природе или по положению.

Примеры:

cānalis «трубка, канал», производное от сainia «тростник, трубка».

cūrūlis «колесничный, курульный» (sellā cūrūlis, согласно сообщению Авла Геллия, N.A., III, 18, 4, было первоначально названием помещенного на колеснице кресла, сидя в котором ехал в курию сенатор, занимавший одну из высших магистратур), производное от currus, -ūs, «колесница».

fārīna «мука», производное от fār (< *farr согласно п. 4), род. п. farris, «полба, мука».

sācellus «сумка, кошелек», уменьшительное от saccus «мешок, сума, кошель».

ōfella уменьшительное от offa «лепешка».

ōmittō «опускаю, пропускаю» из *ommittō, происшедшего в свою очередь из *ormittō, *obmittō (согласно §§ 69 и 75).

Как и можно было предполагать, аналогия повела к восстановлению двойного согласного во многих словах этого типа. Ср., например, gallīna «курица» вместо *gālīna (след которого сохранился, возможно, в франц. диалектном geline) по аналогии с gallus «петух»; serrātus «зубчатый» вместо *sērātus, по аналогии с serra «пила»; innoxius «безвредный» вместо *innoxius, по аналогии с innocuus с тем же значением (сохранившего свое -nn-, потому что согласный ударного слога был краткий).

2. Перед согласным.

Примеры:

pergō «продолжаю идти далее» из *perrgō, *perr(ē)gō (per + regō; о синкопе см. § 20).

aspīrō «благоприятствую, помогаюсь» из *asspīrō, происшедшего в свою очередь из *atspīrō, adspīrō (ad + spīrō, см. § 73).

discindō «разрываю, раскалываю» из *dissecindō (dis + scindō).

dispiciō «рассматриваю, различаю» из *disspiciō (dis + speciō; об изменении гласного см. § 15, п. 16).

distō «нахожусь на расстоянии» из disstō (dis + stō).

Аналогические образования: accrēscō «прирастаю, возрастаю», attrahō «привлекаю», opprimō «подавляю» по ана-

логии с *accumulō* «нагромождаю», *attenuō* «уменьшаю, ослабляю», *oppetō* «устремляюсь на». Написания *discindo*, *disspicio* и т. д., рекомендуемые некоторыми римскими грамматиками, искусственны и основаны не на действительном произношении, а на этимологических соображениях; см. по этому поводу у Кассиодория: «*disspicio* verbum... per duo s scribendum est, non per unum, quoniam ex praepositione et verbo constat esse compositum, quemadmodum est **conspicio**, **aspicio**, **despicio**, ac per hoc per duo s *disspicio* scribi debet et ita dividi: **dis** et **spicio**»¹ (*GL*, VII, 205, 18 и сл.).

3. После согласного.

Примеры:

concīdī, perf. от *concīdō* «падаю, обрушиваюсь», из **concecidī*, **conc(ē)cīdī* (см. § 20).

corculum «сердечко» (употребляется преимущественно в ласкательном значении) из **coreculom*; первоначальная форма **cordculom* (ср. *cord-is*, род. п. от *cor* «сердце»), откуда **cortculom* (согласно § 68), далее *corcculom* (согласно § 83).

ārstī, perf. от *ārdeō* «пылаю», из **ārssī*, происшедшего в свою очередь из **ārtstī*, **ārdsī* (см. §§ 73 и 68).

sēnstī, perf. от *sentiō* «чувствую, понимаю», из **sēnsstī*, происшедшего из **sentsī* (согласно § 73).

sarmētum «сук, ветвь» из **sarmētōm*; первоначальная форма **sarpmentōm* (от того же корня, что и *sarpō* «обрезаю», ср. русск. «серп»), откуда **sarbmentōm* (согласно § 68), далее **sarmētōm* (согласно § 75).

Двойной согласный восстанавливался в целях этимологической ясности в тех случаях, где префикс *ex* соединялся со словом, начинающимся с *s*. Так, *exsatiō* «вполне удовлетворяю», *exsolvō* «освобождаю, выплачиваю», *exsōmnis* «разбужденный» фонетически дали **exatiō*, **exolvō*, **exomnis*, но так как упрощение двойного согласного затемняло этимологическую структуру этих слов, то от этих форм вернулись, по крайней мере в орфографии, к *exsatiō*, *exsolvō*, *exsōmnis*. По той же причине **exculpō*

¹ «Глагол *disspicio* надо писать с двумя *s*, а не с одним, так как несомненно, что он состоит из предлога и глагола подобно *cōspicō*, *aspicō*, *dēspicō*; поэтому *disspicio* должно писаться с двумя *s* и разлагаться на *dis* и *spicō*».

«вырезаю резцом», **expoliō* «снимаю доспехи с, обираю», **extrīō* «выстраиваю», представляющие правильные формы, которые *exsculpō*, *exspoliō*, *exstrīō* приняли в силу законов, сформулированных в пп. 2 и 3, вновь пришли в результате «рекомпозиции» к *exsculpō*, *exspoliō*, *exstrīō*, тем более что **expoliō* из *exspoliō* смешивалось с *expoliō* «тщательно полирую», производным от *ex* и *poliō*, а **exculpō* из *exsculpō* могло быть принято за производное от *ex* и *culpō* «обвиняю».

4. В конечном положении.

Примеры:

es «ты есть» из *ess* (es-s, 2 л. ед. ч. indic. praes. от *es-se*,

как *amā-s* — 2 л. ед. ч. indic. praes. от *amā-re*). *ős* «кость» из *oss*, ср. род. п. *ossis*.

mīles «воин», *custōs* «сторож» из *mīless*, **custōss*, происшедших в свою очередь из **mīlets*, **custōds*; ср. род. п. *mīlītis* (<**mīlētis* согласно § 15, п. 16), *custōdis* (-ts-, -ds- >ss согласно § 73).

dēns «зуб», *ferēns*, part. praes. от *ferō* «несу», из **denss*, **ferenss*, первоначально **dents*, **ferents*; ср. род. п. *dentis*, *ferentis*. В словах этого типа упрощение двойного согласного соответствует одновременно правилам пп. 3 и 4.

fel «желчь», *mel* «мед» из **fell*, **mell*; ср. род. п. *felis*, *mellis*.

far «полба, мука», из **farr*; ср. род. п. *farris*.

ter, наречие, «трижды» из *terr*; ср. *teruncius* «монета в три унции, четверть асса».

sacer «священный», *ācer* «острый» из **sacerr*, **ācerr*; первоначальные формы **sacros*, **ācris*, перешедшие в **sacers*, **ācers* и далее в **sacerr*, **ācerr* (согласно § 24, п. 2, и § 80).

Конечное s в словах типа *es*, *ős*, *mīles* в архаическом языке никогда не исчезало, как это наблюдалось в словах *amīcus* «друг», *cīvis* «гражданин», *manus* «рука» (см. § 48). До тех пор, пока конечное s могло в просодии не учитываться, двойной согласный в *ess*, *oss*, *mīless* не перешел еще, следовательно, в простое s, а если даже такой переход и имел место, то во всяком случае воспоминание об этом двойном s было настолько живо, что различие между обеими разновидностями -s сохранялось.

Действительно, в архаическом стихосложении мы находим многочисленные следы двойного согласного. У Плавта *ës* и *miles* перед словом, начинающимся с гласного, всегда считаются: первое за долгий слог, второе — за спондей, что, учитывая краткость *e* в обоих случаях, можно объяснить только произношением *ess*, *mless*. Ср., например:

Amph., 836 (трокеический септенарий):

«mulier **es**, audacter juras.—quaе non deliquit, decet»;
— ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ —

Aul., 528 (ямбический сенарий):

«**mi!es** impransus astat, aes censem dari».
— ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ —

Точно так же *tēr* перед гласными составляет долгий слог; см. Bac., 1127 (бакхический тетраметр):

«rerin **ter** in anno tu has tonsitari?».
— ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ —

Однако, с другой стороны, в многосложных словах типа *lībēr* Плавт признает только краткую скандовку конечного слога перед гласным; см., например, Bac., 82, где трохеический септенарий оканчивается словами *liber est* (— ∕ —). У Теренция *ës* встречается еще в качестве долгого слога, но *adës* и *potës* перед гласными считаются за пиррихий. Ср.:

Heautontim., 707 (ямбический септенарий):

«satin sanus **es** aut sobrius? tu quid(em) illum plane perdis»;
— ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ —

Hec., 510 (ямбический сенарий):

«Phidipp(e) **ades**, audi paucis. abiit. quid mea?».
— ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ —

Начиная с Энния, просодия поэтов предполагает произношение *ës*, *miles*, *tēr* и т. д. с простым согласным в конце. Однако *hōc*, им.-вин. п. ед. ч. ср. р. от *hīc* «этот», произшедшее из **hōdcē*, которое изменялось последовательно в **hōccē*, *hōcc* (согласно §§ 83 и 24, п. 1), имело и перед гласным значение долгого слога в латинской поэзии всех времен. Следовательно, *hōc* никогда не переставало произноситься в этом положении *hōcc*. Ср. начало гекзаметра у Вергилия: «*hoc erat*» (Aen., II, 664), «*hoc illud*» (*ibid.*, IV, 675), «*hoc opus*» (*ibid.*, VI, 129), или у Проперция (III, 18, 21):

«sed tamen **hoc** omnes, huc primus et ultimus ordo».
— ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ — ∕ —

Изложенные факты показывают, что упрощение произошло неодновременно у всех конечных двойных согласных и что односложные слова оказывались при этом более устойчивыми, что согласуется с большей сопротивляемостью односложных слов и другими изменениями (см. §§ 44 и 52). Если *hōc* всегда сохраняло конечный двойной согласный в положении перед гласным, то это несомненно потому, что оно тесно связывалось со следующим словом, и, таким образом, его *ss* приравнивалось к такому, находящемуся в середине слов, которое сохранялось после краткого гласного (см. § 64). Впрочем, распространен и такой взгляд, что переход *ess*, *mīles*, **fell*, **farr*, **līberr* и т. п. в *es*, *mīles*, *fel*, *far*, *līber* был фонетическим только перед словом, начинающимся с согласного, и в паузе, то есть в конце фразы, тогда как перед гласным началом следующего слова конечный двойной согласный, которому предшествовал краткий гласный, оставался неизменным, как в середине слова. В этом случае появление конечных простых согласных в положении перед гласным должно было бы приписываться аналогическому распространению.

§ 64. Двойные смычные подвергались упрощению после долгого гласного и после дифтонга.

Примеры:

sēdulō «добросовестно» из **sēd* *dolōd* «без обмана» (см.

§ 15, п. 2, и § 44 б; предлог *sēd*, выражающий разделение, тот же, что и в слове *sēd-itiō* «мятеж», собственно «расхождение»).

sēcubō «лежу отдельно» из **sēccubō* (<**sētcubō*, **sēd-cubō* согласно § 83).

sēparō «отделяю» из **sēpparō* (<**sētparō*, **sēdparō* согласно § 83).

praecō «глашатай» из **praeccō* (<**praetcō*, **praed(i)cō* согласно §§ 20 и 83; связано с *praedicāre* «объявлять»).

После краткого гласного, наоборот, двойной смычный всегда сохранялся; см. примеры в § 83.

§ 65. -*ss-* также упрощалось после долгого гласного и после дифтонга, однако в этом случае простой согласный стал общепринятым только к началу эпохи империи (ср. Квинтилиан, *Instit. orat.*, I, 7, 20; цитировано выше

в § 47). Обычным правописанием Цицерона и Вергилия было *causa* «причина, дело», *cassus* «падение, случай», *dīvīssio* «разделение»; другие примеры -ss- после долгого гласного или дифтонга в языке республиканской эпохи см. в § 47. *caussa* сохранялось наряду с *causa*, повидимому, в течение всего I в.; объясняется это тем, что *caussa* было термином юридического языка, склонного к архаизмам. В противоположность этому Квинтилиан и его современники употребляют только формы *cāsus*, *dīvīsō*. Поэтому было бы желательно, чтобы издатели исключили из текстов Цицерона, Цезаря и Вергилия написания типа *casus*, *divisio*, *causa*, представляющие общепринятую в настоящее время орографию, и заменили их написаниями *caessus*, *divissio*, *caussa*.

После краткого гласного, наоборот, двойной согласный -ss- никогда не изменялся. Таким образом, мы имеем *pāssus*, *part.* *perf.* от *pātior* «претерпеваю», из **pāt-tos* (см. § 90), *gēsēt*, *perf.* от *gērō* «ношу» (<**gēsō* согласно § 47), *dīssimilis* «непохожий» (*dis*+*similis*) и т. п. Отсюда следует, что если латинское слово эпохи империи, этимология которого неизвестна, содержит -ss-, то можно с уверенностью сказать, что предшествующий гласный был краткий. Исключение составляют формы *inf. perf.*, условно называемые «сокращенными», типа *amāsse*, *dēlēsse*, *audīsse*, которые сохраняли -ss- после долгого гласного, очевидно под влиянием их «полных» дублетов: *amāvīsse*, *dēlēvīsse*, *audīvīsse* (см. § 56). Однако мы располагаем ценным свидетельством Велия Лонга (*GL*, VII, 79,20 и сл.), согласно которому в I в. н. э. грамматик Нис выступал в пользу орографии *consuēse*; это доказывает, что фонетически закономерные формы этих инфинитивов, хотя и не получили преобладания, все же существовали в известной степени наряду с аналогическими формами.

§ 66. Двойные носовые и плавные в положении после краткого гласного оставались неизмененными; ср. *sūmmus* превосходная степень «высший» (<**sūrmos* согласно § 75; краткость и подтверждается сравнительной степенью *sūperior*), *ānnus* «год» (краткость а доказывается его качественным изменением в *biennium* «двуухлетие»), *vēlē* «хотеть», *fērre* «нести» (<**vēlse*, **fērse* согласно § 80; ср. *vēlim*, *conj. praes.*, *fēr*, *imper.*). Характер трактовки после долгого глас-

ногого и после дифтонга установить трудно. Для **нк-** и **нг-** надежных примеров нет. Е иногда рассматривается как долгое в слове *terra* «земля» на основании оскск. *teerít* «участок», однако ее(=ē) этого оскского слова вызвано, повидимому, вторичным удлинением (оскские надписи дают также *terúm* и *teras* «terrae»); наоборот, лат. *extorris* «изгнаник» (см. § 38) говорит скорее в пользу *tērra* с кратким е. В качестве примеров упрощения **-mm-** в **-m-** после долгого гласного и после дифтонга можно привести следующие:

glūma «корка, шелуха» из **glūmna*, **glūbma* (*glūbō* «очищаю кору»; см. § 75).

rāmentum «стружки, опилки» из **rāmmmentum*, **rādmentom* (*rādō* «скоблю»; см. § 75).

caementum «щебень» из **caemmentum*, **caedmentom* (*caedō* «разбиваю»; см. § 77).

Эволюция **-ll-** на первый взгляд представляется иной, но возможно, что и этот случай сводится к предыдущему.

Приведем основные данные, относящиеся к этому вопросу.

а) Положение после долгого гласного:

mīllē «тысяча» (постоянное написание; долгота ī подтверждается романскими языками). Множественное число *mīlia*, которого требовал Плиний Старший в своих «*Dubii sermonis libri*» (по свидетельству Помпея, *GL*, V, 185, 16 и сл.) преобладает в надписях, хотя наряду с ними часто встречается и написание *millia*, особенно в *Monumentum Ancyranum*, политическом завещании императора Августа (*CIL*, III, 769, а также *CIL*, I², 1216; IX, 2345, 6075; X, 5056; XIV, 2121, 3608 и др.), а также *milliarium* (*CIL*, VI, 1256, 10234; X, 1064 и др.).

vīlla «вилла» (ī подтверждается романскими языками), но почти всегда *vīlicus* «управляющий» (очень часто в надписях, где написание *vīlicus* почти не встречается).

vīlīum «винцо» из **vīn(ē)lom* (см. §§ 20 и 78).

stēlla «звезда» (ē подтверждается романскими языками), но *stēliō* «ящерица с похожими на звезды пятнами на спине» (написано с одним l у Вергилия, *Georg.*, IV, 243, в *codex Mediceus*, и у Феста, 412, 5, в *codex Farnesianus*).

rallīum «скребок» (засвидетельствовано один раз у Пли-

ния Старшего, Hist. nat., XVIII, 179) из *rādlom (rādō «скребу», см. § 77).

согólla «веночек» из *corōn(é)la (см. §§ 20 и 78).

ūllus «какой-либо» из *oin(é)los (производное от oinos, перешедшего в ūnis согласно § 31; см. §§ 20, 31 и 78).

б) Положение после дифтонга:

caelum «резец» (постоянное написание в рукописях), возводимое обычно к *caellum, *caidlom (caidō>caedō «режу»; см. §§ 30 и 77).

aula «горшок»; встречается только в рукописях, где почти всегда пишется с одним l. Некоторые следы написания aulla сохранились в амброзианском палимпсесте Плавта (Mil. glor., 856) и в codex Marciānus Катона Старшего (De agric., 52,1 и 87); однако в некоторых местах эта рукопись, в настоящее время потерянная, давала auſa. Вульгарный дублет ūlla, частый в надписях в значении «погребальная урна», обычно имеет -ll-, но встречается и ūla.

paulum, paulō, наречие, «немного». Обычное написание с одним l; paullum (CIL, I², 1211), paullō (CIL, VI, 859; 168 г. до н. э.).

Paulus, Paula и Paullus, Paulla, несомненно тождественные с вышедшим из употребления прилагательным, лежащим в основе наречия paul(l)um, paul(l)ō, одинаково часто встречаются в рукописях; напротив, число эпиграфических примеров для Paulinus, Paulina значительно больше, чем для Paullinus, Paullina.

Обычно допускают, что -ll- сохранялось без изменения после долгого гласного, за исключением одного случая, когда оно находилось перед i и, как и в положении после дифтонга, фонетически переходило в -l-. Но если бы это было действительно так, то трудно было бы объяснить, почему -l- трактовалось различным образом после долгого гласного и после дифтонга, тогда как -tt- упрощалось в -t- одинаково и в том и в другом положении. Непонятно было бы и то, почему в надписях мы находим приблизительно одинаковое количество примеров для Paullus, Paulla и для Paulus, Paula, тогда как написание Paulinus, Paulina явно преобладает над написанием Paullinus, Paulina. Казалось бы естественным, чтобы -ll- трактовалось всюду как -tt-, то есть переходило в -l- одинаково как после дифтонга, так и после долгого гласного. Тот взгляд,

что такова и была в действительности трактовка -ll-, является вполне обоснованным. Мы знаем, что ll всегда имело палатальный тембр, в то время как простое l было палатальным только перед i (см. по этому поводу §§ 15 и 26). Поэтому, если -ll- упрощалось, сохраняя свой палатальный характер, орфография могла отразить это упрощение только в таких случаях, как *mīlia*, *vīlicus*, *stēliō*, где i, следующее за l, указывало на его палатальную окраску. Напротив, такие написания, как **mīle*, **vīla*, **stēla*, **rāllum*, были бы неправильны, потому что l перед e, a, и произносилось с велярным тембром. Возможно, следовательно, что в *mīle*, *vīlla*, *stēlla*, *rāllum* и т. п. -ll- было сохранено как обозначение не двойного l, а простого палатального l¹. Правда, при этом приходится предположить, что в *caelum* «резец», *aula*, *paulum*, *paulō*, *Paulus*, *Paula* -l- не восходит к древнему -ll-, потому что в противном случае, произнося *caelum*, *aula* и т. д. с простым -l-, продолжали бы писать **caellum*, *aulla* и т. д., как *mīle*, *vīlla*, *stēlla*. Но *caelum* и не должно непременно восходить к **caellum*, **caid-lom*; первоначальной формой могло быть и **caid-slom*, перешедшее последовательно в **caits-lom*, **cais(s)lom*, **caizlom*, *caelum* (согласно §§ 68, п. 1; 73, 63, п. 2; 69 и 96);ср. *pālus* «кол» из **pāg-slos* (*pangō* «втыкаю», корень *pāg*; ход изменения: **pāgslos* > **pācs-los* > **pāslos* > **pāzlos* > *pālus* согласно §§ 68, п. 1, и 101²).

Указанное происхождение несомненно для *aula* и для *paulus* (подтверждаемого наречиями *paulum* и *paulō* и собственным именем *Paulus*), которые происходящие от них уменьшительные *auxilla* «olla parvula» (Павел Диакон, 23,8) и *rauxillus* «маленький» позволяют возвести к **auxīla*, **raux-*

¹ Приняв даваемое здесь объяснение написаний *mīle*, *vīlla* и т. д., пришлось бы допустить, что мягкое (палатализованное) l в этих случаях было не оттенком фонемы l, а самостоятельной фонемой. Отсутствие в латинском языке случаев фонологического противопоставления твердого и мягкого l, помимо устанавливаемого здесь предположительно *aula* «аула»: *aulla* «ауля», делает это маловероятным. (Прим. пер.)

² Правда в этом случае *glūma*, *rāmentum*, *caementum*, возводимые обычно к **glūb-mā*, **rād-mentom*, **caid-mentom* (см. выше), могли бы быть производными также и от **glūb-sma*, **rād-smentom*, **caid-smentom*; но в этом случае они не могли бы уже служить доказательством упрощения -mm- после долгого гласного и после дифтонга. (Прим. автора.)

los (то есть *auc-slā, *pauc-slos; ход изменения: *aucslā, *paucslos > *auslā, *pauslos > *auzīā, *pauzlos > aula, paulus, где нет места для -ll-). Но если aula и paulum, paulō, Paulus, Paula никогда не имели -ll-, то как можно объяснить написания aulla, paullum, paullō и особенно Paullus, Paulla? Здесь возможны два объяснения. В paullum, paullō, Paullus, Paulla можно видеть экспрессивное удвоение (см. сказанное об этом в § 61). Что же касается aulla, то в нем естественно видеть уменьшительное от aula. В тот момент, когда aula произносилось еще как *auxlā, от него было произведено уменьшительное auxilla < *auxl-(ē)lā (см. § 20). Но после того, как *auxlā изменилось в aula и тем самым довольно далеко отошло от auxilla, возникла потребность в новом уменьшительном, связь которого с исходным aula была бы более прозрачной; таким новым уменьшительным могло быть только *aulēla, перешедшее затем в aulla в результате синкопы внутреннего ё.

С этого времени рядом оказались первоначальные aula и уменьшительное aulla, произносимые оба как aula с простым l (поскольку -ll- упрощалось после дифтонга так же, как и после долгого гласного), но первое с l велярным, второе с l палатальным. Подобное же объяснение возможно, разумеется, и для paullum, paullō, Paullus, Paulla. Написания millia, villicus, в которых -ll- как обозначение палатальности было излишним, вызваны, очевидно, аналогическим влиянием mille, villa, иначе говоря, стремлением привести к единообразию орфографию в родственных словах.

Франц. étoile «звезда» свидетельствует о произношении stēla с простым l (ср. toīle от лат. tēla «ткань»); то же можно сказать и о прованс. estela и о ретороманск. štaīla, что подтверждает наше предположение о судьбе лат. -ll- после долгого гласного. Однако, с другой стороны, итал. stēlla, исп. estrella и рум. steā (как и ūa от лат. sella «сидение», тогда как лат. tēla представлено в румынском через teārá) дают основание полагать, что в соответствующих областях римской империи stēlla не только писалось, но и произносилось с двойным l. Это кажущееся противоречие объясняется, вероятно, воздействием орфографии на произношение: постоянно употребляя в письме двойное l, его стали в конце концов и произносить.

ГРУППЫ СОГЛАСНЫХ

А. Группы из двух согласных

I. АССИМИЛЯЦИЯ

§ 67. Когда два согласных звука стоят рядом, их артикуляционные особенности сглаживаются: или артикуляция второго полностью, либо частично предвосхищается в момент произнесения первого, или артикуляция первого по своего рода инерции полностью или частично переносится на второй. Это явление известно под названием **ассимиляции**. Ассимиляция может затрагивать звонкость, способ артикуляции и место артикуляции. Она называется **прогрессивной** или **ретрессивной** в зависимости от того, воздействует ли первый из двух согласных на второй или второй на первый. В латинском языке ретрессивная ассимиляция встречалась гораздо чаще, чем ассимиляция прогрессивная.

а) Ассимиляция по звонкости

РЕТРЕССИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ

§ 68. Звонкий согласный становился глухим перед глухим смычным или глухим спирантом; с другой стороны, глухой смычный и глухой спирант озвончались перед звонким смычным.

Результаты действия этого закона восходят к индоевропейской эпохе, но он постоянно проявлялся и в ходе частного развития различных языков, составляющих индоевропейскую группу. В латинском языке результаты ассимиляции оказываются скрытыми, то есть затемненными последующими изменениями.

Примеры:

- 1) *āctus*, *tēctus*, part. perf. pass. от *āgō* «гоню», *tēgō* «покрываю» (объяснение долготы коренного гласного в *āctus*, *tēctus* см. § 35, п. 3).
- нūpst̄, scrīpst̄, perf. от нūbō «выхожу замуж», scrībō «пишу».
- *dēsēts «бездейственный» (перешедшее в *dēsēss, dēses согласно §§ 73 и 63, п. 4) из *dēsēds, ср. род. п. dēsidis (с изменением гласного согласно § 15, п. 1б).

2) *abducō* «увожу» наряду с *aperiō* «открываю» (**ap-veriō*; утраченный простой глагол *veriō* происходил от основы *vero-* «дверь», сохраненной в оскском и умбрском языках).

obdō «подставляю, подвергаю» наряду с *operiō* «закрываю» (<**op-veriō*).

**izdem* «тот же» (перешедшее в *idem* согласно §§ 96 и 35, п.1) из **isdem* (*is+dem*).

Другие примеры скрытой ассимиляции по звонкости приводятся в главах, где рассматриваются ассимиляция по способу артикуляции (§ 71 и сл.) и выпадение *s* перед непосредственно следующим за ним звонким согласным (§ 96).

Если в обычной орфографии глухой смычный или *s* (глухое само по себе, так что звонкий спирант *z* был только формой, принимаемой глухим *s* в определенных условиях) следовал за звонким смычным, как, например, в *obtineō* «получаю, занимаю», *subtilis* «тонкий», *plēbs* «плебс, народ», *urbs* «город», то в этом случае отмеченный выше принцип был нарушен лишь графически. Действительно, свидетельства римских грамматиков с полной определенностью позволяют установить следующее произношение: *optineō*, *suptilis*, *plēps*, *urps*; ср. Квинтилиан: «*quaeri solet in scribendo praepositiones, sonum quem junctae efficiunt an quem separatae observare conveniat, ut cum dico optinuit (secundam enim b litteram ratio poscit, aures magis audiunt p)*»¹ (*Instit. orat.*, I, 7, 7). Едва ли нужно пояснить, что под «*ratio*» в этом месте у Квинтилиана подразумевается «аналогия»: *obtineo*, *subtilis* писали по образцу *obduro* «упорствую, проявляю твердость», *subdolus* «коварный», а *plebs*, *urbs* — по образцу косвенных падежей *plebis*, *plebi*, *urbis*, *urbi* и т. д. Впрочем, мы встречаем нередко и засвидетельствованные фонетические написания, отвергаемые школьным преподаванием; ср., например, *optinui* (*CIL*, I², 1570), *optulit* (*CIL*, XII, 1783), *opsides* (*CIL*, I², 7), *apsolvere* (*CIL*, I², 756), *suftillissima* (*CIL*, VI, 9797), *pleps* (*CIL*, VI, 909, 910; XI, 4087; XII, 4333).

¹ «Обычно при написании предлогов возникает вопрос, какого из звуков следует придерживаться: того, который проявляется в соединении, или того, который произносится в отдельности; например, когда я говорю *optinuit*, рассуждение требует написания на втором месте буквы *b*, а уши скорее воспринимают *p*».

§ 69. Глухие смычные и s перед носовыми изменились в соответствующие звонкие; кроме того, s изменилось также перед дрожащим г и боковым l.

Эти два закона, в отличие от сформулированных в предыдущем параграфе, не относятся к индоевропейской древности, а свойственны особому развитию латинского языка, причем результаты их действия чаще всего оказываются скрытыми.

Примеры:

segmentum «отрезок» из *secentom, производного от корня глагола secō «режу».

*sōpnos «сон» (перешедшее в somnus согласно § 74) из *sopnos; ср. sopor «глубокий сон».

*prīzmos «первый» (перешедшее в prīmus согласно § 96) из *priſmos; ср. priſcus «прежний».

*dīzruō «разрушаю» (перешедшее в dīruō согласно § 96) из *dīſruō (dīſ+ruō).

*prēzlom «пресс» (перешедшее в prēlum согласно § 96) из *prēſlom; ср. prēz-st̄, perf. от prēmō «давлю».

Формы, отмеченные звездочкой, не засвидетельствованы, но физиологический анализ речи показывает, что таковы должны были быть промежуточные этапы между отправным и конечным пунктами эволюции рассматриваемых слов. Действительно, такая группа, как -rp-, не могла перейти в -tp- без предварительного преобразования глухого р в звонкий b.

Озвончение s перед г происходило только в тех случаях, когда группа sr была относительно недавнего происхождения, как в приведенном примере *dīſruō > *dīzruō, dīruō. Действительно, глагольные префиксы были когда-то самостоятельными словами, и латинский язык сохранил в историческую эпоху по крайней мере следы этого первоначального состояния; ср. ob vōs sacrō, sub vōs placō, trānsque datō, endoque plōrātō, употреблявшиеся, согласно Фесту (206,17 и сл.; 402, 30 и сл.), в архаической латыни в смысле obsecrō vōs, supplicō vōs, trāditōque, implōrātōque; ср. также у Энния (Ann., 381): dē mē hor(i)tātur вместо dēhortātūr mē. Когда соседство s со следующим за ним г восходило к древнему времени, ход развития был другой; см. § 94 по поводу типа fūnebris «погребальный» <*fūnesris.

ПРОГРЕССИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ

§ 70. Прогрессивная ассимиляция всегда бывает скрытой. Глухой спирант *s* под влиянием предшествующего ему дрожащего или бокового заменялся звонким спирантом *z*.

Примеры:

**ferze* «нести» (перешедшее в *ferre* согласно § 80) из **ferse*; ср. *esse* «быть».

**velze* «хотеть» (перешедшее в *velle* согласно § 80) из **velse*.

Другие примеры см. в § 80.

б) Ассимиляция по способу артикуляции

§ 71. Здесь мы должны ограничиться только рядом примеров, с одной стороны, потому, что ассимиляция по способу артикуляции была обычным явлением в латинском языке, а с другой — потому, что во многих случаях оказывается невозможным без помощи других индоевропейских языков определить элементы, составляющие группу, которая подверглась ассимиляции по способу артикуляции. Так, -*ll*- в слове *collum* «шея» может теоретически восходить к группам -*dI-*, -*nI-*, -*rI-*, -*lId-*, -*lIn-*, -*lv-*, -*ls-*, и только сравнение с немецким *Hals* позволяет установить, что в действительности оно восходит к -*ls-*.

Если из двух смежных гласных один был глухим, а другой звонким, то ассимиляции по способу артикуляции предшествовала ассимиляция по звонкости согласно законам, изложенным в §§ 68, 69 и 70. Появившийся вследствие ассимиляции по способу артикуляции двойной согласный переходил в простой во всех случаях, рассмотренных в §§ 63—66. Напомним, однако, что двойной согласный, упростившийся (согласно § 63, п. 1) после краткого гласного предударного слога, если ударный слог был долгим по природе или по положению, в большинстве случаев был восстановлен по аналогии.

РЕГРЕССИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ

Смычный + спирант

§ 72. Группы, состоящие из губного, зубного или палатального и следующего за ними *f*, изменились в *ff*. Таким образом, ассимиляция по способу артикуляции сочеталась

здесь с ассимиляцией по месту артикуляции: смычные трех рядов не были заменены каждый соответствующим ему спирантом, а перешли в f.

Практически, однако, примеры имеются только для групп -pf-, -df-, -cf-:

-pf-
-df- > -tf- } > -ff-
-cf-

Примеры:

officīna «мастерская» из op(i)ficiṇa (opificiṇa встречается у Плавта, Mil. glor., 880);ср. также opifex «мастеровой».

offerō «предлагаю» из *op-ferō.

afferō «приношу» из adferō; промежуточный этап *atferō (см. § 68).

efferō «выношу, возношу» из ecferō (засвидетельствованного у Плавта; ср., например, ecferet (Aul., 664), ecferat (Capt., 457), ecferte (ibid, 658); тройная форма префикса ē-, ec-, ex- в точности соответствует такой же в ā-, ab-, abs- «от».

Аналогичные рекомпозиции: obferō, adferō, obfundō «рассыпаю навстречу», adfigō «прикрепляю к» представляют дублетные формы для offerō, afferō, offundō, affigō. offundō и affigō в свою очередь восстановлены по образцу offerō, afferō и других глаголов того же типа, так как единственными и фонетически закономерными формами были бы *öfundō, *äfigō (согласно § 63, п. 1). Произношение obferō, adferō, obfundō, adfigō было, разумеется, opferō, atferō, opfundō, atfigō; написания obferō, adferō, obfundō, adfigō имеют тот же характер, что и obtineō, subtīlis (см. § 68).

§ 73. Группа из зубного смычного со следующим за ним s перешла в ss:

ts
ds > ts } > ss

Примеры:

concuſſt, perf. от concutiō «сотрясаю», из *concuſſt.

messuſt, perf. от metō «жну», из *meſſuſt.

assequor «догоняю, достигаю» из adsequor; промежуточный этап *aſſequor.

assum «присутствую» из adsum, промежуточный этап *atsum.

Двойное ss перешло в простое s:

1. Согласно § 63, п. 1, после краткого гласного предударного слога, если ударный слог был долгим по природе или по положению.

Примеров нет, так как результаты этого упрощения были уничтожены аналогией, повсюду восстановившей двойной согласный (см. ниже).

2. Согласно § 63, п. 4, в конечном положении.

Примеры:

mīles «воин» из *mīlets (ср. род. п. mīlītis<*mīlētis согласно § 15, п. 1б), mīless.

obses «заложник» из *obseds (ср. род. п. obsēdis<*ob-sēdis согласно § 15, п. 1б), *obsets, *obsess.

3. После долгого гласного или дифтонга с начала эпохи империи (см. § 65).

Примеры:

suāstī, rōstī, perf. от suādeō «советую», rōdō «грызу», из *suādsī, *suāstī, suāssī и *rōdsī, *rōtsī, rōssī.

clausī, perf. от claudō «запираю», из *claudstī, *clauīstī, clausī.

Аналогическое восстановление: adsequor, adsum — дублеты при assequor, assum; assīdō «сажусь возле, присаживаюсь», assistō «становлюсь возле, приостанавливаюсь» заменили правильные формы *āsīdō, *āsistō (см. выше, п. 1.).

Смычный + носовой

§ 74. Под воздействием последующего п каждый смычный перешел в соответствующий ему по месту артикуляции носовой. Таким образом, произошли следующие изменения:

-pn-	-bn-	>	-mn-
-tn-	-dn-		-nn-
-gn-	-gn-	>	-ŋn-
-cn-	-cn-		

Примеры:

scatnūn «скамья» из *scabnom; ср. уменьшительное scabellum.

Samnium, название области в центральной Италии, обитатели которой происходили от сабинян, из *Sab-niom; связано с тем же корнем, что Sabīnī, Sabellī «сабиняне».

sōmnus «сон» из *sopnos; ср. sopor «глубокий сон»; промежуточный этап *sobnos.

appiō «киваю утвердительно» из adpiō.

reppa «маховое перо» из *petnā; связано с корнем глагола petō «устремляюсь на», первоначальное значение которого должно было быть «лечу»; промежуточный этап *pednā¹.

Что касается группы -gn- (первоначальной или происшедшей из -sp- согласно § 69), то орфография не могла отразить ее переход в -ŋn-, потому что, как уже было сказано (§ 7, прим. 3), латинский алфавит не имел особой буквы для обозначения палатального носового. Таким образом, приходилось, произнося -ŋn-, писать -gn-. Ср.:

lignum пишется lignum «древа»; первоначально *leg-nom.

dignus пишется dignus «достойный» из *decnos; промежуточный этап *degnos.

Доказательством того, что в lignum и dignus -gn- произносилось как -ŋn-, служит i в корне этих слов, происходящее из древнего ё, так как переход ё в й в закрытом слоге наступал только в положении перед палатальным носовым (см. § 25).

Примеры аналогического восстановления: abpiō «выражаю несогласие», abnegō «отрицаю, отказываюсь», наряду с которыми фонетические ampiō, amnegō совершенно исчезли (amnegaverit читаем в надписи CIL, VI,

¹ Фест (222, 25 и 228, 10) сообщает, что древние говорили pesna вместо reppa. Но pesna дало бы *rēpa (согласно §§ 96 и 35, п. 1) и, следовательно, не могло быть исходной формой для reppa. Таким образом, если pesna не ложный архаизм, придуманный Фестом или каким-либо другим грамматиком, то надо допустить, что наряду с *pet-nā существовал дублет *pet-snā, который после перехода в pesna (в силу §§ 73 и 63, п. 2) был вытеснен формой *pet-nā, reppa и который относился к ней так же, как *caid-slom>caelum «резец» к *rād-lom>rāllum «скребок» (см. § 66). (Прим. автора.)

14672); *adnotō* — дублет при *annotō* «отмечаю»; *annectō* «привязываю», *annitor* «опираюсь на, стараюсь» вместо **āpēstō*, **ānitor* (см. § 63, п. 1).

П р и м е ч а н и я: 1. О развитии вставного *r* в группе *-tm-* при небрежной артикуляции (*somnus* иногда произносилось как *sompnus*) см. § 95.

2. В вульгарной латыни Италии и некоторых провинций Римской империи группа *-tp-*, каково бы ни было ее происхождение, переходила далее в *-pp-* в результате регressive ассимиляции по месту артикуляции. Таким образом, *somnus* дало итал. *sonno*, в ретором. *sōn*, в исп. *sueño*. Это развитие косвенно засвидетельствовано любопытным местом из письма Цицерона к Пету: «quid quod vulgo dicitur „cūm nos te volūimus convenīre“, nūm obscenū est?» (Ad. fam., IX, 22). Неприличный смысл, на который здесь намекает Цицерон, создавался произношением сип *nōs* вместо *cūm nōs*, напоминающим *cūpnus* «женский половой орган». В французском языке лат. *somnus* представлено *sonne*; это показывает, что в народной латыни Галлии ассимиляция по месту артикуляции была прогressive.

§ 75. Группы «губной смычный +*m*» и «зубной смычный +*m*» дали *-tm-*:

<i>-pm-</i>	-b _m -	}	>-mm-
<i>-dm-</i>	-dm-		
<i>-tm-</i>	-dm-		

Переход группы *-dm-*, первичной или происшедшей из *-tm-*, согласно § 69 в *-tm-* предполагает, кроме ассимиляции по способу артикуляции, также ассимиляцию по месту артикуляции; однако трудно сказать с уверенностью, в какой последовательности шли эти два процесса, иными словами, было ли *-b_m-* или *-pm-* промежуточным звеном между *-dm-* и *-tm-*.

Примеры:

sumtovēō «отодвигаю» из *subtovēō*.

summus, превосходная степень, «высший» из **supmos*, **submos* (см. § 66).

amtovēō «придвигаю» из *adtovēō*.

Для *-tm-* примеров нет, но несомненно, что и эта группа трактовалась бы так же.

Двойное *-tm-* перешло в простое *-m-*:

1. Согласно § 63, п. 1, после краткого гласного пред-

ударного слога, если ударный слог был долгий по природе или по положению; ср.:

ōmittō «опускаю, пропускаю» из *ormittō (ор — первоначальная форма предлога ob; см. § 68, п. 2), *obmittō, *ommittō.

2. Согласно § 66, после долгого гласного или дифтонга: glūma «шелуха» из *glūbma, *glūm̥ma (см. § 66). caementum «щебень» из *caidmentom, *caemmentum (см. § 66).

По поводу примеров последнего типа уместно, однако, напомнить оговорку, сделанную в сноске 2 на стр. 124.

Аналогические рекомпозиции: admoveō, summoveō — дублеты при ammoveō, summoveō, и submittō «подпускаю, спускаю» — дублет при summittō, которое восстановлено вместо закономерной фонетически формы *sūmittō (ср. ömittō, приведенное выше).

Группа «палатальный смычный + т» не подвергалась ассимиляции ни по способу, ни по месту артикуляции. Пример: segmentum «отрезок» (см. § 69, п. 1). Отметим, в частности, что коренное ё в segmentum не изменилось в і, как это произошло в *degnoς, принявшем форму dignus (см. § 25). Отсюда следует, что написание segmentum отражает действительно произношение segmentum, а не *sejmentum.

Смычный + дрожащий

§ 76. Звонкий зубной смычный d ассимилировался следующему за ним дрожащему r:

-dr- > -rr-

Примеры:

arrigō «понимаю, выпрямляю», arripiō «охватываю» из *adregō, *adrapiō (с изменением гласного согласно § 15, п. 1б и п. 4).

Как и обычно в подобных случаях, неассимилированные формы восстанавливались иногда в целях большей этимологической ясности. При этом рассматриваемый тип ассимиляции представлен только сложными глаголами, где группа -dr- — сравнительно недавнего происхождения (см. § 69). Древнее -dr- либо изменилось в -tr-, как в taeter

«отвратительный» из *taidros, *taitros (связано с taedium «скуча, тоска» < *taidiom; см. §§ 30 и 24, п. 2), либо сохранилось, как в quadrāgintā «сорок», quadringentī «четыреста», quadruplex «четверной»; однако дать убедительное объяснение этой двоякой трактовке до сих пор не удалось.

-pr-, -tr-, -cr- никогда не подвергались ассимиляции; ср. capra «коза», ciprum «медь», citrō «сюда», latrō «разбойник», lucrum «прибыль», oscrea, ед. ч., «поножи». Правда, часто высказывалось мнение, что parricīda восходит к *patricīda, что предполагало бы ассимиляцию группы -tr- в -rr-. Но эта этимология наталкивается не только на фонетическое возражение, так как -tr-, помимо данного случая, везде осталось незатронутым ассимиляцией; она опровергается также и семантикой, потому что первоначальный смысл слова parricīda — вовсе не «отцеубийца» и даже не «убийца близкого родственника», а «убийца свободного римлянина, не осужденного на смерть по закону» (ср. Fest., 247, 20 и сл.: «parricida non utique is, qui parentem occidisset, dicebatur, sed qualemcumque hominem indemnatum»).

Смычный + боковой

§ 77. Звонкий зубной смычный d, за которым следовал боковой l, ассимилировался последним:

-dl- > -ll-

Примеры:

alloquor «обращаюсь с речью к» из adloquor.

grallae «ходули» из *gradlai (gradior «ступаю»).

sella «сиденье, седло» из *sedla (sedeō «сижу»).

lapillus «камешек» из *lapid(ē)los, уменьшительное от lapis, род. п. lapidis, «камень».

После долгого гласного -ll- упрощалось в произношении, но сохранялось в орфографии в силу обстоятельств, изложенных в § 66. Для -ll-, происшедшего из -dl-, в положении после дифтонга убедительного примера нет.

Аналогическая рекомпозиция: alloquor — дублет при alloquor; adlātus, part. perf. pass. от adferō, afferō (см. § 72) — дублет при allātus, которым в свою очередь было по аналогии заменено *álātus (см. § 63, п. 1).

Носовой + дрожащий или боковой

§ 78. Носовой п ассимилировался следующим за ним дрожащим и боковым:

-nr- > -rr-

-nl- > -ll-

Примеры ассимиляции -nr- в -rr- целиком относятся к случаям словосложения, в которое входит как первый член один из предлогов *sop-* и *in-* или отрицательная частица *in-*.

a) *corripiō* «схватываю» из **conrapiō* (об изменении гласного см. § 15, п. 4).

irrigō «орошаю» из *inrigō*.

irritus «тщетный» из **inratus* (контрастирующее по смыслу с *ratus* «имеющий значение, действительный»; об изменении гласного см. § 15, п. 1 в).

b) *colloquīt* «разговор» из **conloquiom*.

homīllus «человечишко» из **homon(ě)los*, уменьшительное от *homō* (ö>й в закрытом серединном слоге согласно § 18, п. 2); ср. род. п. *homīnīs* из **homōnēs* (согласно § 15, п. 1, и § 22, п. 3).

Первоначальная форма префикса, вошедшего в состав *corripiō*, *colloquīt* была *som-*; ср. *comedō* «поедаю», *comes*, *-itis* «спутник». Но *corripiō*, *colloquīt* не могут быть возведены к **comrapiō*, **comloquiom*, которые, насколько можно судить об этом, должны были бы дать **combrapiō*, **complōquīt* (см. § 95). Приходится, следовательно, допустить, что *sop-*, возникшее перед зубным согласным, в силу изложенного в § 87 было рано введено по аналогии и в других случаях, особенно в положении перед г и л.

Там, где двойному -ll- предшествовал долгий гласный, как в *cordōlla* «веночек» из **cōgōn(ě)lā*, уменьшительном от *cordōna*, и *vīllum* «винцо» из *vīn(ě)lōm*, уменьшительном от *vīnum*, оно подверглось упрощению в -l-; но, тем не менее, продолжали писать -ll-, чтобы показать, что в словах этого типа -l- было l палатальным, а не l велярным (см. § 66).

Примеры аналогического восстановления: *inritus*, *conloquīt*, дублеты при *irritus*, *colloquīt*; *corrumpō* «порчу», *illātus*, part. perf. pass. от *īferō* «вношу, наношу»,

заменили *cōrumpō* и **ilātus*, требующиеся согласно § 63, п. 1. От *cōrumpō* сохранился след в стихе Лукреция (VI, 1135):

«an caelum nobis ultro natura **coruptum**».

Дрожащий + боковой

§ 79. Дрожащий г, за которым следовал боковой л, ассилировался ему:

-rl- > -ll-

Примеры:

pelliciō «соблазняю» из **perlaciō* (об изменении гласного см. § 15, п. 1в).

agellus «участочек, именьице» из **agerlos*, **agr(ē)los* (см. § 20), уменьшительного от *ager* (**<agr(ō)s* согласно § 24, п. 2)

ampulla «бутылка» из **ampor(ē)lā* (см. § 18, п. 2), уменьшительное от *amp(h)ora* «амфора» (см. § 40).

satullus «сытый» из **satur(ē)los* (см. § 20), производное от *satur* (*<*satur(ō)s* согласно § 24, п. 2) с тем же значением.

Примеры аналогического восстановления: *perliciō* — дублет при *pelliciō*; *perlūceō* «просвечиваю» — дублет при *pellūceō*, которое само является восстановленной по аналогии формой вместо **pēlūceō* (см. § 63, п. 1)

ПРОГРЕССИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ

Дрожащий или боковой + спирант

§ 80. Глухой спирант с ассилировался предшествующему г или л, перейдя предварительно в звонкий спирант:

rs > rz > rr

ls > lz > ll

Примеры:

ferre «нести» из **ferse* (ср. *esse* «быть»); промежуточный этап **ferze*.

velle «хотеть» из **velse*; промежуточный этап **velze*.

Та же ассилияция произошла в таких словах, как *verrēs* «кабан», *torreō* «иссушаю», *collum* «шея», восходя-

щих к *versēs, *torseō, *colsom, но такое происхождение их может быть доказано лишь с помощью привлечения соответствующих терминов других индоевропейских языков (см. § 71).

Встречающиеся исключения, то есть довольно многочисленные формы с неассимилировавшимися сочетаниями rs или ls, не вызывают серьезных затруднений. Что касается, например, fers, «ты несешь», которое должно было перейти в *ferr и далее в *fer (с упрощением двойного согласного в конечном положении согласно § 63, п. 4), то ясно, что s здесь было восстановлено потому, что это отличительный признак 2 л. ед. ч. настоящего времени изъявительного наклонения и что фонетическое развитие вело в этом случае к смешению со 2 л. ед. ч. imperf. fer, чего важно было избежать. Не следует также упускать из виду, что формулы фонетических законов применяются лишь к звукам или группам звуков, находящимся в строго тождественных условиях. Между тем, в ārst, fars̄t, fulst̄, формах perf. от ārdeō «пылаю», farciō «набиваю», fulgeō «блистаю» или fulciō «подпираю», а также в ars «искусство», puls «каша» мы имеем дело не с первоначальными группами rs, ls, а с древними группами rds (*ārdst; см. §§ 73 и 63, п. 3), rts (*art(i)s; см. §§ 24, п. 2; 73 и 63, п. 4), rcs (*farcst; см. § 100), lts (*pult(i)s; см. §§ 24, п. 2; 73 и 63, п. 4), lgs, lcs (*fulgst от fulgeō, *fulcst от fulciō; см. § 100), упростившимися в rs, ls позднее, чем первоначальные rs, ls в результате ассимиляции перешли в rr, ll. pulsus, part. perf. pass. от pellō «толкаю», — это аналогичное нововведение, заменившее правильную форму *pultus (след которой сохранил глагол pultāre «стучаться», употребленный Плавтом, Capt., 832), в то время как при упрощении *pult(i)s в puls ассимиляция первоначального ls была уже совершившимся фактом. Таким образом, ни один из этих случаев не может быть вполне идентичен *ferse или *velse.

Боковой + носовой

§ 81. Носовой n, следующий за боковым l, ассимилировался ему:

-ln- > -ll-

Вполне надежных примеров здесь мы не имеем, но можно считать вероятным, что *pellō* «толкаю», *tollō* «поднимаю» образованы так же, как *segnō* «различаю», *spernō* «пренебрегаю», *sternō* «расстилаю» и, следовательно, должны быть возведены к **pelñō* **tolñō*.

Если *alnus* «ольха», *vulnus* «рана», *ulna* «локоть» не подверглись ассимиляции, то лишь потому, что в этих словах элементы группы -In- не находились в непосредственном соседстве, а были когда-то разделены либо третьим согласным, либо гласным. Следовательно, ассимиляция -In->-ll- затронула только первоначальную группу -In-.

в) Ассимиляция по месту артикуляции

§ 82. Относительно ассимиляции по месту артикуляции, всегда регressiveвой, можно сказать то же, что и по поводу ассимиляции по способу артикуляции (см. § 71), с чем и нужно ознакомиться прежде, чем приступать к рассмотрению законов, формулируемых ниже.

ассимиляция между смычными трех рядов

§ 83. Перед палатальным смычным каждый губной или зубной смычный превратился в палатальный смычный. Зубные смычные ассимилировались также следующему за ними губному смычному. Эти изменения можно представить в следующей схеме:

-bg-	}	> -gg-
-pg-		
-dg-	}	> -cc-
-tg-		
-pc-	}	> -q ^v q ^v - > -cq ^v -
-bc-		
-tc-	}	> -cq ^v -
-dc-		
-pq ^v -	}	> -cq ^v -
-bq ^v -		
-tq ^v -	}	> -cq ^v -
-dp ^v -		

-tb-	-db-	-bb-
>	>	
-tp-		
-dp-	-pr-	-pp-

Правда, некоторые из случаев ассимиляции, показанных в схеме, покоятся только на обобщении по аналогии, так как соответствующих примеров нет. Приведем несколько засвидетельствованных случаев:

oggerō «подношу навстречу» из *opgerō, obgerō.

aggerō «нагромождаю» из adgerō.

succidō «поникаю» из *supcādō (sup было первоначальной формой слова sub, как op — первоначальной формой слова ob, см. § 68, п. 2; об изменении гласного см. § 15, п. 1 в).

siccus «сухой» из *sit(i)cus «ожаждущий», производного от sitis «жажды».

osquintscō «сажусь на корточки» из *opquintscō (ср. conquintscō с тем же значением; простой глагол был неупотребителен).

quiēquam, им.-вин. п. ед. ч. ср. р. от quisquam «кто-нибудь», из quidquam, *quitquam.

quippe «ведь» из *quidpe (quid, ср. р. от quis «кто?» + ре — частица, встречающаяся также в петре «конечно»; ср. russk. «что же» в смысле «пожалуй»), *quitpe.

Двойной согласный упрощался после долгого гласного и после дифтонга. Кроме примеров, приведенных в § 64, можно указать еще:

tēcum, tēcum, sēcum «со мной, с тобой, с собой» из *mēcum, *tēdum, *sēdum, *mētcum, *tētcum, *sētcum, *mēccum, *tēccum, *sēccum (о mēd, tēd, sēd, древнейших формах, соответствующих классическим формам отложительного падежа местоимений tē, tē, sē, см. § 44).

Примеры аналогического восстановления: adgerō, obgerō, quidquam — дублеты при aggerō, oggerō, quiēquam, adbibō «впиваю» наряду с *abbibō, исчезнувшим вследствие своей двусмысленности; iiccīcō «по этой причине» вместо *īcīcō (которого требовал закон, сформулированный в

§ 63, п. 1), происшедшее от *iðcīrcō*, которое было восстановлено и существовало наряду с *iċċīrcō*.

П р и м е ч а н и е. В поздней вульгарной латыни, начиная с III в., группы *-pt-* и *-ct-*, которые литературный язык всегда сохранял неизменными, ассимилировались в *-t(t)-*; ср., например, *settembris* (*CIL*, XI, 2885), *ottobres* (*CIL*, XI, 2537) вместо *septembris*, *octōbrēs*; *autor* (*CIL*, VIII, 1423; XII, 2193); Аппендикс Проба (*GL*, IV, 198, 30): «*auctor non autor*». Отсюда итал. *sette*, *otto* и старофранц. *set* (в франц. *sept* введено лишь в письме по этимологическим соображениям). Напротив, франц. *huit* «восемь» восходит к *octō*, а не к **ottō*, и точно так же *fait* «факт», *fruit* «плод» — к *factum*, *fructum*, а не к **fattum*, **fruttum*. Могло бы поэтому показаться, что группа *-ct-* в галльской вульгарной латыни не подверглась ассимиляции. На самом деле, она подверглась ей так же, как и группа *-pt-*, но *-ct-* было восстановлено впоследствии несомненно под влиянием школьного преподавания. Это доказывают такие формы, как *flotter* «плавать, колебаться», *jeter* «бросать», которые не могут быть возведены к *fluct(u)āge*, *jectāre* (потому что *fluct(u)āre*, *jectāre* дали бы **floiter*, **joiter*), но вполне объясняются из **fluptāre*, **jeptāre*. Население романизированной Галлии обычно говорило *fluttāre*, *jettāre*, но так как его учили, что такая манера произношения неправильна, то оно старалось восстановить неассимилированные группы. При этом часто должно было вызвать затруднения то обстоятельство, что *-t(t)-* соответствовало то группе *-pt-*, то группе *-ct-* литературного латинского языка, и в этих условиях было почти неизбежно, что попытки восстановления приводили к ошибкам. И действительно, в вульгарных текстах можно указать такие ошибочные написания, как *ruptus*, *ruptāre* вместо *ructus* «отрыжка», *rupt(u)āge* «рыгать», и наоборот, *sectus* вместо *saepitus*, part. perf. pass. от *saepiō* «огораживаю».

АССИМИЛЯЦИЯ МЕЖДУ СМЫЧНЫМ И СПИРАНТОМ, ПРОИЗВОДИМЫМИ РАЗЛИЧНЫМИ ОРГАНАМИ

§ 84. Перед губным спирантом *f* каждый зубной и палatalный смычный переходил в губной смычный.

Эта ассимиляция оказывается скрытой, потому что губной смычный, появившийся в результате ассимиляции по месту артикуляции, преобразовался в дальнейшем в спирант вследствие ассимиляции по способу артикуляции. Относительно последней см. § 72, где даны примеры.

П р и м е ч а н и е. В немецком языке, где за ассимиляцией по месту артикуляции не последовала ассимиляция по способу артикуляции, как это было в латинском языке, мы находим *empfangen* «принимать», *empfehlen* «рекомендовать», *empfinden* «воспринимать» из **entfangen*, **entfehlen*, **entfinden* с тем же префиксом, что в *entarten* «вырождаться», *enterben* «лишать наследства», *enthüllen* «разоблачать».

АССИМИЛЯЦИЯ МЕЖДУ СМЫЧНЫМ И НОСОВЫМ, ПРОИЗВОДИМЫМИ РАЗЛИЧНЫМИ ОРГАНАМИ

§ 85. Если учесть физиологическое неправдоподобие прямого перехода от *-dm-* к *-tt-* в *admoveō*, давшем амтвеō (см. § 75), и принять во внимание, что в некоторых частях немецкой языковой области под влиянием диалектных произносительных навыков такие слова, как *widmen* «посвящать», *mitmachen* «быть соучастником», звучат иногда как *wipmen*, *tipmachen*, то естественно предположить, что *d* префикса в *admoveō* изменило сначала свое место артикуляции, преобразовавшись в *b*, и что вообще каждый латинский зубной смычный, за которым следовал губной носовой *t*, превратился в губной смычный. Однако, как уже было сказано в § 75, мы не уверены в том, что дело происходило именно так, и было бы трудно опровергнуть того, кто предпочел бы принять такой ход изменения: *admoveō* > **amtveō* > *amtveō* (с переходом *-tt-* > *-tm-* согласно § 89).

АССИМИЛЯЦИЯ ЗУБНОГО СПИРАНТА *s* ГУБНОМУ СПИРАНТУ *f*

§ 86. Зубной спирант *s* префикса *dis-* ассимилировался следующему за ним *f*:

-sf- > -ff-

Примеры:

differō «разношу, откладываю, отличаюсь» из **disferō*.
difficilis «трудный» из **disfacilis* (с изменением гласного согласно § 15, п. 1в).

Примеры аналогического восстановления: *diffidō* «не доверяю», *diffundō* «разливаю», заменившие **difidō*, **difundō*, — единственные закономерные формы (согласно § 63, п. 1).

АССИМИЛЯЦИЯ МЕЖДУ НОСОВЫМИ И СМЫЧНЫМИ ТРЕХ РЯДОВ

§ 87. Перед каждым из смычных был возможен только тот из носовых, который производился тем же органом.

Примеры:

Префиксы *com-* «с-» (*comes* «спутник»), *in-* «в-» (*ineō* «вхожу») и отрицательная частица *in-* (*inūtilis* «бесполезный») оканчивались на *m* перед губным смычным, на *n*

перед зубным смычным и на ѹ (обозначавшемся в письме через п вследствие отсутствия специальной буквы для обозначения палатального носового; см. § 7, прим. 3) перед палатальным смычным:

comprōbō «складываю».

contexō «сплетаю, соединяю».

concors, в произношении соjcors, «согласный, единодушный».

imbiō «пропитываю».

indicō «указываю, обозначаю».

ingenuus, в произношении iŋgenius, «врожденный, благородный, откровенный».

imbellis «невоинственный, малодушный».

intāctus «нетронутый».

inquiētus, в произношении iŋquiētus, «неспокойный».

Переход т в п перед зубным смычным и в п перед палатальным смычным наблюдается, кроме того, в следующих случаях:

eundem, eandem (*eum*, *eam*+dem), вин. п. ед. ч., eōrumdem, eārundem (*eōrum*, *eārum*+dem), род. п. мн. ч. от idem, eadem, «тот же, та же».

quandiū (*quam*+diū) «пока».

septendecim (*septem*+decem) «семнадцать».

clanculum, в произношении clānsulum (в архаическом языке), наречие «тайком» и предлог «тайком от», производное от *clam* с тем же значением.

tunc, в произношении tuŋc (*tum*+энклитическая частица се; об отпадении -ё см. § 24, п. 1) «тогда».

tanquāt в произношении taŋquāt (*tam*+quāt), «подобно».

Примеры аналогического восстановления: *inpellō* «подталкиваю», *quamdiū*, *septendecim*, *tanquāt* — дублеты при *impellō*, *quandiū*, *septendecim*, *tanquāt*. Можно полагать, впрочем, что эти восстановленные формы имели только графическое значение и что даже те, кто, руководствуясь этимологическим сознанием, писал *inpellō*, *quamdiū* и т. д., продолжали, тем не менее, произносить *impellō*, *quamdiū* и т. д. Случай аналогического восстановления типа *inpellō*, *inpōbō* «накладываю» повлекли за собой *soppellō* «заставляю», *soprōbō* как дублеты при *compellō*, *comprōbō*. Ожидаемая форма part. perf. pass. от *sūmō* «беру» была бы

sūntus из **sūmtos*, поэтому налицо итал. *assunto* (part. perf. pass. от *assumere* «принимать»), показывающее, что это *suntus* существовало в действительности. Но литературный язык восстановил *sūmtos* по образцу *sūmbō*, и тогда между т и т развилось паразитическое р, откуда *sūmptus* (см. § 95, п. 2).

АССИМИЛЯЦИЯ ГУБНОГО НОСОВОГО т
ЗУБНОМУ СПИРАНТУ s

§ 88. Подобно тому как место артикуляции носового должно было уподобляться месту артикуляции следующего за ним смычного, точно так же и ассилияция по месту артикуляции должна была происходить между носовым и спирантом, в частности в группе -ms-. Правда, в качестве примеров мы располагаем только случаями словосложения и префиксации, где эта группа была сравнительно недавнего происхождения, как, например:

conservus «товарищ по рабству», *conspicuus* «заметный», *consistō* «останавливаюсь» из **comservus*, **comspicuus*, **comsistō* (см. §§ 78 и 87).

quansei (*CIL*, I², 585) из *quam sei* (>*sī*, см. § 29) «как будто».

extrinsecus, *intrinsecus* «снаружи, внутри» из **extremsecus*, **intrimsecus* (**extrem*, **intrim* образованы как *illim*, которое встречается в архаическом языке, а также у Цицерона в значении «оттуда»).

Однако нетрудно понять, почему в других случаях действия этой ассилияции не видно. Если, например, мы имеем *hiems* «зима», а не **hiens*, то лишь потому, что флексия **hiens*, *hiemis*, *hiemī*, *hiemet* не могла противостоять тенденции выровнить парадигму, обобщая т косвенных падежей. Точно так же аналогия восстановила т и в *sūnst*, которое должно было быть нормальной формой perf. от *sūmbō* «беру» (как и в причастии *suntus*); в дальнейшем же **sūmst*, восстановленное по образцу *sūmbō*, превратилось в *sūmpst*, как **sūmtus* в *sūmptus* (см. § 95, п. 2). Отметим, впрочем, что *sūnst* уцелело в итал. (*as)sunsi*, откуда видно, что аналогичное влияние, которое привело к *sūmpst*, было ограничено литературным языком.

АССИМИЛЯЦИЯ ЗУБНОГО НОСОВОГО *п*
ЗУБНОМУ НОСОВОМУ *т*

§ 89. Зубной носовой *п* ассимилировался губному носовому *т* каждый раз, когда предлог *in* или отрицательная частица *in* оказывались перед словом, начинающимся с *т*:

-*nm-* > -*mt-*

Примеры:

immineō «нависаю» из *inmineō* (ср. *ēmineō* «выступаю, выдаюсь»).

immolō «приношу в жертву» из *inmolō* (собственно «посыпаю голову животного священной мукой, называемой *mola*»).

immetor «непомнящий» из *inmetor*.

immeritō «незаслуженно» из *inmeritō*.

Примеры аналогического восстановления: *immineō*, *immolō*, *inmetor*, *inmeritō* — дублеты при *immineō*, *immolō*, *immetor*, *immeritō*; *immūtō* «изменяю», *immītis* «безжалостный» вместо фонетических закономерных форм **imūtō*, **imītis* (см. § 63, п. 1).

II. ИЗМЕНЕНИЕ ГРУППЫ «ЗУБНОЙ СМЫЧНЫЙ + т»

§ 90. Встреча зубного смычного с последующим *т* вела, начиная с индоевропейской эпохи, к развитию промежуточного паразитического *s*, то есть возникала группа *-tst-*, которая в латинском языке в результате своего рода двусторонней ассимиляции изменилась в *-ss-*:

-*dt-* } > *-*tst-* > -*ss-*
-*tt-* }

Примеры:

cāssus, -*īs*, «падение, случай» из **cad̥tus* (*cad̥ō* «падаю; об удлинении коренного гласного в этом и следующем примерах см. § 35, п. 3).

ēssus, part. perf. pass. от *ēdō* из **ed̥tos* «ем».

fīssus, part. perf. pass. от *findō*, «раскалываю», из **fid̥tos* (о причине сохранения краткости коренного гласного см. § 35, п. 3).

plaüssus, part. perf. pass. от *plauidō* «рукоплещу», из **plauid̥tos*.

messis «жатва» из **mettis* (*metō* «жну»).

passus, part. perf. от patior «претерпеваю», из *pattos.
quassus, прилагательное «поколебленный, сломленный», первоначально part. perf. pass. от quatō «коловлю, сотрясаю», из *quattos.

После долгого гласного и после дифтонга двойное -ss- перешло в простое -s- в начале эпохи империи. Цицерон произносил и писал cāsus, ēsus, plauſsus, но в эпоху Квинтилиана эти слова имели форму cāſus, ēſus, plauſus (см. § 65).

§ 91. В известном числе случаев группа «зубной смычный +t» образовалась вновь после прослеженных здесь изменений, закончившихся задолго до исторического периода. Результатом этого было уже не -ss-, а -tt-. Произошло это главным образом там, где префикс ad- вступал в сочетание с глаголом, начинающимся с t, например в attēniō «утончаю, ослабляю» из adtēniō, atterō «истираю» из adterō. Как уже было сказано в § 69, глагольные префиксы являлись первоначально самостоятельными словами; это состояние сохранялось еще в эпоху появления первых текстов. Таким образом, группа -dt- в adtēniō, adterō оказалась новой и не подпадала под действие закона, в силу которого *fidtos превратилось в fissus. По той же причине -tt- сохранялось в retiūlī, perf. от referō «доношу», из *ret(ē)tult (см. § 20).

Наряду с attēniō, atterō мы находим восстановленные дублеты adtēniō, adterō.

III. ИЗМЕНЕНИЕ НАЧАЛЬНОЙ ГРУППЫ **dv**

§ 92. Группа **dv** в начале слова перешла в **b**.

Примеры:

bonus «добрый» из **dvonos** (**dvonoro** = bonōrum читаем в надписи на гробнице одного из Сципионов, консула 259 г. до н. э.; *CIL*, I², 9).

bellum «война» из **dvellom** (Варрон, *De lingua latina*, VII, 49: «**dvellum**, id postea **bellum**», **Dvelonai** = Bellōnae в постановлении сената *de Bacanalibus*, *CIL*, I², 581).

bis, числительное-наречие, «дважды» наряду с **duō** «два» из ***dvis**.

bidēns «двуязычный» из **d**vidēns (Павел Диакон, 58, 19: «**d**videns, hostia bidens»).

Переход **dv-** в **v-** восходит, по меньшей мере, к первой половине III в. до н. э. Это подтверждается следующим замечанием Иеронима: «**D**vilius, qui primus Romae naval certamine triumphavit, Biliam virginem duxit uxorem» (adv. Jovin, I, 46). Имя жены Двиллия, консула 260 г. до н. э., **D**vilia произносилось, следовательно, в то время **B**ilia, и если ее муж продолжал именовать себя **D**vilius, то это потому, что в качестве официального лица он искусственно сохранял древнюю форму своего имени.

dvellum довольно часто употреблялось в дальнейшем как архаизм наряду с **bellum** у Плавта, Энния, Горация, Овидия, Стация и др. Но эта форма в их время имела только книжный характер; доказательством этого служит то, что перечисленные поэты, введенные в заблуждение двусмысленным написанием **d**VELLM, сделали из этого трехсложное **d**uellum.

v v

IV. ИЗМЕНЕНИЕ g и q ПЕРЕД СОГЛАСНЫМИ

§ 93. Перед согласными лабиализованные велярные смычные **g^v**, **q^v** (обозначаемые в обычной орфографии через **gu**, **qu**) потеряли свой губной признак и превратились в чистые велярные **g** и **c**. Кроме того, если следующий согласный был глухим, — а таковы все случаи, которые можно указать для группы «**g^v+согласный**», — то звонкий **g** перешел в глухой **c** (согласно § 68):

g^v, q^v+согласный>c+согласный

Примеры:

extinct (пишется **extinxī**), perf. от **extinguō** «гашу». **nīc** (пишется **nīx**), им. п., «снег» наряду с **nīvis**, род. п., восходящему к ***nīgvis** (см. § 45).

ūnciō «смазывание» наряду с **unguentum** «мазь, духи». **assecla** «последователь» наряду с **assequō** «иду по следам, достигаю».

coctus, part. perf. pass. от **coquō** «варю».

dēlictum «проступок» наряду с **dēlinquō** «совершаю проступок».

Этот закон объясняет нам также **ac** «и» и **ne** «и не» — дублеты при **atque** и **neque**, употребляемые перед соглас-

ным началом следующего слова. После отпадения в atque и пеiee конечного e (согласно § 24, п. 1) лабиализация qu исчезла под воздействием следующего согласного, откуда *atc и pes. В дальнейшем *atc, подвергшись ассимиляции, перешло в *acc (согласно § 83), двойное cc — в простое c (согласно § 63, п. 4).

V. ИЗМЕНЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ГРУППЫ sr

§ 94. Уже в общеталийском языке, то есть в ту эпоху, когда латинский, оскский и умбрский языки составляли еще в основном один язык, артикулируемый за верхними зубами спирант s, находясь перед r, изменился в интердентальный спирант, давая звук глухого th нынешнего английского языка. Позднее, но еще до утраты итальянского единства, этот интердентальный спирант перешел в f. Наконец, в собственном развитии латинского языка группа fr внутри слова перешла в br согласно § 46:

-sr- > -fr- > -fr- > -br-

Примеры:

sobrīnus «двоюродный брат» («sobrini sunt ex duabus sororibus» согласно определению Доната в комментарии к Теренцию, Нес., 459) из *sosrīnos (ср. soror «сестра» из *sosōr согласно §§ 47 и 24, п. 3; sosr-, слабая ступень основы *sosōr-, находится с ней в таком же отношении, как nept- с perōt-, см. § 38).

fūnebris «погребальный, горестный» из *fūnesris; ср. *fūnestus* «смертоносный, гибельный».

Префиксальные образования типа dīruō «разрушаю» из *disruō возникли гораздо позднее, чем *sobrīnus* и *fūnebris* (см. § 69); этим объясняется, что группа -sr- изменяется в них иначе.

VI. РАЗВИТИЕ ВСТАВНОГО СМЫЧНОГО В НЕКОТОРЫХ ГРУППАХ ИЗ ДВУХ СОГЛАСНЫХ

§ 95. Между составными элементами групп -ssr- (произошедшей из -dtr- согласно § 90), -ml-, -ms-, -mt- появлялся паразитический смычный, а именно, t в случае -ssr- и r в случае -ml-, -ms-, -mt-:

1. -ssr- > -(s)str-
2. -ml- > -mpl-
- ms- > -mps-
- mt- > -mpt-

Примеры:

1. *claustrum* «засов» из *clausstrom, *claussrom, *claud-trom (*claudō* «замыкаю»).
rāstrum «скребок» из *rāsstrom, *rāssrom, *rādtrom (*rādō* «скребу»).
2. *exemplum* «образец» из *exemlom (собственно «пред-
мет, отобранный из известного числа других, для
того чтобы дать представление о всей совокупности»),
от *ехētō «изымаю», перешедшего в ехētō согласно
§ 15, п. 4.
cōmpst, *dēmpst*, *prōmpst*, *sūmpst*, perf. от *cōmō* «уби-
раю, привожу в порядок», *dēmō* «отнимаю», *prōmō*
«вынимаю», *sūmō* «беру», из **cōmst*, **dēmst*, **prōmst*,
**sūmst*.
cōmptus, *dēmptus*, *prōmptus*, *sūmptus*, part. perf. pass.
от тех же глаголов, из **cōmtus*, **dēmtus*, **prōmtus*,
**sūmtus*.

В народном языке вторичное р вставлялось также в группе -tp-; в вульгарных текстах часто встречаются такие написания, как *autumpnus* «осень», *contempnō* «презираю», *dampnum* «ущерб, убыток», *sompnus* «сон». Литературный язык, однако, допускал только *autumnus*, *contempnō*, *damnum*, *somnus* и отвергал даже *hiemps* «зима», хотя вставной звук возникал здесь в таких же условиях, как и в *cōmpsī*, *dēmpsī* и т. д., что считалось вполне допу-
стимым.

В **claussrom*, **rāssrom* и т. д., произошедших из **claud-trom*, **rādtrom*, развитие паразитического т должно было предшествовать упрощению двойного s, потому что **clausrom*, **rāsrom* дали бы или **claurum*, **rābrum* (согласно § 94), или **claurum*, **rārum* (согласно § 96).

Все эти вставки согласных связаны с недостатком чет-
кости в выполнении артикуляционных движений. Так,
переходя от артикуляции s к артикуляции r, говорящий
субъект касается иногда кончиком языка внутренней по-
верхности верхних резцов, что создает на мгновенье замы-

кание ротового прохода, соответствующее зубному смычному. С другой стороны, чтобы перейти от т к л, с или т, надо прекратить ротовое смыкание и одновременно поднять нёбную занавеску. Если при этом в результате несовпадения обоих движений во времени нёбная занавеска окажется поднятой до того, как разомкнулись губы, то послышится как переходный звук губной ротовой смычный. Естественно, что вставной смычный между с и л, а также между т и с или т оказывается глухим. Но можно было бы ожидать, что между т и л он будет звонким. Действительно, лат. *cum(u)lum*, *hum(i)lem* дали франц. *comble* «верх», *humble* «приниженный», а не **comple*, **humble*. Таким образом, р в *exemplum* объяснить трудно. Его приписывают обыкновенно влиянию *exemptus*, но аналогичное объяснение неприменимо в случаях *autumpnus*, *dampnum*, *sompnus*, где глухой р между двумя звонкими т и п также вызывает недоумение.

П р и м е ч а н и я: 1. **cōmsī*, **dēmsī*, **prōmsī*, **sūmsī* должны были привести к **cōnsī*, **dēnsī*, **prōnsī*, **sūnsī* и точно так же **cōntus*, **dēmtus*, **prōmtus*, **sūm̥tus* к **cōntus*, **dēntus*, **prōntus*, **sūntus*; однако по причинам этимологического порядка т было восстановлено во всех этих формах (см. §§ 87 и 88).

2. Так как вставка, о которой здесь говорилось, вызвана естественной и общей физиологической тенденцией, то примеры ее можно найти и в других языках. Ср., кроме уже приведенных, франц. *comble*, *humble* <лат. *cum(u)lum*, *hum(i)lem*; франц. *nombre* «число» <лат. *num(e)rum*; франц. *cendre* «зола» <лат. *cine(e)rem*; старофранц. *ancestre* «предок», *estre* «быть» <лат. *antecess(o)r*, **ess(e)re*; нем. *Spindel* «веретено» (в произношении *Spindl*) <средне-верхненем. *Spinnel*; *Fähnrich* «знаменосец» — дублет от *Fähnrich*; *öffentlich* «публичный» в средне-верхненем. *offenlich* (произведено от *offen* «открытый» при помощи суффикса *-lich*). В первом периоде ново-верхненемецкого у Лютера встречается *Fremdling* «чужеземец», *Wunsch* «желание» вместо употребляемых в настоящее время форм этих слов *Fremdling*, *Wunsch*.

VII. ВЫПАДЕНИЕ ПЕРВОГО ЭЛЕМЕНТА В ГРУППЕ ИЗ ДВУХ СОГЛАСНЫХ

§ 96. Перед звонким согласным с перешло сначала в з (согласно §§ 68 и 69), а затем перестало звучать, заменившись удлинением предшествующего гласного, если он был краткий (см. § 35, п. 1).

Примеры:

idem «тот же» из *isdem (*is*+*dem*), перешедшего предварительно в *izdem.

jūdex «судья» из jūsdex («quod jus dicat»; -dex вместо -dix по аналогии с вторым членом словосложений типа auspex «птицегадатель», opifex «рабочник» и т. п. по формуле пропорции *auspicis*, *opificis*: *auspex*, *opifex*=jūdicis : x); промежуточный этап *jūzdex.

trēdecim «тринадцать» из *trēzdecim, *trēsdecim.

prēlum «пресс» из *prēzlom, *prēslom (ср. prēs-sī, perf. от premō «давлю»).

prīmus «первый» из *prīzmos, *prīsmos (ср. prīscus «прежний»).

egēnus «нуждающийся, бедный» из *egēznos *egēsnos (ср. egēstās «нужда»).

pōnō «кладу» из *pōznō, *pōs(i)nō (см. § 20).

Ср. также dīdūcō «развозжу», dīgerō «разношу, распределяю», dīlaniō «терзаю», dīmittō «рассылаю», dīnōscō «распознаю» наряду с dīstorqueō «искривляю, перекручиваю», dīscēdō «удаляюсь», dīspōnō «располагаю», dīssociō «разобщаю».

Примеры аналогического восстановления: ejūsdem, род. п. ед. ч. от idem «тот же», quibūsdam, дат.-отл. п. мн. ч. от quidam «некто» по образцу ejus и quibus.

§ 97. Перед f и перед s зубной носовой n рано утратил смычный характер; при этом сопровождавшие его артикуляцию колебания голосовых связок присоединились к предшествующему гласному, сообщая ему заменительное удлинение, если он был краток (см. § 35, п. 2).

Выпадение n в этом положении подтверждается:

1) тем, что оно часто бывает опущено в архаических надписях и в вульгарных надписях эпохи империи; ср. cofeci (*CIL*, I², 560), cosol (*CIL*, I², 8, 40), cesor (*CIL*, I², 8), cosentiont (*CIL*, I², 9) cosoleretur (*CIL*, I², 581), scies (=sciēns) (*CIL*, I², 366), iferi (*CIL*, VI, 19873; IX, 5813; X, 8249), mesis (*CIL*, VI, 10218, 19688; VIII, 2988; IX, 4032; XIV, 1195, 1793), libes (=libēns) (*CIL*, IV, 882; X, 1409), Cresces (=Crēscēns) (*CIL*, IV, 4100, 4353, 4356; IX, 1209);

2) сокращениями cos вместо cōnsul и coss вместо cōnsulēs, cōnsulibus, а также замечанием Квинтилиана о том,

что в слове *cōsulēs* н не произносилось (Instit. orat., I, 7, 29: «*consules exempta n littera legitimus*»¹;

3) обратными написаниями, отражающими произношение необразованных людей, ставившихся подражать речи образованного общества; ср. *pariens* (= *pariēs*) (*CIL*, IV, 1904; VI, 17565), *thensaurus* (*CIL*, XIV, 3679), *occansio*, осужденное Аппендиксом Проба (*GL*, IV, 198, 21);

4) свидетельством романских языков, которые, за исключением особого случая, указываемого ниже, не сохраняют более никаких следов н перед s; ср. франц. *éroux* «супруг», *mois* «месяц», *poi(d)s* (d было введено в этом слове лишь в эпоху Возрождения вследствие ошибочного сближения с лат. *pondus*) «вес», итал. *sposo*, *mese*, *peso*, восходящие к лат. *spōsum*, *mēsem*, *pēsum* из *spōnsum*, *mēnsem*, *pēnsum*.

Уже в раннюю эпоху этимологические соображения заставили восстановить н сначала в орфографии, а затем и в устной речи высших общественных слоев. Цицерон, правда, еще говорил *forēsia*, *hortēsia*, *Megalēsia*, но самый факт, что древние грамматики уделяют этому произношению особое внимание, доказывает, что оно не соответствовало общей норме литературного языка классического периода, требовавшей, очевидно, *forēnsia* и т. д. В народном языке восстановление н ограничено некоторыми сложными словами, содержавшими в качестве первого компонента один из префиксов — *con-* или *in-*; ср. франц. *enfant* «ребенок», *conseil* «совет» <лат. *infantem*, *consilium*; итал. *inferno* «преисподня», *insegna* «знак, вывеска» <лат. *infernū*, *insignia* (но, с другой стороны, франц. *cōûter*, итал. *costare* «стоить» <лат. *cōstāre*, а не из лат. *constāre*).

Отметим, что, в то время как литературный язык, восстанавливая н, сохранял долготу предшествующего гласного (*mēnsis*, *cōsiliūm*, *infāns*), вульгарная латынь, наоборот, в случаях типа *consilium*, *infans* возвращала гласному префиксов *con-*, *in-* его первоначальную краткость.

¹ «*Consules* мы читаем, выбрасывая букву н».

Б. Группы из трех согласных

§ 98. Группы из трех согласных чаще всего упрощались до двух согласных или даже до одного согласного. Упрощение до двух согласных было обусловлено:

1) ассимиляцией двух входящих в группу согласных и упрощением получившегося при этом двойного согласного или

2) простым выпадением одного из согласных при наличии условий, формулируемых ниже.

Упрощение до одного согласного вызывалось комбинацией одной из этих причин с исчезновением s или группы ns перед звонким согласным.

АССИМИЛЯЦИЯ И УПРОЩЕНИЕ ДВОЙНОГО СОГЛАСНОГО С ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ ИЛИ БЕЗ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ S

§ 99. Примеры:

a) aspirō «дую попутно, благоприятствую» из *adspirō*, *asspirō (см. §§ 73 и 63, п. 2).

astō «стою около» из *adstō*, *asstō (см. §§ 73 и 63, п. 2).
ärstī, perf. от ärdeō, «пылаю» из *ärdstī, *ärssī (см. §§ 73 и 63, п. 3).

sēnsī, perf. от sentiō «чувствую, думаю», из *sentsī, *senssī (см. §§ 73 и 63, п. 3).

noх (т. е. noxs) «ночь» из *nocts (ср. род. п. noctis), *nocss (см. §§ 73 и 63, п. 4).

corculum «сердечко» из *cordculom, *corecculom (см. §§ 83 и 63, п. 3).

sarmētum «побег, отпрыск» из *sarpmentom, *sarmētōm (см. §§ 75 и 63, п. 3).

testis «свидетель» из *terstis («qui tertius stat»), *testis.

tostus, part. perf. pass. от torreō «иссушаю» (первоначально *torseō, см. § 80), из *torstos, *tosstos.

Два последних примера могли бы показаться противоречащими закону, сформулированному в § 80. Но для того чтобы s ассимилировалось предшествующему г, как в случае *ferse, перешедшего в ferre, это s должно предварительно стать звонким; между тем, в случае *terstis это было невозможно, так как s находилось перед глухим t.

Поэтому ассимиляция и протекала в обратном направлении.

superstes «переживший» основано на аналогическом восстановлении. Фонетическая форма *supestes* иногда встречается в вульгарных надписях (например, *CIL*, XIII, 1981, 2000).

б) *rōne*, предлог и наречие, «позади» из **postne* (ср. *superne*, наречие, «наверху, наверх, сверху»), **posnne*, **posne* (см. §§ 74, 63, п. 3, и 96).

ВЫПАДЕНИЕ СОГЛАСНОГО С ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ ИЛИ БЕЗ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ S

§ 100. Палatalный смычный выпадал между г или л, с одной стороны, и т, с, м или н — с другой, а также между п и зубным смычным.

Примеры:

farsī, perf., и *fartus*, part. perf. pass. от *farcīō* «набиваю», из **farcētī*, **faretos*.

sarstī, perf., и *sartus*, part. perf. pass. от *sarcīō* «починяю», из **saresētī*, **saretos*.

fulstī, perf., и *fultus*, part. perf. pass. от *fulciō* «подпираю», из **fulestī*, **fuletos*.

ultus, part. perf. от *ulcīscor* «мощу», из **ulctos*.

tormentum «крученая веревка; орудие пытки, пытка; метательное орудие» из **torq^v mentom*, **torcementom* (см. § 93; произведено от корня глагола *torqueō* «скручиваю, мечу»).

fulmen «молния» из **fulgmen* (*fulgeō* «сверкаю»).

quernus «дубовый» из **querqui(i)nos* (образованного как *fāgiinus* «буковый»), **querenos* (см. §§ 41, 20 и 93).

quīndecim «пятнадцать» из **quinqu(e)decim*, **quīncedicim* (см. §§ 20 и 93).

quīntus «пятый» из **quīnq^vtos*, **quīntos* (см. § 93).

Группа -net- была восстановлена по аналогии в *jūnctus*, *ūnctus*, *vīnctus*, part. perf. pass. от *jungō* «соединяю», *ungiō* «умашаю», *vincīō* «вяжу» (см. §§ 68 и 93). Кроме того, мы встречаем *quīnctus* наряду с *quīntus*, преимущественно в собственных именах: *Quīnctus*, *Quīnctius*, *Quīnctilius*, а также арх «кремль», *calx* «известъ, пятка», *falx* «серп», *merg* «товар» (т. е. *arcs*, *calcs*, *falcis*), восста-

новленных по форме основы косвенных падежей *arcis*, *arcī*, *calcis*, *calcī* и т. д. При этом фонетические формы оставили до некоторой степени следы. Так, мы находим *mers* в рукописях Плавта (*Cist.*, 727; *Men.*, 758; *Persa*, 238, 586; *Poen.*, 342). Далее, грамматик Флавий Капр (*GL*, VII, 98, 10) указывает на необходимость различия *cals* «известь» от *calx* «пятка» (*«cals dicendum, ubi materia est, per s»*¹, и это замечание, независимо от того, отражает ли оно реальный факт, или нет, во всяком случае свидетельствует о существовании произношения *cals*.

§ 101. Каждый губной или палатальный смычный выпадал перед тем *s*, за которым следовал какой-нибудь другой согласный. Если конечный согласный группы был звонкий, то *s* в свою очередь выпадало, заменяясь удлинением предшествующего гласного в случае его краткости (согласно § 96).

a) *asportō* «уношу» из **apsportō*.

ostendō «показываю» из **opstendō* (собственно «протягиваю навстречу»).

sustulī, perf. от *tollō* «поднимаю», из **supstulī*.

Oscī, -ōrum, «оски» из *Opscī* (ср. Фест, 218, 12: «Oscos

quos dicimus ait Verrius Opscos antea dictos»).

suscipiō «предпринимаю» из **supscapiō* (с изменением гласного по § 15, п. 4).

sescentī «шестьсот» из **sexcentī* (*x=cs*).

П р и м е ч а н и е. Префиксы *ops-* в **opstendō* и *sups-* в **supstulī*, **supscapiō* возникли по образцу *aps-* на основе формулы пропорции: *ap-(ab-)*: *aps-* = *op-(ob-)*, *sup-(sub-)*: *x*; ср. также *ex-*, то есть *ecs-*, как дублет при *ec-*. (см. § 72).

Примеры аналогического восстановления: *abstulī*, perf. от *auferō* «уношу» (фонетическая форма *astulī* засвидетельствована грамматиком Харисием; *GL*, I, 237, 2), *sextus* «шестой», *extrā*, предлог «вне» и наречие «вовне». Однако эти восстановленные формы принадлежали исключительно литературному языку, народ же знал только *sextus*, *estrā*; ср. старофранц. *siste*, *estre*.

dexter «правый» и *juxtā*, предлог «около» и наречие «рядом», произошли в результате синкопы из **dex(i)ter*,

¹ «Cals, когда говорится о материале, надо произносить через *s*».

*jūg(i)stā (последнее образовано от *jūgistas, древней формы превосходной степени от jūgis «постоянный»). Таким образом, группа -xt- была в них вторичной, чем и объясняется ее сохранение, по крайней мере в литературном языке. В народной речи это вторичное -xt- было сведено к -st- точно так же, как и -xt- первичное; ср. старофранц. *destre*, *joste*¹. <

б) āmittō «отсылаю, теряю» из *apsmittō.
ēbibō «выпиваю» из *exbibō.

jūmentum «вьючное животное» из jouxmentom, за-
свидетельствованного весьма древней надписью, найден-
ной на римском форуме (*CIL*, I², 1; ou>й согласно
§ 33).

sēdecim «шестнадцать» из *sexdecim.
tēla «ткань» из *texla (*texō* «тку»).

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ГРУППЫ ns ПЕРЕД ЗВОНКИМ СОГЛАСНЫМ

§ 102. Примеры этой редукции, представляющей собой результат сочетания законов, сформулированных выше (в §§ 96 и 97), сводятся почти исключительно к случаям сложения префикса *trans-* со словами, начинающимися со звонкого согласного; ср., например:

trādūcō «перевожу» из *transdūcō.

trāmēbō «перехожу» из *transmēbō.

trānō «переплываю» из *transnō.

Рядом с этими фонетическими формами часто употреблялись восстановленные формы trānsdūcō, trānsmēbō, trānsnō.

¹ Старофранц. *joste* предполагает в качестве исходной латинской формы *jūstā* с кратким и. Однако это не дает нам права с точки зрения строгого метода видеть в этом аргумент против предложенной выше этимологии *jūstā*, согласно которой это слово содержало долгое и. Действительно, во многих случаях количество гласных в вульгарной латыни, раскрываемое романскими языками, отличается от количества их в литературном языке; ср., например, лат. классическое nūtrīx «кормилица» (с ю, происшедшим из ou согласно § 33) и pīsum «горох», но лат. вульгарные nūtrīx, pīsum, подтверждаемые франц. *nourrice*, итал. *nodrice* и франц. *pois*. (Прим. автора.)

СЛОГ

Разделение слогов

§ 103. Артикуляционные группы, называемые словами, подразделяются на столько отрезков, сколько они содержат гласных (или дифтонгов). Эти отрезки, отделяемые друг от друга полным или частичным смыкающим движением органов рта или просто прекращением колебаний голосовых связок, носят название **слогов**.

В латинском языке граница слога находилась непосредственно после гласного (или дифтонга), когда за ним следовал другой гласный или единичный согласный. Когда за гласным (или дифтонгом) следовали два согласных или двойной согласный, то согласные элементы распределялись между обоими слогами. Единственным исключением здесь было сочетание «смычный + дрожащий или боковой», которое полностью входило в последующий слог. Наконец, из трех согласных первый и второй всегда относились к предшествующему слогу, а третий — к последующему, если только группа не заканчивалась смычным со следующим за ним дрожащим или боковым. В последнем случае слогораздел проходил после первого из трех согласных.

Таким образом, разделяли:

1. a) de-a, me-us, ā-ēr, co-ēgī, clo-āca.
б) ca-dō, pau-per, cae-cus, ro-sa, do-mus, si-nus, ā-ra,
cae-lum.
2. a) ag-men, prop-ter, tēc-tum, ip-se, aes-tās, pis-cis,
am-bō, om-nis, pug-na ($g = \text{y!}$), mēn-sa, or-dō, pul-vis,
но
qua-drāns, ā-trōx, fe-bris, su-prā, ae-grē, lu-crum,
locu-plēs.
б) ag-ger, gib-bus, sic-cus, pos-sum, fer-re, il-le, sum-
mus, an-nus.

3. *dex-ter, ins-tar, temp-tō, sānc-tus,*
 но
spec-trum, cas-tra, mem-brum, tem-plum.

Такова, в общем, система, соблюдаемая в наиболее правильных надписях и, несомненно, точно отражающая фонетическое разделение. Правда, система правил, формулируемых римскими грамматиками, начиная с IV в., требует связывать с последующим слогом каждую группу согласных, с которой может начинаться слово, и разделять, например, *a-sper, ae-stās, ca-strā, ru-gna*, основываясь на том, что группы *sp, st, str, gn* находятся в начале таких слов, как *spīca, stēlla, strāgēs, gnārus*. Но это только вымышленные тонкости, лишенные какого бы то ни было лингвистического интереса. Это подтверждается хотя бы тем, что указанные грамматики устанавливают даже такие слогоразделы, как *o-mnis, pro-pt̄er, re-ctus*, ссылаясь при этом на такие слова, как *Mnēstheus, Ptolemaeus, Ctēsi-phōn*.

Необходимо, однако, ввести одно существенное ограничение в правила, сформулированные выше. Оно касается случаев глагольного и именного словосложения типа *prōdeō, redarguō, abripiō, oblinō, haruspex, lectisternium*, где слогораздел определялся этимологическим ощущением. Таким образом, разделяли *prōd-eō, red-arguō, ab-ripiō, ob-linō, haru-spex, lecti-sternium*, а не *prō-deō, re-darguō, a-bripiō, o-blinō, harus-peх, lectis-ternium*, как того требовал бы общий принцип. Это позволяет нам понять, почему у Плавта и Теренция начальный слог сложных глаголов типа *abripiō, oblinō* всегда долгий (например, Плавт, *Circ.*, 695; Рон., 1195; Теренций, *Andr.*, 786), хотя в старой драматической поэзии группа «смычный + + дрожащий или боковой» никогда не производит долготы по положению.

П р и м е ч а н и е. Если, за исключением сложных слов, интервокальная группа «смычный +г или І», начиная со времени появления первых литературных текстов, целиком связывалась с последующим слогом, то в долилитературной латыни этого не было. Действительно, *obsēcrō* «умоляю» наряду с *sācētō* «посвящаю» показывает, что в **obsācrō*, откуда оно произошло, слогораздел находился между с и г, так как, если бы в эпоху изменения гласного ā в *obsācrō* находилось в открытом слоге, иначе говоря, если бы в это время разделяли **obsā-crō*, мы имели бы **obsīcrō*, а не *obsēcrō*.

Длительность слогов

§ 104. Слог был кратким, когда он оканчивался кратким гласным, например: ё-(ō), fī-(dēs), rē-(trō), (es)-sē, mō-dō, ī-tā-quē, ä-grī-sō-lā; равным образом, кратким был и последний слог таких слов, как novūs, mēnsis, flūmēn, procūl, intēr, tegit, если они находились перед словом, начинавшимся с гласного, с которым их конечный согласный связывался в потоке речи: словосочетания novus annus, procul abest, inter eōs произносились novu/sannus, procu/labest, inte/reōs.

Слог был долгим:

а) когда он заключал в себе долгий гласный или дифтонг, например: sē-(na), tēc-(tum) (см. § 35, п. 3), cae-(lum), faus-(tus), ex-(trā), (il)-lūc, strā-gēs, quae-sī-vī, dē-mē-tī-ri;

б) когда он, хотя и заключал в себе краткий гласный, оканчивался на согласный или на группу согласных, например: rīp-(pis), sīc-(cus), mēs-(sis), sūm-(mus) (краткость коренного гласного в этих словах доказывается сохранением двойного согласного, который перешел бы в простой согласный, если бы ему предшествовал долгий гласный; см. §§ 64, 65 и 66), pār-(cō) (краткость **a** доказывается его качественным изменением в perf. perērgī; см. § 18, п. 1), nēr-(tis) «внучка» и «племянница» (ср. nērōs «внук» и «племянник»), sūb-dō (ср. sūbeō), fērs, fērt (ср. fērō); долгим был также конечный слог в novūs, mēnsis, flūmēn, procūl, intēr, tegit перед словом, начинающимся с согласного, или в конце фразы или части фразы перед значительной паузой, когда конечный согласный сливался со следующим словом и слог, часть которого он составлял, оставался закрытым.

Начиная с Энния, римские поэты иногда за долгий считали слог, содержащий краткий гласный, за которым следовала группа согласных «смычный + r или l», несмотря на то, что (за исключением сложных слов типа abripō, oblinō; см. § 103) эта группа принадлежала целиком к следующему слогу и предыдущий слог поэтому был открытым, а следовательно, должен был остаться кратким (каким он всегда и оказывается у Плавта и Теренция). Так, agrī, род. п. ед. ч. или им. п. мн. ч. от äger «поле», начинает гекзаметр у Энния (Ann., 320) и образует последнюю

стопу гекзаметра у Вергилия (Georg., II, 183) и Овидия (Met., III, 528). Ср. также у Овидия (Met., I, 75):

«ter^a feras cepit, volucres agitabilis aer»,

но у него же (Met., V, 364):

«monte suo residens natumqu(e) amplexa volucrem»;

или у Вергилия (Aen., III, 690):

«tal^a monstrabat relegens errata retrorsus»,

но у него же (Aen., III, 686).

«ni teneant cursus; certum (e)st dare linte^a retro».

Долгая скандовка в словах этой структуры искусственна; она основана на ученом подражании греческой пропсодии.

П р и м е ч а н и е. Если слово, содержащее слог, который допускает двоякую просодию (как это только что было показано), встречается дважды в одном стихе, то поэты классической эпохи никогда не придают этому слогу одно и то же количество, а чередуют краткость и долготу. Ср., например, у Лукреция (IV, 1222):

«qua^a patribus patres tradunt ab stirpe profecta»,

у Овидия (Met., XIII, 607):

«et primo similis volucri, mox vera volucris»;

у Горация (Carm., I, 32, 11—сапфический одиннадцатисложник):

«et Lycum nigris oculis nigroque».

§ 105. Согласно терминологии римских грамматиков, долгие слоги, несмотря на краткость содержащегося в них гласного элемента, являются долгими «по положению» (*positione* или *positu*). См. замечание Квинтилиана: «certe in dimensione pedum syllaba, quae est brevis insequente vel brevi alia, quae tamen duas priores consonantes habeat, fit longa, ut: agrestem tenui musam... a brevis, gres brevis, faciet tamen longam priorem, dat igitur illi aliiquid ex suo tempore. quo modo, nisi habet plus quam quam quae brevissima, qualis ipsa esset detractis consonantibus? nunc unum tempus accommodat priori et unum accipit a sequente; ita duae

natura breves positione sunt temporum quattuor¹ (Instit. orat., IX, 4, 86).

Геллий замечает по поводу слова *subicit*, что коренное *i* «vit consonantis capit et idcirco ea syllaba productius latiusque paulo pronuntiata priorem syllabam brevem esse non patitur, sed reddit eam positu longam»². Термины *positione* или *positu*, переведенные с греческого, как и большинство технических терминов латинской грамматики, означают собственно «условно». Действительно, греческие теоретики полагали, что слоги, содержащие долгий гласный, долги сами по себе, в соответствии с природой вещей, тогда как слоги, содержащие краткий гласный, за которым следует двойной согласный или группа согласных (за исключением группы «смычный+r или l»), становятся долгими в результате известного соглашения. Но в Риме, где дебатировавшийся у греческих философов вопрос о том, возникли ли имена вещей естественно, или были созданы искусственно, не вызывал интереса, правильное понимание выражений *positione* или *positu* вскоре было утрачено, и их стали употреблять, вкладывая в них смысл «по положению», т. е. в связи с положением гласного перед двойным согласным или перед группой согласных.

Объяснение удлинения «по положению» заключается, как мы видели, в фонетическом разделении слогов. Группа согласных, разделенная между двумя слогами, удлиняла первый из них; группа согласных, не разделенная, а целиком связанная со вторым слогом, оставляла первый слог кратким, разумеется в том случае, если его гласный элемент не был долгим по природе.

Необходимо избегать неправильного представления

¹ «Несомненно, что при измерении стоп краткий слог становится долгим, если за ним следует другой, хотя бы тоже краткий, но начинающийся с двух согласных. Например: в *agrestem tenui musam...*» а является кратким, *gres* тоже; однако он делает предыдущий слог долгим, то есть отдает ему часть своей долготы. Возможно ли было бы это, если бы *gres* не имело большей длительности, чем простой краткий, которым оно было бы без согласных? И вот, слог *gres* отдает одну мору предыдущему слогу и получает одну из следующего; таким образом, два слога, краткие по природе, «по положению» оказываются четырехморной длительности».

² «приобретает значение согласного, и поэтому данный слог, произносимый несколько протяжнее и шире, не позволяет предыдущему слогу быть кратким, а делает его долгим «по положению».

о том, будто бы «положение» удлиняет гласный звук. Долгим «по положению» становится не гласный звук, а слог, в состав которого входит этот гласный.

Гаплологическое выпадение слога

§ 106. Внимание говорящего субъекта, опережая движения речевых органов, уже с самого начала артикуляции всегда направлено на вторую часть слова. Поэтому если два смежных слога начинаются с одного согласного или если гласный звук, образующий центр слова, находится между двумя тождественными согласными, то возникает стремление сразу же перейти ко второму слогу, пропуская первый вместе с промежуточным гласным. Это явление, влекущее за собой потерю одного слога, носит название гаплологии — термин, означающий собственно «единичное произношение того, что должно было бы произноситься дважды». Действительно, так как второй из одинаковых согласных предвосхищается в момент произнесения первого, то они сливаются в один.

Примеры:

arcubīt «гарнизон кремля» («qui excubabant in arce», Павел Диакон, 23, 19) из **ar/ci/cubīt*.

cōnsuētūdō «привычка» из **cōnsuēti/tūdō* (образованного от *cōnsuētus* «привычный», как *longitūdō* «длина» от *longus* «длинный»).

honestās «честность» из **hones/ti/tās* (образованного от *honestus* «честный», как *dignitās* «достоинство» от *dignus* «достойный»).

portōrium «пошлина» из **por/ti/tōrium*; ср. *portitor* «портовый досмотрщик».

sēmodiūs «полмодия» из **sē/mi/modiūs*.

Restūtus, *Restūta*, прозвище, часто встречающееся в надписях (например, *CIL*, II, 5699; III, 4963; VI, 2380; VIII, 9052), из **Res/ti/tūtus*, **Res/ti/tūta*.

occlūstī (у Плавта, *Trin.*, 188) вместо *occlū/si/stī*; *scripstī* (у Плавта, *Asin.*, 802) вместо *scrip/si/stī*; *exclūstī* (у Теренция, *Eun.*, 98) вместо *exclū/si/stī*; *mīstī* (у Катулла, XIV, 14) вместо *mī/si/stī*; *ēvāstī* (у Горация, *Sat.*, II, 7, 68) вместо *ēvā/si/stī*.

Повидимому, гаплологическое выпадение происходило

в латинском языке с тем большей легкостью, чем больше слогов было в подвергающемся ему слове. Именно поэтому *portitōrium изменилось в portōrium, но из portitor не получилось *portor, и гаплографическому упрощению *honestās, *cōnsuētitūdō в honestās, cōnsuētūdō противостоит сохранение первоначальной формы в castitās «целомудрие» и в altitūdō «высота».

П р и м е ч а н и е. Некоторые лингвисты вместо термина гаплография пользуются терминами **слоговое наложение** или **слоговая диссимиляция**. Этих терминов следовало бы избегать, так как они не соответствуют сущности явления. Правда, можно было бы представить себе, что при переходе *sēmitodius в sēmodius второй из двух слогов, начинающихся с т, оказался бы как бы наложенным на первый слог и, перекрывая его, вызвал бы его исчезновение. Однако очевидно, что такое объяснение неприменимо в случаях типа ēvāsistī>ēvā tī, потому что в ē-vā-sis-tī не было двух последовательных слогов, начинающихся с одного и того же согласного. С другой стороны, представляется бесспорным, что и в *sē/mi/modius и в ēv/ās/is/tī причиной потери одного из двух последовательных отрезков было их сходство. Если мы и имеем здесь дело действительно с диссимиляцией, то все же нельзя говорить о «слоговой» диссимиляции применительно к таким случаям, как ēv/ās/is/tī, excl/ūs/is/tī>ēvāstī, exclūstī, где два сходных отрезка не составляют слогов.

БИБЛИОГРАФИЯ¹

Как на непосредственное продолжение введение в историю латинского языка, началом которого служит эта книга, нужно указать на:

A. Ergout, *Morphologie historique du latin*. Париж, 1945 (готовится русский перевод).

Более подробно излагают материал латинской исторической грамматики:

Stoltz-Schmalz, *Lateinische Grammatik. Laut- und Formenlehre, Syntax und Stilistik*. 5 изд., в обработке M. Leumann и J. B. Hofmann, Мюнхен, 1928.

F. Sommer, *Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre*. 2 и 3 изд., Гейдельберг, 1914, с отдельно вышедшим дополнением:

F. Sommer, *Kritische Erläuterungen zur lateinischen Laut- und Formenlehre*. Гейдельберг, 1914.

W. M. Lindsay, *The Latin language. An historical account of Latin sounds, stems and flexions*. Оксфорд, 1894 (нем. пер. 1897).

Книга до сих пор сохраняет значение благодаря приводимым в ней выдержкам из древних латинских грамматиков, важным для истории латинского языка.

Тому же автору принадлежит краткий учебник, имеющийся в русском переводе: В. М. Линдсей, *Краткая историческая грамматика латинского языка*. Пер. и доп. Ф. А. Петровского, Москва, 1948.

Фундаментальным пособием специально по фонетике служит: A.-C. Juret, *Manuel de phonétique latine*. Париж, 1921.

С вопросами фонетики тесно связана метрика, которой посвящены следующие работы:

Fr. Vollmer, *Römische Metrik*. Входит в состав A. Gercke и Ed. Norden, *Einleitung in die Altertumswissenschaft*. 3 изд., I, 8, Лейпциг, 1923.

Fr. Crusius, *Römische Metrik. Eine Einführung*. Мюнхен, 1929.
L. Müller, *De re metrica poetarum Latinorum praeter Plautum et Terentium libri septem*. 2 изд., 1894.

J. P. Postgate, *Prosodia Latina. An introduction to Latin verse*. Оксфорд, 1923.

¹ Переработана и дополнена переводчиком.

Рассматривают параллельно факты истории греческого и латинского языков:

- A. Meillet et J. Vendryès, *Traité de grammaire comparée des langues classiques*. Париж, 2 изд., 1928; 3 изд., 1948.
C. Buck, *Comparative Grammar of Greek and Latin*. Чикаго, 1938.

Задачу представить развитие латинского языка в более широкой исторической перспективе пытаются разрешить:

- A. Devoto, *Storia della lingua di Roma*. Болонья, 1944.
A. Meillet, *Esquisse d'une histoire de la langue latine*. Париж, 1928.
P. Kretschmer, *Lateinische Sprache*. Входит в состав A. Gercke и Ed. Norden, *Einleitung in die Altertumswissenschaft*. 3 изд., I, 6, Лейпциг, 1923.
F. Skutsch, *Die lateinische Sprache*. Входит в состав P. Hinneberg, *Die Kultur der Gegenwart*. 3 изд., I, 8, Берлин, 1912.
Fr. Stoltz, *Geschichte der lateinischen Sprache*. 2 изд. A. Debrunner, Лейпциг, 1922.

Введением в изучение вульгарной латыни и романского языкоznания служат:

- C. H. Grandgent, *An introduction to Vulgar Latin*. Бостон, 1907 (в 1927 г. вышло переработанное издание на испанском языке).
A. Zauner, *Romanische Sprachwissenschaft*. Лейпциг, 1914.
E. Bourciez, *Éléments de linguistique romane*. 3 изд., Париж, 1930.

Вкратце затронуты эти вопросы также в книге:

- M. B. Сергиевский, *История французского языка*. 2 изд., Москва 1948.

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМЫХ АВТОРОВ¹

- Авл Геллий (II в.) — 42, 69, 71, 116, 161.
Акций (170 г. — после 90 г. до н. э.; цит. по изданию: O. Ribbeck,
Scaenicae Romanorum poesis fragmenta, 3 изд., т. I) — 18, 110.
Аппендикс Проба (начало IV в.; цит. по изданию H. Keil, *GL*, т. IV) —
91, 101, 109, 112, 141, 152.
Варрон (116—27 гг. до н. э.) — 20, 62, 91, 146.
Велий Лонг (1-я половина II в.; цит. по изданию H. Keil, *GL*, т. VII) —
48, 103, 105, 107, 121.
Вергилий (70—19 гг. до н. э.) — 42, 50, 72, 74, 75, 78, 84, 93, 96,
102, 108, 119, 121, 122, 160.
Веррий Флакк (ум. в 1-й половине I в.) — 103.
Гораций (65—8 гг. до н. э.) — 74, 75, 78, 96, 105, 147, 160, 162.
Диомед (2-я половина IV в.; цит. по изданию H. Keil, *GL*, т. I) — 19.
Донат (середина IV в.) — 148.
Драконтий (2-я половина V в.) — 25.
Иероним (около 350—420 гг.) — 147.
Исидор Севильский (около 570—636 гг.) — 25.
Капр (II в.; цит. по изданию H. Keil, *GL*, т. VII) — 67, 155.
Кассиодорий (около 490—585 гг.; *De orthographia et de arte gram-
matica excerpta*; цит. по изданию H. Keil, *GL*, т. VII) — 85, 117.
Катон Старший (234—149 гг. до н. э.) — 10, 65, 76, 87, 89, 104, 123.
Катулл (около 84—54 гг. до н. э.) — 72, 75, 83, 94, 97, 101, 105, 162.
Квинтилиан (около 35—95 гг.) — 19, 30, 32, 40, 44, 45, 48, 52, 60,
73, 83, 91, 93, 96, 102, 103, 105, 106, 120, 127, 146, 151, 160.
Ливий Андronик (около 284—204 гг. до н. э.) — 10, 86.
Лукан (39—65 гг.) — 43.
Лукреций (97—55 гг. до н. э.) — 43, 45, 50, 52, 54, 55, 63, 73, 75,
76, 78, 84, 94, 105, 160.
Луцилий (180—102 гг. до н. э.; цит. по изданию F. Marx, C. Lucilii
carminum reliquiae) — 39, 51, 73, 94, 110.
Манилий (1-я половина I в.) — 84.
Марий Викторин (середина IV в.; *Ars grammatica*; цит. по изданию
H. Keil, *GL*, т. VI) — 86.
Марцелл Эмпирик (около 400 г.) — 101.
Марциал (около 40—103 гг.) — 43, 56, 75, 107.
Марциан Капелла (IV—V вв.) — 63.
Мессала (род. около 65 г. до н. э.) — 103, 104.

¹ Цифры указывают на страницы.

- Невий (ум. в 201 г. до н. э.; *Bellum Punicum*; цит. по изданию W. Morrel, *Fragmenta poetarum Latinorum epicorum et lyricorum praeter Ennium et Lucilium*) — 10, 88.
- Нис (I в.) — 121.
- Ноний Марцелл (1-я половина IV в.; цит. по изданию J. Mercier, Париж, 1583) — 90, 101.
- Овидий (43 г. до н. э.—17 г. н. э.) — 43, 44, 74, 75, 78, 92, 101, 102, 107, 147, 160.
- Павел Диакон (около 730—800 гг.; цит. по изданию Lindsay, см. Фест) — 36, 49, 54, 75, 76, 86, 89, 92, 147.
- Персий (34—62 гг.) — 84.
- Петроний (ум. в 66 г.) — 108.
- Плавт (около 251—184 гг. до н. э.) — 10, 19, 32, 35, 38, 39, 45, 50, 51, 52, 56, 58, 60, 64, 66, 72, 73, 74, 75, 81, 88, 89, 93, 95, 96, 102, 105, 107, 108, 110, 114, 119, 123, 147, 155, 158, 159, 162.
- Плиний Старший (23—79 гг.) — 122.
- Помпей (V в.; цит. по изданию H. Keil, *GL*, т. V) — 21, 122.
- Присциан (около 500 г.; цит. по изданию M. Hertz в H. Keil, *GL*, тт. II и III) — 19, 87, 103, 107.
- Проб (III—IV вв.; *Instituta artium*; цит. по изданию H. Keil, *GL*; см. также Аппендикс Проба) — 111.
- Проперций (около 49—15 г. до н. э.) — 57, 74, 75, 119.
- Светоний (I—II вв.) — 66.
- Сенека сын (около 4—65 гг.) — 42.
- Сервий (IV—V вв.) — 73, 111.
- Сергий (IV—V вв.; цит. по изданию H. Keil, *GL*, т. IV) — 20.
- Сидоний Аполлинарий (около 433—483 гг.) — 25.
- Силий Италик (до 35—101 гг.) — 84, 102.
- Стаций (между 40 и 45—около 96 гг.) — 147.
- Тацит (около 56—после 116 гг.) — 84.
- Теренций (около 190—159 гг. до н. э.) — 51, 52, 56, 57, 60, 64, 66, 73, 75, 76, 89, 96, 105, 119, 158, 159, 162.
- Тит Ливий (59 г. до н. э.—17 г. н. э.) — 45, 86, 96.
- Фест (предположительно II в.; цит. по изданию W. M. Lindsay, *Sexti Pompei Festi de verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome*) — 49, 65, 113, 122, 128, 132, 135, 155.
- Харисий (середина IV в.; цит. по изданию H. Keil, *GL*, т. I) — 19, 155.
- Цезарь (100—44 гг. до н. э.) — 92.
- Цецилий (ум. в 166 г. до н. э.; цит. по изданию O. Ribbeck, *Scaen. Roman. poesis fragm.*, 3 изд. т. II) — 51, 53.
- Цицерон (106—43 гг. до н. э.) — 19, 20, 38, 39, 65, 67, 73, 82, 92, 93, 107, 108, 121, 133, 146, 152.
- Энний (239—169 гг. до н. э.; цит. по изданию J. Vahlen, *Ennianae poesis reliquiae*, 2 изд.) — 10, 50, 54, 55, 56, 60, 73, 84, 128, 147, 159.
- Ювенал (около 55—135 гг.) — 57.

УКАЗАТЕЛЬ ЛАТИНСКИХ СЛОВ¹

a

aastutieis 49
 abdoucit 64
 abdūc 51
 abdūcō 127
 abi 56
 abiciō 41, 42
 abietis 34, 77
 abigō 30
 abīs 49
 abīt (=abiit) 75
 abjectus 35
 ablu(v)o 31
 abnegō 132
 abnuō 132
 abstineō 29
 abstulī 155
 ac 50, 52, 147
 accénsus 68
 accipiō 33
 accrēscō 116
 accumulō 117
 accū(s)o 38, 64
 acer, aceris 34
 ācer (м. п.) 54, 118, (ж. п.) 55
 Achelōus 74
 Achilles 82
 Aciles 81
 ācris (ж. п.) 55, (м. п.) 54, 55
 āctitō 69
 áctum 69
 āctus 68, 78, 126
 ad 87
 adāctus 69
 adamō 37

adbibō 140
 addīc 23, 24, 51
 ades 119
 adferō 130
 adfigō 130
 adgerō 140
 adhibeō 31
 adiciō 42, 43
 adīstī 75
 adlātus 135
 adloquor 135
 admoveō 133, 134, 142
 adnotō 133
 adsequor 130, 131 —
 adsum 131
 adtenuō 146
 adtero 146
 adversum 59, 60
 advorsum 60
 aedēs 62
 aedificium 30
 āer 74
 aere 88
 aerī 88
 aeris 91
 āeris 74
 afferō 130
 affigō 130
 Agathocles 82
 Agato 81
 agceps (=anceps) 18
 agellus 137
 aggerō 140
 aggulus (=angulus) 18
 agilis 46
 agnus 18

¹ Цифры указывают на страницы

- agō 71, 78
 agrestis 102
 agurium 67
 Agusta 67
 Agustus 67
 ahēnus 97
 aide (=aedem) 62, 104
 Aiiax 107
 aiio 107
 aiunt 108
 aio 108
 aire 62
 airid 88
 ajō 107
 ajō 107
 alacer 38
 alacris (p. n.) 38
 Albāt longāt 50
 albeus (=alveus) 112
 albus 90
 aliāve 24
 aliquid 87
 aliud 87
 allātus 135
 alloquor, 135
 alnus 139
 altitūdō 163
 amā 56
 amā 57
 amāt 111
 amāre 91
 amās 23, 55
 amāsse 121
 amat 55
 āmittō 156
 ammoveō 133
 amnegaverit 132
 amnegō 132
 amnuō 132
 amōr 97
 amōs 97
 amp(h)ora 36, 82
 ampulla 36, 82, 137
 anas 38, 47
 anatem 38
 anatī 38
 anatis 38, 47
 anceps 18
 angulus 18
 animāt 50
 animal 47, 55, 100
 animālis 47, 55
 anites 38
 anitum 38
 annectō 133
 annītor 133
 annoro (=annōrum), 45
 annotō 133
 annuō 132
 annus 121
 anser 98
 ante 44, 50
 anteit 78
 Antiocus 81, 82
 antistes 44
 aperiō 126
 Apolones (=Apollinis) 46
 áppetit 26
 appetō 12, 13
 apsolvēre 127
 apud 87
 aquāt 50
 aquila 31
 Arānēola 25
 arāt 56
 arbitratuu 59
 arbor 96
 arboris 80
 arbōs 80, 96
 arcibus 33
 arcubīt 162
 arcubus 32, 33
 arēna 98
 arfari 87
 arfines 87
 arfuerunt 87
 arfuise 87
 arietis 34, 77
 armāque 24
 arrigō 134
 arripiō 134
 ars 53, 138
 ārsī 117, 138, 153
 artibus 33
 artubus 33
 arundo 98
 arvectum 87
 arvehant 87
 arvenae 87
 arventores 87
 arvolare 87
 arvorsario 87

arvorsum 87
arx 154
ascendō 35
ascultāre 67
asenam 91
asinus 13, 93
aspīrō 116, 153
asportō 155
assecla 147
assequor 130
assidō 131
assiduus 113
assistō 131
assum 131
astō 153
astulī 155
atferō 130
atfigō 130
atque 50, 52
ātrōx 53
atta 115
attenuō 117, 146
atterō 146
attingō 38, 57
attrahō 116
attulī 44
auceps 23, 32, 40, 47
auctor 56, 141
aucupis 32
audacter 40
audax 23
audeire 61
audī (=audīvī) 109
audiēre 96
audiēris 96
audī 109
audīt 109
audīit 73, 109
audīt 73, 109
audītre 91
audīret 56
audīs 55
audīsse 121
audit 55, 110
audīt (=audīvit) 109, 110
augeāt 56
aula 123, 124
aulāt 50
aulla 123
aureā 78
auricla 26

auricula 26, 65
aurifex 32, 47
aurufex, 32
aurum 65, 66
aus (=avus) 109
auspicis 29
autor 141
autumnus 149
autumpnus 149
auxiliāris 100
auxilla 124
avārus 110
aveo (=habeō) 85
aversum 60
avetat (=habitat) 85
avus 108

b

baca (вакханка) 81
baca (ягода) 114
bacanal 81
bacca 114
baccha 81
bacchānāl 56, 81
baliat (=valeat) 86
balineum 40
balneum 40
barba 22
basis 92
bellum 146
benē 57
bidēns 146
bīduom 48
biennium 35
bīgae 42
Bīlia 147
bīmus 75, 79
bis 146
bixit 86
bobis 86
bonās 56
bonīs 56
bonus 146
bovid 88
brebis 85
breviter 40
brūma 42
buccae 115
bulla 115

- caelum (небо) 63, 99
 caelum (резец) 123, 124
 caementum 122, 134
 Caepio 82
 caeruleus 99
 Caesar 47
 caesariēs 93
 Caeseris 47
 calamus 38
 calcāt, 111
 calcar, 47, 56, 100
 calcāris 47, 56
 caldus 40
 calidus 40
 cālīgō 86
 calix 46
 cals (=calx) 155
 calx 154
 camellus, 115
 canālis 116
 cantābam 55
 cantābās 55
 cantāt 111
 cape 51
 capitis 30
 capra 66, 135
 Capteivei 61
 cas(s)us (причастие) 69, 71
 cas(s)us, -ūs 93, 121, 145, 146
 castitās 163
 cate 57
 Catilīna 31
 catulus 31
 catus 80
 caulis 65
 caus(s)a 38, 66, 93, 121
 cavē 56
 cavilla 101
 .ce 24
 cecidī 29
 cecidī 39
 cecinī 30
 ceditō 88
 ceivis 60, 61
 celeber 37
 celer 58, (м. р.) 54, (ж. р.) 55
 celeris (ж. р.) 55, (м. р.) 54
 celsus 58
 cénstor 68
 centhuriō 82
 centuriō 82
 Cereres (п. п.) 46
 certissimū(s) nuntiū(s)
 mortis 94
 cervical 100
 cesor 151
 Cetēgus 82
 Cethēgus 82
 ceu 64
 chenturiō 82, 83
 chommodum 83
 chorōna 82, 83
 chorus 19, 82
 cineris 33
 Cisauna (=Cisaunam) 104
 cisium 92
 cithara 19
 citō 57
 citrō 135
 cīvis 60
 clāmitāre 35
 clanculum 143
 clārus 55
 claus(s)t 131
 claustrum 149
 cloāca 76
 clūdō 39
 coāctus 69, 76
 coalescere 77
 coctus 147
 coēgī 63, 76
 coēpī 63, 76
 coēpī 63, 77
 coepio 76, 77
 coeptus 77
 coerco 35
 coetus 76
 cofeci 151
 cōgō 63, 69, 76
 coiux 108
 cōlis 65
 colligō (-āre) 28
 colligō (-ere) 29
 colloquium 136
 collum 137
 collu(v)ō 31
 colūbra 25
 columnen 59
 comedō 12, 13
 comes 136, 142

- comfluont 18
 comminuо 28
 communis 63
 comо 76, 77
 comoinem 63
 comparо 37
 compascuos (им. п. ед. ч.) 48
 compellо 143
 compitum 29
 complоdo 66
 compоnо 143
 compsI 149
 comptus 149
 concidI 117
 concinо 30
 concluо 38
 concordis (им. п.) 53
 concors 53, 143
 concrepuit 68
 conculсo 58
 concussI 130
 concutio 41
 confecit 68
 cоnfectus 23
 confice 51
 cоnficio 22, 23, 30, 78, 90
 conflovont 48
 cоnfringо 57
 conicio 42, 43
 cоniveo 89
 cоnixI 89
 conjicio 42
 conloquium 136
 compellо 143
 compоnо 143
 composuit 67
 compromesise 61
 cоnsentio 36
 cоnsentиunt 47
 cоnservus 36, 144
 cоnsilI 75
 cоnsilium 152
 cоnsistо 144
 cоnspicuus 144
 consuese (=cоnsuesse) 121
 cоnsuetudo 162
 cоnsuevit 67
 cоnsularis 99
 contemnо 149
 contempnо 149
 contexto 143
- conticесco 30
 contineо 12, 13
 controversis 60
 contubernaliс 31
 contulI 44
 conacula 100
 cooperire 77
 cooptare 77
 coorIri 77
 cоperiant 76
 cоperuisse 76
 copia 75
 cоptatо 76
 copula 76, 77
 cor. 66
 cоram 76
 corbus (=corvus) 112
 corculum 117, 153
 Corinthus 82
 Corintus 81
 cоritur 76
 Cornelio (=Cornelius), 94
 corniger 30
 corolla 123, 136
 corона 82, 83
 corporis 37
 corripiо 136
 corrumpо 136
 Corsica (=Corsicam) 104
 corruptum 137
 corvus 108
 cos (сокр. cоnsul) 151
 cоs 80
 cosentiont 151
 cosol 151
 coss (сокр. cоnsules, cоnsuli-
 bus) 151
 cоsules 152
 coventionid (=cоntione) 88
 Cresces 151
 criblare 101
 criblum 101
 crocodillus 115
 cuius 108
 culmen 59
 cum 89, 105
 cun nоs 133
 cuprum 135
 curbare 112
 currit 113
 currus (род. п. ед. ч.) 49

curūlis	116	deorsum	72, 108	
custōs	118	dērat	75	
cutis	53	dērit	75	
d				
dabi(s)	supplicium	95	dērrārunt	75
dacrūma	86	derrāsse	75	
damnum	149	derrāverat	75	
dampnum	149	dērunt	75	
darī	56	dēscendō	35	
datō	88	dēses	47, 126	
datōd,	88	dēsilio	31	
dator	96	dēsinō	92	
datuſ	80	dēspectum	69	
dautia	86	dēſſe	75	
dēamāre	77	dēſſem	75	
decem	46, 69	dēſt	75	
dēcīdō	29	dēſtitī	29	
decoris	37	dēſuper	92	
decreivit	61	det	56	
dēdecus	37	dētrectō	35	
dederont	48	dētulī	44	
dedērunt	47	deus	108	
dedicait	111	dexter	155	
dēdiscō	36	Dīāna	74	
dēſſe	77	Dīāna	74	
dēgī	75	dīc	51	
dēgō	76	dīce	51	
dehīnc	78	dīco	61	
dehīnc	78	dīctum	70	
deicerent	61	dīdūcō	151	
dein	50	dīē	88	
deinde	50, 78	dīēt	72	
deivos,	108	diem	55, 78	
dēlerant	110	dīes	55, 78	
dēlēre	91	dīfeidens	61	
dēlerint	110	differō	142	
dēlerunt	110	difficilis	142	
deleſſe	121	diffido	61, 142	
dēleverant	110, 111	diffiteor	29	
dēleverint	110, 111	diffundō	142	
dēlevērunt	110, 111	dīgerō	151	
dēlictum	147	dignitās	34	
dē mē hor(i)tātūr mē)	(=dēhortātūr mē) 128	dignus	57, 132	
dēmandō	37	dīlaniō,	151	
dēmō	75	dīmīcō	28	
dēmpsī	149	dīmidius	12, 29	
dēmptus	149	dīmittō	151	
dēns	79, 118	dingua	86	
dēnu(v)o	31	dīnōscō	67, 151	
		dīrectum	69	
		diribeō	97	

dirimō 91	ēās (conj.), 76
dīruō 128, 148	eat 76
dīs (=dīves) 110	ēbibō 156
discerpō 35	ēbrietās 54
discindō 116	ecferat 130
dispiciō 116	ecferet 130
displōdō 66	ecferte 130
disscindō 117	ēdīc 51
dissentīo 36	ēdītus 29
dissimilis 121	edō 13, 79
disspiciō 117	ēdomō 37
distō 116	ēdūc 23, 24, 51
dītī 109	ēdūcō 67
dītīor 110	ēdus (=haedus) 62
dītīs 109	effectus 35
dītīssimus 110	efferō 130
dīvīnus 110	efferus 34,
dīvīts(s)iō 93, 121	effrāctus 69
dīvītī 110	effugīō 37
dīvītīor 110	effundō 36
dīvītīssimus 110	egēnus 151
dīvīus 109	eheu 64
docet 55	eiius 108
documentum 32	eimferis 68
domi 56	ejus 13
domine 50, 53	ejusdem 13, 151
domuī 31	ēlīgo 12
dōnts 49	em 51
dōnom 48	ēmī 79
dōnum 47, 80	ēmīco 28
dūc 51	emō 79
dūce 51	endoque plōrātō (=implōrātō-
dūcō 64	que) 128
dūllum 147	endostruos 36
dulcis 53	ēnsis 46
dum 89, 105	ēō (наречие) 57
du(v)o, 106	ēōrum 76
dvellum 146	eorun 105
Dvelonai (=Bellōnae) 146	ēōrundem 143
Dvīlia 147	eque 44, 79
Dvilius 147	equos (им. п. ед. ч.) 48, 79
dvonoro (=bonōrum), 104, 146	ērigō 29, 40

e

ēādem 78	erit 91
eam (conj.) 76	erus 55, 98
eādem 143	es (imper.) 52
ēārum 76	es (indic.) 118
ēārundem 143	ēsitō 69
	es(s) (indic.)
	ēs(s)us 69, 71, 145, 146
	est 79, 91
	este 52

- estrā 155
 eundem 143
 evästī 162
 evidēns 28
 exáctus 69
 excerpō 35
 excitō 28
 exclūdo 38
 exclūstī 162
 exemplar 51, 100
 exempläre 52
 exemplum 149, 150
 exemptus 150
 exerceō 35
 exfertō 88
 exiguos (им. п. ед. ч.), 59
 exilium 30
 existimō 38
 exmuccaut 21
 explōdō 66
 exquaestiverō 39
 exquisitiverō 39
 exsatiō 117
 exsculpō 58, 118
 exsolvō 117
 exsommis 117
 exspoliō 118
 exstruō 118
 exsultō 58, 78
 extīnxtī 147
 extorris 79, 122
 extrā 155
 extrinsecus 144
 exulāns 30
 exvehitō 88
- f
- Fabaris 101
 fac 51
 face 51
 faciāt 56
 facilis 55
 faciō 22, 78, 80
 faenisex 92
 failla 112
 Faleriī 34
 fallit 113
 falx 53, 154
 familia 14, 30
 famul 54
 famulus 31
- faōnius 112
 far 116, 118
 farfarus 38
 Farfarus 102
 farferus 38
 farīna 116
 farsī 138, 154
 fartus 154
 faustus 41
 Faventia 112
 favilla 112
 favōnius 112
 febris 55
 feced 46
 fēcī 80
 fecid 46
 fecit 46
 fefellī 35, 90
 feidō 79
 fel 63, 118
 fer 52
 feram 55
 ferās 55
 ferēns 118
 ferimus 32
 ferre 121, 129, 137
 fers 138
 ferte 52
 fesiis 92
 fiam 73
 fidēt 72
 fideī 73
 fidēs 79
 fīebam 73
 fierem 73
 fierī 73
 fiēs 73
 fīgier 89
 fīgō 89
 filī (зват. п.), 77
 filiōd, 88
 filiolus 25, 34
 filiōlus 25
 filios (им. п. ед. ч.) 47
 Filippus 83
 filius 47
 fīnijō 72
 fīnīo 72
 fīō 73
 fissus 70, 145
 fīunt 73

- fīvō 89
 fixī 89
 Flabius 85
 flagrāre (=fragrāre) 101
 flagrum 100
 Flaurus 66
 flaus (=flāvus) 109
 Flaus (=Flāvus) 109
 flāvus 108, 109
 fleō 72
 flēs 56
 flet 56
 flōrālis 100
 flōris 91
 flōs 91, 96
 flovius 59
 fluere 106
 fluīus 59
 flūmen 46
 flūminis 29
 fluvere 106
 fluvius 106
 fōdī 80
 fodiō 71, 80
 foedesum 91
 foedus, -eris 63, 79
 foedus, -a, -um 63
 foetēre 63
 foidere 79
 forēnsia 152
 forēsia 152
 formōs(s)us 93
 fortēque 24
 fortis 53
 fossus 71
 Fourio (=Fūrius) 94
 frāctus 68
 frīgora 44
 frūt 106
 fruontur 36
 fruvī 106
 fūerim 73
 fūerit 73
 fūimus 73
 fūisset 73
 fūit 73
 fuit 73
 fulcrum 100
 fūltgō 87
 fulmen 154
- fūlsī 138, 154
 fultus 154
 fundiblum 26
 fūnebris 128, 148
 fūr 56
 Furii 91, 92
 Fusii 91, 92
 fustis 53
- g**
- gaesum 13, 92
 gallīna 116
 gelū 58
 genera 44
 genetrīcem 80
 genitōrem 80
 genuī 79
 gessī 121
 gibba 115
 gibber 115
 gibbus 115
 gignō 79
 glaciālis 100
 glacieī 72
 gluma 122, 134
 Gnaeus 108
 Gnaivōd 88, 108
 Gracchus 82
 Graccus 82, 83
 gradibus 33
 grallae 135
 gru(v)is 72
 gutta 115
- h**
- habe (=h)avē 85
 habēt 56
 hace 51
 haec 51
 hanc 51
 hance 51
 harēna 98
 harundō 98
 haruspex 46
 haud 89
 hauriō 91
 helus 58
 helusa 58
 hemō 75

- herbula 34
 here 57, 63
 herī 57, 91
 herus 98
 heu 64
 heus 64
 hic 51
 hiemālis 100
 hiemis 34
 hiemps 149
 hiems 46, 77, 79, 144
 hietāre 35
 hīnsidiae 83
 hirpex 98
 hoc(c) 51, 119
 hocce 51
 hoce 51
 holus 58, 98
 homullus 136
 honestās 162
 honestus 41, 80
 honor 41, 96
 honōrem 80
 honōris 46
 honōs 96
 hortēsia 152
 hospitālis 100
 hostis 53
 humerus 98
 hunc 51
- i
- iccircō, 140
 id 87
 idecircō 141
 idem 13, 67, 127, 151
 iferi 151
 ilicō 22, 30
 illātus 136
 illīc 56
 illido 39
 illim 144
 illīus 73
 illīus 73
 illūc 56
 illud 87
 illāstris 55
 im fronte 18
 imbellis 143
 imberbis 22, 36
- imbuō 143
 immemor 145
 immeritō 145
 immineō 145
 imminuō 28
 immītis 145
 immolō, 145
 immūtō 145
 impellō 143
 impraesentiarum 75
 incederetis 61
 incīdō 29
 incīdō, 61
 inclūdō 38
 incomparavili 85
 indicō 143
 indoctus 67
 industrius 36
 ineō 142
 ineptus 36
 īfāns 152
 īfelīx 67
INFERIOR 68
 īficētus 30
 īfirmus 36
 infumo (=īfumum) 45
 ingenuus 143
 inhumanus 67
 iniciō 42
 iniquom 48
 inīt (=iniit) 75
 inmemor 145
 inmeritō 145
 inmineō 145
 inmolō 145
 innoxius 116
 inpellō 143
 inpōnō 143
 inquiētus 143
 inritus 136
 īsānus 67
 īsīgnis 55
 īsulsus 38, 58
 intāctus 143
 integer 37
 intégrum 25
 interīt (=interiit), 75
 intibum 32
 intrinsecus 144
 intrōrsum 76

intubum 32
inūtilis 142
Iō 74
ipsēmet 24
irpex 98
irrigō 136
irritus 30, 136
is 13
istīc 56
istīus 73
istīus 73
istūc 56
ita, 27
itaque 24
itāque 24
itidem 29

j

jouxmenta 64, 155
jovestod 41
jubar 47
jubentutis 85
jūdex 151
jūmentum 64, 156
jūctus 154
jūnior 42, 76
jūniōres 40
Junones (род. п.). 46
Jūpiter 114
Juppiter 114
jūstus 41
juvenēs 41
juventa 106
juvente (=jubente) 85
juxtā 155

k

K (сокр. Kaeſō) 18
K, KAL (сокр. calendae) 18
Kartago 82
KK (сокр. castra) 18

l

labor 96
laborait 111
labōs 96
labrum (=lavābrum) 111
lac 51

lachrima 82
lachruma 82
lacrima 82, 83, 86
lacruma 82
lacte (им. п.) 51
lacubus 33
lapillus 135
lardum 40
lāridum 40
lases 92
lasibus 92
laterālis 100
laterali(s) dolor 94
lātrīna 75, 110, 111
latrō 135
lautia 86
lautus 65
lavābrum 110
lavātiō 110
lavatrīna 110, 111
lectōr 69
lēctor 69
lēctus 68
lēctus 69
lege 50
legere 34, 91
lēgerupa 34
lēgifer 34
legimus 32
leiteras 114
lemures 101
lemuria 101
Lemurino (=Lemurīnum)
lēne 44
lēniit 73
lēnit 73
lētālis 100
libellus 43
līber 54
līberālis 100
libes (=libēns) 151
libet 32
licetōd 88
lictor 56
lictōris 56
lienis 34
lignum 57, 132
līmitis 35
limpha 19
līneola 34

lingere 86
lingua 86
linter 54
lippus 115
lis 53
littera 114
littera 114
littus 114
littus 114
liventer 85
Locina 65
locus 22
locutus 84
loidos 63
loquella 115
loquere (2 л. ед. ч. indic. praes.)
 96
loqueris 96
lotus 65
Loucanum 104
Loucina 65
loucos 65
Luciom 104
lucrum 135
lucus 65
ludus 63
lunar 100

m

machina 19
mage 95
magis 95
magistratus 88
magistratus 88
Maiia 107
maihestati 108
maihesto 108
maiorem 107, 108
maiis 107
majestas 80
major 107
majus 107
majorem 80
majosibus 92
majus 80, 107
maldixit 22
male 57
malo 76
mancipis 32, 33

mancipis 32, 33
mandebat 56
manibus 32, 33
manica 30
manifestus 32, 33
manifestus 32, 33
manus 32, 46
mare 44, 50
Matō 82
maturus 55
mecum 140
med 88
medeors 13
medius 90
Megalēsia 152
mel 118
meliosem 91
meliosibus 92
Menelāus 74
menetrix 101
mensis 152
meritō 88
meritōd 88
mers (=merx) 155
merx 154
mesem 152
mesis 151
Mēsius 62
messis, 145
messor 97
messuī 130
-met 24
mī (дат. п.) 75
mīhi 77
mīles(s) 118, 131
milia 122
militare (=militaris), 44, 94
militaris 100
mille 122
millia 122
milliarium 122
minimus 33
miser 93
mīs(s)i 93, 114
missit 93
mīstī 162
mitte 51
mittō 114
modō 57
moeoco (=moechō) 81
moenia 63

moere (=movēre), 112
mont. (основа mōns) 22, 36
mortālis 100
mortuos (им. п. ед. ч.) 48
mōs 96
muccus 114
mūcus 114
muliērem 25
mūliērem 25
mūnia 63
mūnīre 63
mūsa 13
mutilus 31
Muucius 59

n

nam 89, 105
nārēs 114
nās(s)us 114
nātūrālis 55
nausea 92
nāvalis 100
-ne 24
ne hīlum 56
nec 52, 147
nēmō 75, 97
nepōtem 80
neptem 80
neque 50, 52
neu 64
neuter 64
nēve 64
nigrāque 24
nihil 56
nihilī 56
nihilō 56
nīl 75
ninguit 89
nisī 92
nivālis 100
nivem 89
nix 89, 147
noember 112
noembr s 112
nōrant 111
nōrint 111
nōrunt 111
nōstīn 50
noutrix 65
november 112
nōverant 111

nōverint 111
nōvērunt 111
novitās 30, 34
nox 153
nūbilus 31
num 89, 105
Numasioi
Numerius 34
numerus 34
nūpsi 126
nūtrīx 156
nūtrīx 65

o

ob vōs sacrō (=obsecrō vōs) 128
obdō 127
obferō 130
obfundō 130
obgerō 140
obicit 42
obīt (=obiit) 75
objectus 23
oblīscor 110
oblitus 109, 110
oblīviscor 109, 110
obsecrō 158
obses 131
obsessus 72
obsideō 28, 72
obtegō 37
obtineō 127
obtrectō 35
occansio 152
occlūdō 38
occlūstī 162
occupō 33
ocquīntīscō 140
ocrea 135
ōdī 80
odium 80
odor 86
ofella 116
offerō 130
officīna 41, 130
officiō 30
offundō 130
oggerō 140
oino (=ūnum) 63, 104
oisus (=ūsus, -ūs) 63
ōla (=ōlla) 123

- olere 86
 olla 123
 oloes (=illis) 49
 olus 98
 omittō 116, 134
 omne (=omnem) 104
 omni(s) sit 94
 operiō 127
 operis 91
 opferō 130
 opfundō 130
 opifex 40, 41, 130
 opificīna 130
 opos 48
 oppetō 117
 opprimō 116
 opsides 127
 optimus 32
 optineō 127
 optimui 127
 optimuit 127
 optulit 127
 optumus 32
 opus 47, 91
 ūrāta 65
 orbis 53
 Orcivius 82
 ordinis 46
 ūricula 65
 Ūrōn 74
 ūrum 65
 ūs 118
 Oscī 155
 ostendō 155
 Othō 82
 Otō 82
 ottobres 141
- p
- paastores 59
 paīmentum 112
 Palīlia 99
 pālus 124
 Pampilus 81
 paō 112
 paor 112
 Papisius 92
 paréns 68
 pariens (=paries) 152
- parietis 34, 77
 Parīlia 99
 parricīda 135
 partibus 33
 partubus 33
 parum 108
 parvus 108
 passus 121, 146
 Paula 123
 Paulīna 123
 Paulīnus 123
 Paulla 123
 Paullīna 123
 Paullīnus 123
 paullō 123
 paullūlum 65
 paullum 123
 Paullus 123
 paulō 123
 paulum 123
 paulus 124
 Paulus 123
 paua 92
 pauxillus 124
 pavīmentum 112
 pāvō 112
 pectinis 34
 pedicaud 21
 pedis 35, 79
 peiuis 108
 pejjor 107
 pejjus 107
 pelegrīnus 101
 pelliōciō 137
 pellō 14, 39, 139
 pellūceō 137
 pendō 79
 pennā 132
 peparai 49
 pepercī 35
 peperī 34
 pepigī 30
 pepulī 14, 39
 peragrō 37
 perdiscō 36
 perfice 51
 pergō 116
 perīsse 75
 perīciō 137
 perlūceō 137
 pertaesus 39

- pertisus 39
 pes 34, 79
 pesna 132
 pestilens 31
 pesum (=pēnsum) 152
 petītī 75
 petīt (=petit) 75
 petō 13
 Philemo 82
 Philinus 82
 Philippus 82
 philtrum 19, 82
 pietās 34, 77
 pijus 106
 Pilonicos 81
 pilumnoe 49
 Psarum (=Pisaurum) 67
 pīsum 156
 pīsum 156
 pius 106
 plaudō 66
 plaus(s)us 145, 146
 plēbs 127
 plēps 127
 plērāque 24
 plōdō 66
 ploirume (=plūrimi) 50
 plōstrum 66
 pluit 106
 plurālis 100
 plusima 91
 pluvia 106
 pluvit 106
 pōcillum 43
 poena 63
 Poenus 63
 polenta 59
 pollen 59
 pollulum 65
 pondō 79
 pōne (<*postne) 154
 pōnēbat 56
 pōnō 43, 67, 151
 poploe 49
 porcīna 31
 porculus 34, 55
 porgō 40
 porrigō 29, 40
 portitor 162, 163
 portōrium 162, 163
 positus 40
 posīvī 43
 possum 96
 possumus 32
 post 50
 poste 50
 posterus 41
 postrīdiē 41
 postus 40
 pote 95
 potes 95, 119
 potest 95
 potis 95
 potis es 95
 potis est 95
 praechō 82, 83
 praecinō 30
 praecō 43, 82, 120
 praedā 87
 prāeparat 26
 praesideō 28
 praestīgiae 102
 praestīgiātor 102
 praestīgiātrīx 102
 praetereis 49
 praevideō 28
 praidā 87
 praifectos 62
 praitor 62
 prēlum 128, 151
 pressī 72
 pressus 72
 Primitivos (им. п. ед. ч.) 48
 prīmus 128, 151
 probāt 111
 probe 57
 prōdigus 30
 prōditus 29
 profiteor 29
 prohibeo 31
 proin 50
 proinde 50
 prōlēs 76
 prōmpstī 149
 prōmptus 149
 prōmunturium 22, 36
 prope 50
 proprius (=proprius) 102
 propter 40
 prout 78
 prōvidus 28
 prūdens 23, 42

puer (им. п.) 53, (зват. п.) 51,
 52
puere 51
pulcer 19, 82
pulcher 19, 82
Pulcher 82
puls 59, 138
pulsus 138
pultāre 138
pulveris 33
pulvīnar 100
pulvis 59
Pūnicus 63
pūnire 63
purgatī (им. п. мн. ч.) 61
purpura 82
pūrus 55
putā 44, 57
putā 57

q
quadrāgintā 135
quadrīngentī 135
quadruplex 135
quaerit 63
quaerō 62
quaes(s)o 93
quairatis 62
quaistores 62
quam 105
quamdiū 143
quandiū 143
quansei 144
quase 44
quasei 45
quasi 45
quassus 146
-que 24
quen 105
quercubus 33
quercus 84
querella 115
quernus 43, 154
queror 91
Querquetulānus mōns 84
querquētum 84
quibusdam 151
quicquam 140
quid 87
quidquam 140

Quīncilius 154
Quīncius 154
quīncus 154
Quīncus 154
quīncūnx 84
quīndecim 22, 43, 154
quīntus 154
quippe 140
quodlibet 32

r

rāllum 122
rāmentum 122
rārus 55
rāstrum 149
rationi(s) potestas 94
ratus 80
raucus 42
reccidat 44
reccidere 43
reccidi 43
reccidimus (praes.) 43
reciperō 32
recipit 26
reclūdo 38
rēctor 69
rēctus 68
recuperō 32
recurvus 36
redácta 69
reddere 34
reddidī 28
redux 46
refectus 35
referō 22, 90, 92
rēgalis 100
rege (=rēgis) 44
rēt 72, 73
rēt 73
relicius 84
reliquiae 84
reliquus 84
rem 56
remedium 12, 13
remeisserit 114
rēmex 47
repello 22
reperiō 34
repperī 43
reppulī 22, 43

- reprimō 12
 repremeisserit 114
 rēr̄t 80
 rēs 56
 resēminō 92
 restis 53
 restitī 29
 restituō 29
 Restūta 162
 Restūtus 162
 reticeō 30
 retro 57
 retrōrsum 76
 rettulī 22, 43, 146
 revertī 59
 revertī 60
 rius 109
 rivom 48
 rīvus 109
 romphaea 19
 rosa 13
 rosīs 49
 rōs(s)ī 131
 ruber 55
 rūfus 90
 ruptāre (=ructuāre) 141
 ruptus (=ructus) 141
- S
- sacellus 116
 sacer 54, 55, 118
 sacros 54
 sakros 48
 salbia 112
 salbus 112
 saltō 78
 Salutes (род. п.) 46
 salūtis 46
 salvon 105
 Samnio (=Samnium) 104
 Samnium 132
 sarmentum 117, 153
 sarsī 154
 sartus 154
 satiu(s) sit 94
 satullus 137
 satur 54
 satus 80
 scalprum 100
 scamnum 132
- scelus 58
 sciām 73
 sciēbam 73
 scies (=sciēns) 151
 sciēs 73
 sciō 73
 Scipione (=Scipiōnem) 104
 scissus 71
 scīt 56
 sciunt 73
 scobis 53
 scripsī 126
 scripstī 162
 scrōfa 90
 scyfus 83
 seclūdō 38
 sectus (причастное от secāre) 44
 sectus (=saeptus) 141
 sēcubō 120
 sēcum 140
 secūris 55
 secūtus 84
 sed 87
 sēdecim 67, 156
 sedeō 72, 80, 86
 sēdes 80
 sēditiō 120
 sēdulō 31, 120
 seedes 59
 segmentum 128, 134
 sēligō 29
 sella 135
 sēmen 80
 sēmodius, 162
 semper 46
 sēnsī 117, 153
 sententiād 88
 seorsum 108
 sēparāre 37
 sēparō 37, 120
 sepeliō 58
 sēperat 26
 sēperō 37
 sephulcrum 82
 septemdecim 143
 septendecim 143
 septingentī 57
 sepulchrum 19, 82
 sepulcrum 82
 sepultus 58
 sequontur 36

- serbus 112
 serrātus 116
 serum 63
 servos (им. п. ед. ч.) 48
 sescēntī 155
 -sessus 71
 sēstertius 41
 sestus (=sextus) 155
 settembris 141
 seu 64
 sevērus 55, 110
 sextus 155
 sibei 49
 sibī 49
 sibilāre 91
 sibilus 91
 sic 56
 siccus 113, 140
 Sicilia 31
 Siculus 31
 sidō 80
 sifilāre 91
 sifilus 91
 similis 31
 simulō 31
 sine (предлог) 50
 sis (=stī vīs) 109
 sitis 53
 stīve 64
 sobrīnus 148
 socer 54
 sol 56
 soldus 40
 soleū 56
 solidus 40, 115
 solitaurilia 113
 solium 80, 86
 solūs 73
 sollers 115
 sollus 115
 somnus 128, 132, 149
 sompnus 133, 149
 soveis 49
 spēca 61
 specimen 32
 spec(u)lum 100
 spērno 139
 spōsum 152
 stēla 125
 stēliō 122
 stella 122
 stērno 139
 stēva 62
 stīpitis 29, 35
 stlocus 30
 stolidus 59
 strictus 70
 structum 89
 stru(v)o 89
 struxī 89
 stultus 59
 suās(s)t 131
 sub vōs placō (=supplīcō vōs) 128
 subicit 42, 161
 subjectus 35
 subligō 28
 submittō 134
 submoveo 133
 substituō 29
 subtilis 127
 subveniō 12, 13
 succidō 140
 succiduus 29
 succus 114
 sūcus 114
 sulfur 83
 sulphur 19, 82
 sulphur 82
 summeis 49
 summittō 134
 summoveo 133, 134
 summus 121, 133
 sūmpsī 144, 149
 sumptibus 33
 sūmptus 144, 149
 sūnsī 144
 sunt 79
 suntō 88
 suntōd 88
 suntus 144
 suō (suere) 72
 superstes 154
 supestes 154
 suppingō 57
 suptilis 127
 suptilissima 127
 surgo 40
 surripiō 32
 surruput 32
 suscipiō 155
 suscitō 28
 sustēnet 26

- sustineō 22, 29
 sustulī 155
 su(u)m 105
 suvō 72
- t
- taberna 102
 taeter 134
 tamquam 143
 tan 105
 tanquam 143
 Taurasia (=Taurasiam) 104
 teatrum 81
 tēctum 69
 tēctus 68, 126
 tēcum 140
 tēd 88
 tegō 79
 tegula 79
 tela 125, 156
 temperī 37
 temporis 37
 tempu(s) fert 94
 tenāciter 40
 teneō 13, 22
 Terebonio (=Terebōnius) 45
 ter(r) 118
 terra 79, 122
 terrāt 50
 terruncius 118
 testis 153
 tetigī 30
 tetulī 44
 theātrum 82
 thensaurus 152
 thēsaurus 19
 Thorius 82
 Tiberis 55
 tibīcen 47
 tibīcinium 30
 tigillum 43
 titulo (=titulum) 45
 toga 79
 tollō 139
 Torius 82
 tormentum 154
 torreō 137
 tostus 153
 totIus 73
- trādere 34
 trādidī 28
 trāducō 156
 trāmed 156
 trānō 156
 trānsducō 156
 trānsfundō 36
 trānsigō 30
 trānsmeō 156
 trānsnō 156
 trānsque datō (=trāditōque) 128
 trēdecim 151
 tribubus 33
 tribūnal 51, 100
 tribūnāle 52
 triumphus 82, 83
 Trōades 74
 Trōes 74
 Trōius 74
 Trōjād 88
 tūber 91
 *tūfer 91
 tulī 44
 tun (=tuum) 105
 tunc 143
 tunde 51
 turpēve 24
 turtur 46
 tutudī 49
 tu(u)m 105
- u
- ūdus 86
 ūlīgo 86
 ūllus 123
 ūlna 139
 ūltus 154
 ūnciō 147
 ūncetus 154
 ūnguō 154
 ūniūs 73
 ūnlus 73
 ūnus 63
 urbe (=urbem) 104
 urbs 53, 127
 urps 127
 ūsus 63
 ūtar 56
 uxōr 56

vafer 90
 Valerii 92, 96
 Valesii 92, 96
 vapor 96
 vapōs 96
 varietās 34
 Varro 114
 Vārus 114
 vās(s)a 93
 -ve 24
 vēcīnus 62
 vectīgal 54
 vectis 53
 vectus 71
 vegetus 38
 velim 58, 78
 velle 58, 121, 129, 137
 vellem 58
 vēlum 63
 vene (=bene) 85
 Veneres (род. п.) 46
 veniō 13, 90
 Venos 36
 venustus 36
 vēr 56
 verbēx 112
 verrere 59
 verres 137
 vertere 59
 vester 59
 vestis 53
 vetāre 59
 via 106
 vibus (=vīvus) 85
 viden 50
 vigil 54
 vija 106
 villicus 122
 villa 122
 villicus 122
 vīllum 44, 122, 136

vīn 50
 vīnctus 154
 vinc(u)lum 100
 violātōd 88
 vir (им. п.) 53, 54, (зват. п.) 51,
 52
 virī (им. п. мн. ч.) 49
 viro (=virum) 104
 virum 47
 vīsus 71
 vīsu(s) sum 94
 vītis 53
 vius (=vīvus) 109
 vīvō 90
 vīvont 48
 vīvos (им. п. ед. ч.) 48
 vocō 80, 108
 volam 58
 volebam 58
 volgus 59
 volō (хочу) 58, 78
 volō (летаю, краду) 108
 volpēs 59
 volt 58
 voltis 58
 voltur 59
 volūt 58
 volumus 32
 vomō 108
 vorō 108, 115
 vorrere 60
 vorrus 115
 vortere 60
 voster 60
 votāre 60
 vox 80
 vulgus 59
 vulneris 34
 vulnus 139
 vulpēs 59
 vult 58
 vultis 58
 vultur 59.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От переводчика	5
Объяснение некоторых знаков и сокращений, употребляемых в книге	9
Начальные исторические сведения	9
Предмет фонетики. Вопросы метода	11
Общая теория фонем	14
Классификация латинских фонем	17
Латинское ударение	20
История латинских гласных	27
Изменения, обусловленные начальной интенсивностью	27
Изменения качества гласных	27
А. Изменения качества гласного в открытом серединном слоге	27
Б. Изменения качества гласного в закрытом серединном слоге	35
Аналогия и особые случаи	37
Синкопа	39
Изменения, частично зависящие от начальной интенсивности	44
Изменения гласных в конечном слоге	44
А. Изменения качества гласного	44
Б. Изменения количества гласного	50
Изменения, не зависящие от начальной интенсивности	57
А. Изменения качества гласного в неконечном слоге	57
Б. Изменения количества гласного в неконечном слоге	67
а) Удлинение кратких гласных	67
б) Сокращение долгих гласных	72
Слияние гласных	74
Чередование гласных	78

История латинских согласных	81
Простые согласные	81
Смычные	81
Глухие смычные	81
Звонкие смычные	84
Спиранты	90
Дрожащий и боковой	98
Носовые	102
Полугласные	106
Двойные согласные	112
Удвоение простых согласных.	113
Упрощение двойных согласных	115
Группы согласных	126
А. Группы из двух согласных.	126
I. Ассимиляция	126
а) Ассимиляция по звонкости	126
Регрессивная ассимиляция 126. Прогрессивная ассимиляция 129	129
б) Ассимиляция по способу артикуляции	13
Регрессивная ассимиляция 129 (Смычный + спирант. — Смычный + носовой. — Смычный + дрожащий. — Смычный + боковой. — Носовой + дрожащий или боковой.— Дрожащий + боковой). Прогрессивная ассимиляция 137 (Дрожащий или боковой +спирант. — Боковой +носовой)	129
в) Ассимиляция по месту артикуляции.	13
Ассимиляция между смычными трех рядов 139. Ассимиляция между смычным и спирантом, производимыми различными органами 141. Ассимиляция между смычным и носовым, производимыми различными органами 142. Ассимиляция зубного спиранта с губному спиранту f 142. Ассимиляция между носовыми и смычными трех рядов 142. Ассимиляция губного носового т зубному спиранту s 144. Ассимиляция зубного носового т зубному носовому т 145.	145
II. Изменение группы «зубной смычный + t».	146
III. Изменение начальной группы dv.	146
IV. Изменение g ^v и q ^v перед согласными.	147
V. Изменение внутренней группы tg.	148
VI. Развитие вставного смычного в некоторых группах из двух согласных	148
VII. Выпадение первого элемента в группе из двух согласных	150

Б. Группы из трех согласных.	153
Ассимиляция и упрощение двойного согласного с исчезновением или без исчезновения s.	153
Выпадение согласного с исчезновением или без исчезновения s	154
Исчезновение группы -ns- перед звонким согласным.	156
Слог	157
Разделение слов	157
Длительность слов	159
Гаплологическое выпадение слова.	162
Библиография	164
Указатель цитируемых авторов.	166
Указатель латинских слов	168

Редактор *В. В. Фрязинов*

Технический редактор *А. Н. Никифорова*

Корректор *Р. Л. Шейхет*

*

Сдано в производство 25/II 1949 г.

Подписано к печати 24/X-1949 г.

А11942. Печ. л. 12. Уч.-издат. л. 10,7.

Формат 84×108¹/₃₂. Издат. № 13/475.

Цена 11 руб. 50 коп. Зак. № 242.

*

15-я типография „Искра революции“

Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.

Москва.